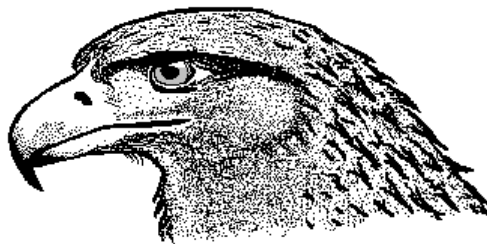

Беркут

*Український
орнітологічний журнал
Ukrainian Ornithological Journal*

Том 10
Випуск 1
2001

Над випуском працювали:

відповідальні редактори — В.М. Грищенко, І.В. Скільський
відповідальний секретар — Є.Д. Яблоновська-Грищенко
комп'ютерний набір — В.М. Грищенко, І.В. Скільський,
Є.Д. Яблоновська-Грищенко
верстка — В.М. Грищенко
малюнки — С.О. Лопарев
видання та розповсюдження — І.В. Скільський

Адреса: І.В. Скільський
а/с 532.
58001, м. Чернівці,
Україна.

Address: I.V. Skilsky
P.O. Box 532
58001, Chernivtsi
Ukraine

e-mail: berkut@aquila.freenet.kiev.ua; berkut_ua@yahoo.com
http://www.geocities.com/berkut_ua/berkut.htm

Edited by V.N. Grishchenko & I.V. Skilsky

Редакційна рада:

Editorial board:

В.П. Бєлік, проф., д.б.н., м. Ростов-на-Дону.
А.А. Бокотей, к.б.н., м. Львів.
В.Є. Борейко, м. Київ.
І.М. Горбань, к.б.н., м. Львів.
В.М. Грищенко, к.б.н., Канівський
природний заповідник.
А.І. Гузій, к.с.-г.н., природний заповідник
"Розточчя".
М.Л. Клєстов, к.б.н., м. Київ.
В.М. Константінов, проф., д.б.н., м. Москва.
В.А. Костюшин, к.б.н., м. Київ.
О.І. Кошелєв, проф., д.б.н., м. Мелітополь.
О.Є. Луговой, доц., к.б.н., м. Ужгород.
І.В. Марисова, проф., к.б.н., м. Ніжин.
Д.Н. Нанкінов, проф., д.б.н., м. Софія.
І.В. Скільський, к.б.н., м. Чернівці.
В. Тіде, др., м. Кельн.
Г.В. Фесенко, м. Київ.

V.P. Belik, Prof., Dr., Rostov-on-Don.
A.A. Bokotey, Dr., Lviv.
V.E. Boreyko, Kyiv.
I.M. Gorban, Dr., Lviv.
V.N. Grishchenko, Dr., Kaniv Nature
Reserve.
A.I. Guziy, Dr., Nature Reserve
"Roztochchya".
N.L. Klestov, Dr., Kyiv.
V.N. Konstantinov, Prof., Dr., Moscow.
V.A. Kostyushin, Dr., Kyiv.
A.I. Koshelev, Prof., Dr., Melitopol.
A.E. Lugovoy, Dr., Uzhgorod.
I.V. Marisova, Prof., Dr., Nizhyn.
D.N. Nankinov, Prof., Dr., Sofia.
I.V. Skilsky, Dr., Chernivtsi.
W. Thiede, Dr., Köln.
G.V. Fesenko, Kyiv.

Засновники — І.В. Скільський, В.М. Грищенко.
Реєстраційне свідоцтво Чц 116 від 26.12.1994 р.

Видавці — Київський еколого-культурний центр, Спілка молодих орнітологів України.
Журнал видано при підтримці Фонду МакАртурів.

ЗАМЕТКИ О РЕДКИХ И МАЛОИЗУЧЕННЫХ ПТИЦАХ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЧАСТИ СУМСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.П. Кныш

Notes about rare and insufficiently known birds of the forest-steppe part of Sumy region. - N.P. Knysh. - Berkut. 10 (1). 2001. - Data were collected since the end of 1960th. Information about distribution, number, migration and breeding of 81 species is presented (Non-Passeriformes – 59, Passeriformes – 22). 33 species are breeding or probably breeding, 47 – migrating and vagrant ones, status of one species is not defined. [Russian].

Key words: Sumy region, fauna, rare species, distribution, breeding, migration, vagrant.

Address: N.P. Knysh, Sumy Pedagogical University, Dep. of Zoology, Romenska str. 87, 40002 Sumy, Ukraine.

В ходе регулярных наблюдений, проводившихся с конца 1960-х гг. в лесостепной части Сумской области, автор неоднократно встречал птиц, являющихся редкими в общеукраинском или региональном масштабе. Среди них есть гнездящиеся, в том числе новые для региона, пролетные, а также залетные виды. Кроме того, за прошедшее время накопились определенные данные по ряду видов птиц, которые прежде были обычными, а теперь представляют значительную редкость, или же всегда пребывали в категории малоизученных. Поскольку эта информация лишь отчасти (по нескольким видам) была включена в другие публикации, приводим ее в отдельном сообщении.

Сюда не вошли такие редкие виды как большая белая цапля (*Egretta alba*), рыжая цапля (*Ardea purpurea*), луговой лунь (*Circus pygargus*), серый журавль (*Grus grus*), многие кулики, серый сорокопуд (*Lanius exubitor*), белобровик (*Turdus iliacus*) – их нынешнее состояние было освещено в отдельных публикациях (Кныш и др., 1991; Лебедь и др., 1991, 1992; Кныш, Сыпко, 1994, 1997; Кныш, 1996; Книш,

Кукса, 1996; Кныш, Глушко, 1998; Лебедь, Кныш, 1999 и др.). Для полноты картины укажем на факты встреч и некоторых других орнитологических раритетов, как-то: черная казарка (*Branta bernicla*), пискулька (*Anser erythropus*), степной лунь (*Circus macrourus*), белая сова (*Nyctea scandiaca*), желна (*Dryocopus martius*), черноголовая трясогузка (*Motacilla feldegg*), розовый скворец (*Pastor roseus*). О них, а также о ряде видов рассматриваемых в настоящей работе, сообщают другие исследователи птиц региона (Архипенко, 1981; Лебедь и др., 1993; Савостян, 1995; Гаврись, Слюсарь, 1996; Лебедь, 1996; Лебедь, Мерзликин, 1996, 1998а, 1998б; Мерзликин и др., 1996; Грищенко, 1999 и др.).

Из общего числа рассматриваемых видов пернатых одни уже имеют предусмотренный законодательством охранный статус, некоторые другие являются кандидатами в Красную книгу Украины (Книш, Матвієнко, 1995; Грищенко, 1998). Надеюсь, что представленная информация не будет оставлена без внимания при составлении Списка видов редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных

Сумской области и очередного издания Красной книги Украины.

Завершая это краткое введение, хочу выразить глубокую благодарность коллегам-орнитологам, охотоведам и любителям природы, которые любезно предоставили неопубликованные данные своих наблюдений, а также О.А. Щелинской и С.Н. Пироговой за помощь в подготовке рукописи статьи.

Краснозобая гагара (*Gavia stellata*). Единственная встреча приходится на 22.10.1985 г.: группа из 3 гагар наблюдались на Косовщинском водохранилище возле г. Сумы.

Чернозобая гагара (*G. arctica*). Редкий осенний мигрант. На Косовщинском водохранилище 25.10.1970 г. отмечена 1 особь, через 2 дня – 2, 1 и 2.10.1976 г. – 2. 22.10.2000 г. гагары наблюдались на большом пруду в с. Жовтневое Конотопского района, причем 4 молодые птицы запутались в рыбацкой сети. На весеннем пролете гагара, по всей видимости, данного вида, отмечена 6.05.1971 г. (Косовщинское водохранилище).

Малая поганка (*Podiceps ruficollis*). Очень редкий мигрант. 11 и 18.10.1992 г. на полях фильтрации возле с. Поповка Конотопского района отмечены соответственно 1 и 4 особи (личн. сообщ. Л.А. Давыдовского и П.Е. Логвина).

Серощекая поганка (*P. grisegena*). Редчайший пролетный вид региона. Одиночные птицы отмечены 5.11.1970 г. на Косовщинском водохранилище и 11.05.1978 г. на большом рыбоводном пруду у г. Сумы.

Черношейная поганка (*P. nigricollis*). Редкий спорадично распространенный вид. В 1977, 1983, 1984, 1988 и 1991 гг. 1-2 пары поганок гнездились на большом пруду рыбхоза на окраине г. Сумы. Холостая особь держалась на заросшем прудике в с. Вакаловщина Сумского района с 26.05 до начала июля 1975 г. (Кныш, 1998). На пролетах черношейная поганка весьма малочисленна, встречается поодиночке и маленькими стайками (2-4 особи) на прудах возле г. Сумы. Весной первые птицы появляются здесь между 5.04 (1981 г.) и 13.05 (1986 г.),

в среднем по 9 годам – 25.04. А.В. Сыпко (личн. сообщ.) наблюдал стайку из 12 поганок 2.04.1992 г. на отстойниках сахарного завода возле г. Червонозаводское Лохвицкого района Полтавской области, что совсем близко от границы Сумщины. В целом число встреч/особей распределяется по декадам, начиная с 1-й апрельской, так: 2/14, 2/2, 3/3, 2/3, 1/4. Осенью поганок отмечали в 3-й декаде сентября (4 особи) и в октябре (по декадам: 9, 4 и 2 особи). Последние встречи возле г. Сумы – 13.10.1983 и 25.10.1989 г. По сообщению Е.А. Лебеда, несколько поганок, очевидно, данного вида наблюдались 12.11.2000 г. здесь же на гидрокарьерах (“Голубые озера”). Возможны случаи зимовки на незамерзающих водоемах: пара птиц отмечена 28.02.1993 г. на отстойниках спиртозавода в окр. г. Червонозаводское (личн. сообщ. А.В. Сыпко).

Малая выпь (*Ixobrychus minutus*). Малочисленный уязвимый вид. Малая выпь распространена спорадично, отсутствует во многих, вполне подходящих по биотопическим условиям местах. Нет ее и на тех водоемах, где обитает большая выпь (*Botaurus stellaris*), которая заметно умножилась в последние 15-20 лет. Массовый материал по гнездованию малой выпи получен из с. Вакаловщина Сумского района. Здесь до 1990 г. 5-6 пар обитали на обводненном рогозово-тростниковом болоте, но исчезли после его осушения. До середины 1980-х гг. малая выпь селилась небольшими полуколониями на Косовщинском водохранилище возле г. Сумы (в 1985 г. 3 гнезда обнаружены в прибрежной полосе тростника 80 x 5-8 м), но с появлением здесь большой выпи перестала встречаться. Пребывание вида отмечено также в заболоченной пойме р. Стрелка в Сумском районе (1978, 1993 гг.) на прудах в селах Шаповаловка, Сосновка, Дубовязовка Конотопского района и Олешня Ахтырского района (1990-е гг.). В 1979 г. гнездование было зафиксировано в пойме р. Сейм возле с. Камень Кролевецкого района (Грищенко, 1993). Сроки весеннего появления вида точно не определены. Возле г. Сумы первые встречи и проявления

брачной активности волчков зафиксированы 8.05.1974 (10.05.1974 – токовые полеты и крики самца), 6.05.1978 и 4.05.1993 г. (токовые крики). Поздние случаи брачной вокализации отмечены 27.06.1982 (1 самец) и 8.07.1985 г. (2 самца). Гнезда в тростнике ($n = 23$), рогозе (1) или низко в небольших кустах лозы (5). Период начала яйцекладки приходится на 16.05 (1973, 1979 гг.) – 13.06 (1973 г.). В целом во 2-й и 3-й декадах мая, 1-й и 2-й декадах июня откладка яиц началась в 3, 15, 6 и 3 гнездах соответственно. В полных кладках по 4 ($n = 1$) – 5 (3) – 6 (11) – 7 (7) яиц, в среднем $6,09 \pm 0,17$ ($n = 22$). Размеры яиц в 20 кладках находились в пределах 31,6–38,3 x 23,8–28,0 мм, в среднем $35,27 \pm 0,14$ x $26,46 \pm 0,09$ мм ($n = 95$). Сроки отлета малой выси не прослежены. По сообщению В.М. Савостьяна, в с. Олешня Ахтырского района последнее наблюдение (1 самец) относится к 24.08.1993 г.

Кваква (*Nycticorax nycticorax*). Судя по заметке П. Стефарова в областной газете “Ленінська правда” (№ 75 от 17.04.1984 г.), пролетная стайка из 8 квакв наблюдалась в 1-й половине апреля 1984 г. на пойменном озере Чеха в черте г. Сумы. Одиночная птица встречена на р. Ворскла в Ахтырском районе 6.05.1997 г. (Лебедь, Мерзликин, 1998б). В летние месяцы 1999 и 2001 гг. кваква (1 особь) регулярно наблюдалась на прудах с заросшими берегами в с. Речки Белопольского района (личн. сообщ. В.Н. Зарудного). Ночью 4.09.1998 г. в с. Вакаловщина Сумского района по голосу можно было узнать пролетавшую квакву. Согласно А. Костюченко (1927), в 1920-е гг. кваквы гнездились в большой колонии серых цапель (*Ardea cinerea*) в пойменной дубраве ур. Боромля вблизи с. Хижки Котопского района.

Малая белая цапля (*Egretta garzetta*). По сообщению А.В. Сыпко, 17-21.03.1993 г. 1 особь наблюдалась в окр. г. Червонозаводское Полтавской области, вблизи границы с Сумщиной. Птица держалась на берегу р. Сула в стайке больших белых и серых цапель.

Колпица (*Platalea leucorodia*). Залетные одиночки дважды отмечены осенью 1990 г. охотоведом А.И. Кривцовым (личн. сообщ.): 11.08 колпица наблюдалась на мелководье заросшей вершины пруда между селами Рудневка и Кровное Сумского района, а в конце сентября 1 особь держалась в стайке больших белых цапель на пойменных болотах р. Сейм около с. Волынцево Путивльского района. Важно заметить, что весной и осенью 1990 г. залеты колпиц фиксировались и в других областях Украины – Ровенской и Львовской (Новак, 1992; Когут, Чорненька, 1993). В XIX ст. колпица, вероятно, нередко появлялась на территории современной Сумской области. А. Чернай (1853 – цит. по Шкільний, 1939) пишет: “мне доставляли ее из Ахтырского уезда в 1845 году”. Не исключено, что это были гнездящиеся птицы.

Черный аист (*Ciconia nigra*). В последние лета участились встречи птиц данного вида в лесах Сумского района, что свидетельствует о возможном гнездовании по крайней мере 1 пары. Так, с 13.05 по 1.06.1999 г. аист ежедневно в утренние и вечерние часы кормился на грязевой отмели спущенного пруда в дубравном массиве у с. Вакаловщина. В следующем году его наблюдали 14.05 на лесном ручье, а 30.07 птица пролетала над селом. В июле и начале августа 2000 г. 2 особи в паре неоднократно наблюдались на лугах по краям массива пойменного леса Битицкого лесничества. В другом пункте региона, в окр. с. Спадщина Путивльского района, 1 особь отмечена 5.05.1998 г. (личн. сообщ. Н.П. Лаухина). Осенние встречи аистов немногочисленны. В 1997 г. всю 2-ю половину августа 1 особь кормилась у стариц на пойменном лугу р. Псел возле с. Мирополье Краснопольского района (личн. сообщ. Л.С. Шеремета). В этом же году с конца сентября до 12.10 черный аист держался на пруду в с. Саи Липоводолинского района. О пребывании вида в регионе имеются и другие, более ранние, свидетельства (Книш, 1992а; Грищенко, Яблоновська-Грищенко, 1997), в том числе сообщается о находке гнезда аиста в 1999

г. в лесах Новомутинского лесничества Котопского района (Грищенко, 1999).

Серый гусь (*Anser anser*). В малом количестве встречается в ряде пунктов региона, главным образом в плавневых биотопах рек Сула и Ворскла. На Суле гуси регулярно гнездятся в Роменском районе, в том числе в Беловодском гидрологическом заказнике (1-2 пары в 1989 г.) и в Андрияшевско-Гудымовском заказнике (9.05.1996 г. отмечены 4 территориальные пары, а также стая из 14 особей, прилетевшая на полевое “блюдец”). По опросным данным, до 1979 г., а возможно и позже, 1 пара гнездилась в тростниках по р. Ташань (левый приток Псла) в окр. с. Камыши Ахтырского района. Есть гуси и на Ворскле (Лебедь, Мерзликин, 1998а). В долине р. Сейм стайку (выводок?) из 5 особей наблюдали 10.08.1991 г. в болотистом урочище Верзань вблизи с. Червоная Слобода Бурынского района (личн. сообщ. А.И. Кривцова).

Лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*). Встречается намного реже шипуна (*C. olor*). 17.05.1991 г. в с. Вакаловщина отмечена стая из 10 кликунов, летевшая в северном направлении. По сообщению В.А. Линиченко, 6.03.1999 г. стая из 15 особей наблюдалась на разливах р. Псел у с. Мирополье, а 1 пара держалась здесь до 31.03. В этом пункте ранее была отмечена успешная зимовка 3 кликунов, о чем сообщила областная газета “Ленінська правда” (№ 63 от 31.03.1981 г.). В газете помещена четкая фотография этих птиц, подтверждающая их видовую принадлежность.

Огарь (*Tadorna ferruginea*). В 1970-е гг. на стоячих водоемах возле г. Сумы несколько раз встречались огари, сбежавшие из городского парка. 6.05.1971 г. на берегу Косовщинского водохранилища был найден труп самки (с подрезанными 4-8 первостепенными маховыми правого крыла). 27.03.1977 г. на пруду рыбхоза 3 огаря стояли на льдине, а позже, 25.04, пара огарей держалась у старой скирды слежавшейся соломы (попытка гнездования). Залетных мигрантов наблюдали 1.04.1984 г. в с. Чупаховка

Ахтырского района: 4 птицы держались на польные большого пруда вместе с различными утками (личн. сообщ. А.В. Ральцева).

Пеганка (*T. tadorna*). Известен единственный залет этого вида: 9-14.04.1976 г. самец держался на рыбководном пруду возле г. Сумы. Кормился и отдыхал вместе с трескунками (*Anas querquedula*), свиязями (*A. penelope*) и красноголовыми нырками (*Aythya ferina*), но был более осторожен, чем они.

Серая утка (*Anas strepera*). Редка на пролетах. Весной на пруду Сумского рыбхоза одиночные особи зарегистрированы 8.05.1974 и 6.04.1990 г. Осенние встречи более часты. 12.10.1969 г. на лесном прудике близ с. Мирополье Краснопольского района наблюдалось нападение тетеревятника (*Accipiter gentilis*) на пару серых уток. В момент его атак утки панически кричали и ныряли. На водоемах у г. Сумы их отмечали 5.11.1970 г. – 2 особи, 6.11.1983 г. – 1 особь в большой стае крякв (*A. platyrhynchos*), 13.10.1989 г. – 2 особи.

Шилохвость (*A. acuta*). Нечастый пролетный гость больших прудов. Весной стайки, пары и одиночки встречены 32 раза, осенью – 6 раз. Начало весеннего пролета между 15.03 (1989 г.) и 14.04 (1987 г.), в среднем по 13 годам – 28.03. В целом число встреч/особей распределяется по декадам, начиная со 2-й мартовской, следующим образом: 2/9, 13/91, 7/41, 5/16, 5/22. Соотношение самцов и самок 1,59 : 1. Однажды 2 шилохвосты наблюдались на пруду рыбхоза возле г. Сумы в летнюю пору – 29.06.1987 г. Осенью пролетные одиночки или стайки в 2-3 особи встречались в конце августа (1 случай), 3-й декаде сентября (2 случая) и в ноябре (3 случая), а всего же было отмечено 10 особей. Наиболее поздняя встреча – 23.11.1990 г. Осенью 1971 г. сумским охотником был добыт самец шилохвосты с голландским кольцом 5.023.312. По данным Центра кольцевания АН СССР, птица была помечена 24.01.1968 г. в Голландии, в провинции Северный Брабант.

Белоглазая чернеть (*Aythya nyroca*).

Очень редка. Встречалась несколько раз на прудах рыбхоза и Косовщинском водохранилище возле г. Сумы, чаще осенью (13 и 21.10.1983 г. – по 1 особи, 25.10 и 8.11.1983 г. – стайки из 7 и 5 нырков, 3.08.1986 г. – 1 самец), нежели весной (11.04.1984 г. – 1 самец).

Морская чернеть (*A. marila*). Одиночки и небольшие стайки изредка, обычно в апреле, встречаются на больших прудах возле г. Сумы: 12.04.1973 – самец, 11.04.1978 – самец, 1.04.1979 – 3 самца, 8.04.1979 – 3 самца и самка, 17 и 22.04.1979 – по 1 самцу, 22.04.2000 – самец и 2 самки. По сообщению Н.П. Любивога, 8.04.1979 г. 3 самца и 1 самка наблюдались на речном разливе у с. Межирич Лебединского района. Осенью чернети отмечены на прудах в 1989 г.: 25.10 – 3 особи, 28.10 – 8, 4.11 – 2.

Морянка (*Clangula hyemalis*). Редкий залетный мигрант. На пруду Сумского рыбхоза 2 самца наблюдались 27.04.1976 г., самка, или молодая особь – 27.11.1987 г.

Гоголь (*Bucephala clangula*). Отдельные пролетные особи, пары или небольшие стаи (до 33 птиц) изредка останавливаются на Косовщинском водохранилище и рыбо-разводных прудах у г. Сумы. Весной они встречаются чаще (29 встреч, 136 особей), нежели осенью (11 встреч, 36 особей). Начало пролета между 15.03 (1989 г.) и 14.04 (1976 г.), в среднем по 12 годам – 30.03. Самая поздняя весенняя встреча – 7.05.1971 г. В целом число встреч/особей распределяются по декадам, начиная со 2-й мартовской, так: 2/6, 6/40, 9/42, 5/12, 5/21, 2/5. Соотношение самцов и самок 1,15 : 1. Осенний пролет начинается во 2-й декаде октября (18.10.1970), заканчивается в ноябре (19.11.1989). Частота встреч/количество особей по декадам, начиная со 2-й октябрьской, таковы: 2/12, 4/16, 3/6, 2/2. А.В. Сыпко (личн. сообщ.) наблюдал гоголей на водохранилище на р. Сула возле г. Червонозаводское 1.04.1992 (стая из 12 особей), 31.10 и 1.11.1992 (32 и 24 особи).

Синьга (*Melanitta nigra*). Единственная встреча приходится на 16.10.1986 г.:

самка или молодая птица держалась вместе с кряквами на пруду рыбхоза у г. Сумы. В момент наблюдения была сделана зарисовка этой залетной особи.

Луток (*Mergus albellus*). Весьма немногочислен на пролетах. Возле г. Сумы останавливается на больших прудах. Весенние встречи: 2.05.1973 – самец, 9.04.1976 – 3 самца, 13.04.1978 – самка, 28.03.1981 – 3 самца и самка, 29.03.1987 – самец, 19.04.1987 – самка, 3 и 5.04.1993 – пара. Осенние встречи: 2.10.1974 – 4 особи, 25-26.10.1983 – 2 (самки или молодые), 4.10.1986 – 4 самца, 25.10.1987 – самка, 19.10.1990 – 1 самка или молодая птица, 21.10.1990 – 1, 8.11.1990 – самец. В другом пункте, в окр. г. Червонозаводское на Полтавщине, 7.04.1992 г. 4 самца наблюдались на отстойниках сахарозавода (личн. сообщ. А.В. Сыпко).

Длинноносый крохаль (*M. serrator*). Пролетные крохали несколько раз отмечались на прудах возле г. Сумы: 5.05.1971 – 3 пары, 23.04.1978 – пара, 7.04.1979 – самец, 5.05.1981 – пара, 4.05.1983 – 8 самцов и 4 самки, 7.05.1983 – самец и 2 самки, 13.05.1986 – пара. По сообщению А.В. Сыпко, 19.04.1992 г. стайка из 5 крохалей наблюдалась на р. Сула в Лохвицком районе. Осенние встречи крохалей возле г. Сумы редки: 4.10.1986 – самка или молодая особь, 18.10.1987 – самка, 30.10.1988 – стайка из 3 молодых птиц.

Большой крохаль (*M. merganser*). Очень редкий пролетный, скорее даже залетный, вид. Весной возле г. Сумы крохали отмечены дважды: 2.05.1973 – самка, 9.05.1975 – стайка из 6 самцов и 3 самок. А.В. Сыпко (личн. сообщ.) наблюдал 1 пару 3.04.1992 г. на р. Сула возле г. Червонозаводское на Полтавщине. На осеннем пролете несколько особей были замечены 6.11.1988 г. на прудах рыбхоза возле г. Конотоп (личн. сообщ. С.В. Хоменко).

Скопа (*Pandion haliaetus*). В небольшом числе встречается во время миграций на больших прудах и реках, весной чаще (всего отмечено 28 особей) нежели осенью

(13 особей). Предположение о гнездовании вида в регионе, основанное на поздневесенних (Кныш, Серобаба, 1983) и летних (7.07.1987, 10.06.1988, 26.07.1993) встречах отдельных особей в бассейнах рек Псел и Ворскла, не находит подтверждения. Весенний пролет начинается, в среднем по 11 годам – 8.04 (25.03.1990 – 18.04.1981), заканчивается в середине мая (16.05.1978, 13.05.1980). В целом, по декадам, начиная с последней мартовской, отмечено 3, 10, 8, 4, 1, 2 особи. Почти всегда это были одиночки и лишь дважды (21.04.1977, 28.03.1979) наблюдалось по 2 птицы. На осеннем пролете скопы встречаются с середины августа (18.08.1979, 17.08.1981) до середины сентября (17.09.1986, 15.09.1990, 11.09.1992, 18.09.1997). В целом, в августе и сентябре отмечено по 6 особей. По сообщению Е.А. Лебеда, на р. Ворскла возле г. Ахтырка 1 особь отмечена 31.10.1989 г. Труп скопы, окольцованной птенцом 31.07.1976 г. в Финляндии, был найден 4.09.1978 г. в Краснопольском районе на берегу рыбного пруда (Кныш, Серобаба, 1983).

Осоед (*Pernis apivorus*). Редкий гнездящийся и более обычный пролетный вид. Впервые гнездовой участок пары осоедов выявлен в 1989 г. в окр. с. Вакаловщина Сумского района. Птицы занимали его все последующие годы. Гнездо было найдено в 1991 г. на краю средневозрастной субори. Располагалось оно в приствольном ответвлении сосны на высоте 9,6 м, построено из сухих веток сосны, в лотке веточки березы. Размеры гнезда, см: диаметр – 78 x 55, диаметр лотка – 35 x 33, глубина – 12, высота – 23. Птицы размножались в нем 4 года подряд. Гнездование начиналось в середине мая, откладка яиц – в 3-й декаде мая, вылупление и вылет птенцов – соответственно в 3-й декаде июня и 1-й декаде августа. В 1991 г. самка отложила 2 яйца (48,3 x 40,6; 48,9 x 40,8 мм), в 1992 г. – 2 (48,2 x 39,8; 48,6 x 40,8 мм), в 1993 г. было холодное лето, мало ос и яйца не были отложены, в 1994 г. – 2 (50,1 x 39,5; 49,8 x 39,7 мм; вес свежих яиц, соответственно, 42,06

и 42,46 г.). Всего из 6 яиц вылупилось и поднялось на крыло 5 птенцов (одно яйцо погибло из-за дефекта скорлупы). Токовые полеты самца, подобные описанным В.П. Беликом (1987), наблюдались дважды в мае (21.05.1993, 19.05.1999), 5 раз во 2-й половине июня и однажды в июле (22.07.1999 г.). В летнее время осоеды отмечались и в других пунктах региона: 22.05.1988 г. – 1 особь в окр. с. Визировка Сумского района; 13.05.1989 г. – 1 особь, возможно пролетная, возле с. Мутин Кролевецкого района; 4.06.1992 г. – 1 особь в окр. с. Андреевка Роменского района. Весной пролет регистрировался 28.04.1975 г. – 2 особи поодиночке (личн. сообщ. Н.Г. Кричевича), 19 и 20.05.1998 г. – одна и та же стая из 24 осоедов, продвигавшаяся к северу (личн. сообщ. Е.А. Лебеда; данные автора). На осеннем пролете осоеды отмечены 29.08.1982 г. – 1 особь в окр. с. Мутин Кролевецкого района, 5.09.1984 г. – стаи из 3 и 15 особей в окр. пгт Батулин Бахмачского района Черниговской области (личн. сообщ. В.Н. Грищенко).

Черный коршун (*Milvus migrans*). Гнездящаяся птица региона, численность которой за последние десятилетия снизилась до критического уровня. В 1970 г. на 35-километровом отрезке р. Псел (от с. Мирополье Краснопольского района до г. Сумы) было учтено 4 гнездящиеся пары, а в 1990-е гг. – 0-1 пара. Начиная с 1967 г. на весеннем пролете встречено всего 31 особь. Пролет начинается 24.03 (1980 г.) – 13.04 (1989 г.), в среднем по 13 годам – 4.04, а заканчивается в середине апреля (17.04.1977). В целом, по декадам, начиная с последней мартовской, встречено 4, 18 и 9 коршунов, летевших поодиночке и лишь трижды – по два. На осеннем пролете одиночные птицы отмечены 23.08.1977, 3.08 и 12.08.1986 г. Наблюдались они, как и весной, чаще возле больших прудов.

Полевой лунь (*Circus cyaneus*). За все годы на весеннем пролете учтено 39 взрослых (хорошо диагностируемых “седых”) самцов. Начинается пролет 9.03 (1984, 1992

гг.) – 9.04 (1976 г.), в среднем по 12 годам – 23.03, а заканчивается в середине апреля (14.04.1993). В целом, число встреченных птиц по декадам, начиная с 1-й мартовской, таково: 3, 3, 14, 18, 1. Летят они поодиночке, реже группами по 2 (3 случая) – 4 (1 случай), иногда вместе с самками. Осенью встречен единственный раз: 6.11.1988 г. самец наблюдался в окр. г. Конотоп (личн. сообщ. С.В. Хоменко). В теплом малоснежном январе 1983 г. С.А. Серобаба (личн. сообщ.) неоднократно наблюдал зазимовавшего самца на пойменном лугу возле с. Бишкинь Лебединского района.

Змееяд (*Circaetus gallicus*). Крайне редкая пролетная птица. 6.10.1985 г. в окр. с. Пески Белопольского района возле электролинии была найдена молодая особь с перелетанным крылом. Очевидно, птица пострадала от налета на провода. Через 1,5 месяца содержания в неволе она погибла. В.Н. Грищенко (1999) наблюдал 1 особь 28.05.1999 г. вблизи с. Новомутин Конотопского района.

Орел-карлик (*Hieraetus pennatus*). Редкий вид, численность которого, возможно, увеличивается. Впервые гнездование карлика было установлено в 1976-1980 гг. в Сумском районе в старой нагорной дубраве у с. Вакаловщина (Кныш, Серобаба, 1983, 1986). В окрестностях этого села пара орлов постоянно встречалась все 1990-е гг. Кроме того, выявлены гнездовые участки отдельных пар в следующих пунктах: Спанданский лес (террасная дубрава) в окр. с. Пруды Путивльского района (1992 г.), островная нагорная дубрава вблизи с. Камень Кролевецкого района (1992 г.), островная нагорная дубрава в окр. с. Могрица Сумского района (1993, 1997 гг.), и здесь же – в дубраве заказника “Банний яр” (2000 г.), а также возле с. Кияница (2001 г.). На весеннем пролете одиночные особи наблюдались 11.04.1982, 31.03.1984 (Кныш, 1992б) и 29.04.1997 г. (Грищенко, 1999). Последние встречи осенью в Сумском районе: 14.09.1993 г. – 2 особи в паре, 27.08.2000 г. – 1.

Подорлики. Мною на гнездовании не отмечены. По данным В.Н. Грищенко (1999), в 1998-1999 гг. одиночные особи и пара малых подорликов (*Aquila pomarina*) регулярно встречались в окр. с. Новомутин Конотопского района, а 19.07.1998 г. пару птиц наблюдали вместе с еще плохо летающим слетком. Пролетный, вероятнее всего, большой подорлик (*A. clanga*), встречен 22.05.1988 г. близ с. Визировка Сумского района. Птица летела на северо-восток. 19.11.2000 г. на поле и опушке дубравы у с. Храповщина этого же района наблюдался подорлик, ближе не определенный.

Крупные орлы чрезвычайно редко встречаются во время миграций. Их не всегда удается с уверенностью отнести к тому или иному виду, но чаще всего птицы идентифицируются как молодые или в переходном пере беркуты (*A. chrysaetos*). Весной орлов встречали в Сумском и Белопольском районах: 26.03.1970 г. – 1 беркут, привлеченный большим количеством ондатр, на берегу Косовщинского водохранилища; 15.02.1983 г. – 1 особь в поле на скирде; 29.02.1992 г. – 1 беркут, летевший в северо-западном направлении; 7.04.1996 г. – 1 беркут; 13.04.1996 г. – 2 и 1 орлы, летевшие на север (личн. сообщ. Н.П. Любивога и Ю.В. Куксы; наши данные). В летнее время орлы наблюдались лишь однажды у с. Речки Белопольского района: 29.06.1996 г. 2 птицы, высоко кружась, продвигались на северо-восток (личн. сообщ. Ю.В. Куксы). Осенние встречи (Краснопольский, Сумской и Лебединский районы): 15.11.1968 г. – 1 молодой беркут, 4.11.1969 г. – 1 особь, 25 и 27.10.1970 г. – по 1 особи, 25.09.1983 г. – 1 могильник (*A. heliaca*), сидевший на клеверище, затем улетевший к западу (личн. сообщ. Л.С. Шеремета и В.М. Савостьяна; наши данные).

Орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*). Изредка встречается на пролетах. По сообщению С.В. Хоменко, 26.03.1987 г. 1 птица отмечена близ с. Сарнавщина Конотопского района. 24.03.1991 г. одиночный ор-

лан наблюдался на полевом пруду близ с. Визировка Сумского района, где, по всей видимости, кормился снулыми карпами. На осеннем пролете одиночные взрослые особи отмечены 13.11.1983 г. в окр. с. Хотень Сумского района (личн. сообщ. А.И. Кривцова) и 9.11.1988 г. на прудах Сумского рыбхоза.

Кречет (*Falco rusticolus*). Единственный раз зарегистрирован на весеннем пролете. 24.03.1987 г. в окр. с. Вакаловщина Сумского района во второй половине дня крупный сокол белой окраски невысоко пролетел над заснеженным лесным прудом, затем быстро маневрировал возле ельника и в саду на опушке нагорной дубравы (Книш, 1998). Его удалось наблюдать в бинокль в течение полутора минут.

Балобан (*F. cherrug*). Зарегистрирован единственный раз: 29.07.1993 г. 2 летних молодых сидели на столбах ЛЭП на луговом пастбище возле с. Шпилевка Сумского района. Общий характер ландшафта долины Псла (нагорные и пойменные леса, луга, поля) не исключает возможности гнездования балобана в этом пункте.

Сапсан (*F. peregrinus*). Очень редкий пролетный вид. Известны всего лишь три весенние встречи летающих одиночек в Белопольском и Сумском районах: 29.03.1975, 28.03.1978, 13.04.1996 гг. (личн. сообщ. Н.Г. Кричевича, Ю.В. Куксы; наши данные).

Дербник (*F. columbarius*). Одиночные особи изредка встречаются на обоих пролетах, весной несколько чаще (22 и 28.03.1970, 13.03.1971, 24.03.1974, 3.04.1979, 30.03.1993), нежели осенью (17.11.1984, 28.10 и 6.12.1999). Обычно они придерживаются речных долин и побережий водоемов (пруды, поля фильтрации и др.), летят на малой высоте.

Кобчик (*F. vespertinus*). В 1970-1990-е гг. в лесостепной части Сумщины статус кобчика, как очень редкого пролетного и, возможно, гнездящегося вида, не изменился. Весенние встречи немногочисленны и нерегулярны: 27.04.1976 г. – самец, 3.05.

1978 г. – самец, 10.05.1978 г. – самка, 7.04.1980 г. – самец, 20.04.1980 г. – 2 самца, 5.05.1984 г. – самец, 8.05.1984 г. – 2 самца и самка, 7.05.1996 г. – стайка из 4 самцов и самки. Почти всегда они наблюдались в пределах речных долин. В летнее время в Сумском районе несколько раз (18.05.1972, 25.06.1977, 28.06.1980, 19.05.1982, 23.05.1983, 20.05.1997) встречались одиночные птицы, преимущественно самцы, летевшие в разных направлениях. По сообщению В.М. Савостьяна, в конце мая 1979 г. близ с. Олешня Ахтырского района наблюдалась стайка из 11 кобчиков, охотившихся в полдень на опушке соснового леса. По всей видимости, это были птицы, еще не приступившие к гнездованию. На осеннем пролете кобчик встречен единственный раз: 27.08.1979 г. – самец в пойме р. Сейм возле с. Мутино Кролевецкого района (личн. сообщ. В.Н. Грищенко).

Обыкновенная пустельга (*F. tinnunculus*). За период исследований пустельга стала очень редкой на гнездовании и редкой на пролетах. В разных частях региона было зафиксировано всего лишь 20 летних встреч 25 особей вида и, кроме того, найдено несколько гнезд. 9-13.05.1989 г., проехав около 400 км по дорогам 6 районов Сумщины, мы встретили только 1 пустельгу. Кладка из 4 сильно насиженных яиц обнаружена 21.06.1969 г. в старом гнезде сороки (*Pica pica*) в дубовой лесополосе заповедника Михайловская целина Лебединского района. По сообщению Л.А. Давыдовского и П.Е. Логвина, в 1990 г. 6 гнезд пустельги учтены в полезащитных лесополосах в окр. с. Поповка Конотопского района. Все они помещались в старых сорочьих гнездах. 4 кладки были разорены, 2 гнездования завершились вылетом птенцов. Весенний пролет начинается, в среднем по 12 годам, 3.04 (16.03.1983 – 14.04.1990), заканчивается в конце апреля (30.04.1977 г.). В целом, по декадам, начиная со 2-й мартовской, встретилось 2, 5, 12, 7, 4 особей. Отлет начинается в августе (19.08.1990 и 1992 гг.), завершается, в среднем по 8 го-

дам – 7.10 (20.09.1984 и 1992 – 25.10.1972). Частота встреч пролетных пустельг по декадам, начиная со 2-й августовской, такова: 2, 7, 7, 12, 9, 5, 2, 1.

Фазан (*Phasianus colchicus*). Охотничья форма фазана распространилась в западной части Роменского района. Первая партия птенцов была выведена в домашнем инкубаторе жителем с. Мельники в 1991 г. Хорошие защитные условия местности (древесно-кустарниковая растительность и тростниковые плавни по р. Сула) и благожелательное отношение к птицам со стороны населения (неформальный запрет на охоту, зимняя подкормка) способствовали успешной интродукции вида. Мы наблюдали токующего петуха 9.05.1996 г. на стыке лиственного леса и огородов возле с. Андрияшевка. По сообщению А.В. Сыпко, фазаны часто перебегают через автотрассу, проходящую в этих местах. В другом пункте Сумщины – в окр. с. Речки Белопольского района – фазан (самец) наблюдался 21.08.1999 г. (личн. сообщ. В.Н. Зарудного).

Дрофа (*Otis tarda*). Известна по единичным осенним встречам. По сообщению А.А. Горбусенко, во 2-й половине августа 1980 г. на убранных полях между селами Зеленое и Чемодановка Недригайловского района держался табун до 70 дроф (!). Местные браконьеры загонным способом отстреляли 7 особей. 10-15.08.1990 г. возле сел Елизаветовка и Андреевка Сумского района на поле и болотистом лугу наблюдалась 1 птица (личн. сообщ. охотоведа В.А. Анцибора).

Ходулочник (*Himantopus himantopus*). Появление ходулочника на Сумщине ожидалось в связи с его широкой экспансией, случаями гнездования вблизи ее границ – в соседних Харьковской и Полтавской областях (Лисецкий, Гудина, 1983; Баник, Вергелес, 1993; Гаврис и др., 1993). Впервые случай гнездования отмечен мною совместно с Е.А. Лебедем в 2000 г. в Сумском районе на территории Низовского лесничества. 28.07 на озере Рыбное (32 га), находящемся в смешанном лесу, наблюдали 10

ходулочников, в том числе выводок из 4 молодых и 2 взрослых, сильно беспокоившихся птиц, а также 1 молодой и 3 взрослых особей. Это озеро ранее пополнялось водой из артезианских скважин, но в 1999 г. подкачка прекратилась и водоем обмелел. Образовалась широкая (до 50 м) илистая отмель, чем не замедлили воспользоваться ходулочники. Однако это был единственный случай гнездования: спустя год уровень водоема несколько повысился (из-за дождей), отмель сильно заросла буйным высокотравьем, и ходулочники исчезли.

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*). В дополнение к известным данным о пребывании кулика-сороки на различных водоемах Сумщины, в том числе о случае гнездования на р. Сейм в Конотопском районе в 1992 г. (Лебедь и др., 1992), приведем сведения о новых встречах. По сообщению Л.А. Давыдовского, 28.06 и 5.07.1992 г. 1 и 2 особи наблюдались на отстойниках спиртозавода у с. Поповка Конотопского района. Пролетные одиночки встречены 3 и 16.08.1999 г. на р. Сейм вблизи сел Красное и Сафоновка Путивльского района (личн. сообщ. Н.П. Лаухина).

Степная тиркушка (*Glareola nordmanni*). Залетный вид. В августе 1969 г. взрослый самец был добыт охотоведом В.В. Кушниренко в Краснопольском районе. Чуцело птицы хранится на кафедре зоологии Сумского педуниверситета.

Малая чайка (*Larus minutus*). Пролетные особи отмечены всего лишь несколько раз на прудах Сумского рыбхоза: 20.07.1986 г. – 4, 29.06 и 1.08.1987 г. – 2 и 3 особи. Весенняя встреча единственная: 6.04.1993 г. стайка из 6 малых и 5 озерных (*L. ridibundus*) чаек наблюдалась в с. Речки Белопольского района (личн. сообщ. Ю.В. Куксы).

Клуша (*L. fuscus*). С начала 1980-х гг. эпизодически встречается на обоих протах. Птицы останавливаются обычно на больших прудах и полях фильтрации. Даты весенних встреч: 11.04.1983 – 1 особь, 9-14.04.1992 – 6, 1.04.1993 – 7, 11.05.1995 –

2. Осенью клуша встречается несколько чаще: 22 и 25.10.1983 – 1 и 2 особи, 13.09.1988 – 2, 14.08 и 13.09.1991 – 3 и 4 особи, 18.10.1992 – 1, 18.09.1999 – 2 (одна из них молодая).

Белощекая крачка (*Chlidonias hybrida*). Редкий нерегулярно пролетный вид. Встречается преимущественно на стоячих водоемах вместе с белокрылыми (*Ch. leucoptera*) и черными (*Ch. nigra*) крачками. Весенние встречи в Сумском районе: 16.05.1990 – 3 особи на прудах рыбхоза (личн. сообщ. Е.А. Лебеда), 27.04.1993 – 1 особь на пруду в с. Рудневка, 20.05.1994 – 2 особи на старице Псла возле с. Ольшанка. Кроме того, 6.04.1992 и 13.05.1993 – 1 и 6 особей на р. Сула у г. Червонозаводское на Полтавщине (личн. сообщ. А.В. Сыпко), 14.05.1995 – 6 особей на пруду в с. Чупаховка Ахтырского района, 8.05.1996 – 2 особи в пойме р. Сула возле с. Гудымы Роменского района. Летне-осенние встречи: 21-26.06.1987 – 2 пары, возможно гнездящиеся, на прудах рыбхоза возле г. Конотоп (личн. сообщ. С.В. Хоменко), 27.06.1990 и 16.07.1994 – по 1 особи на прудах Сумского рыбхоза.

Чеграва (*Hydroprogne caspia*). Случайно залетный мигрант. 14.08.1981 г. на большом пруду Сумского рыбхоза наблюдалась взрослая чеграва, стоявшая на грязевой отмели вместе с озерными и серебристыми (*Larus argentatus*) чайками. А.В. Сыпко (личн. сообщ.) наблюдал 1 особь 4.04.1992 г. на р. Сула и отстойниках сахарозавода возле г. Червонозаводское на Полтавщине. Известно, что на Днепре после затопления ложе Киевского водохранилища чеграва стала обычной на пролетах (Смогоржевский, 1970; Кистяковский, Мельничук, 1982). А совсем недавно, 7.08.2000 г., молодую особь, окольцованную финским кольцом, отловили на пруду в 50 км от Харькова (Кривицкий, 2000).

Речная крачка (*Sterna hirundo*). Редкий вид, ощущающий недостаток подходящих мест гнездования. Небольшая гнездовая колония существует на русловых аллю-

виальных образованиях (песчаная коса и остров) р. Сейм возле с. Озаричи Конотопского района. Речные крачки обитают здесь совместно с малыми крачками (*S. albifrons*) и малыми зуйками (*Charadrius dubius*). Две другие, видимо, временные колонии обнаружены на отстойниках спиртозаводов в с. Поповка Конотопского района (по сообщению Л.А. Давыдовского, 11 пар в 1992 г.) и возле г. Червонозаводское Полтавской области (по сообщению А.В. Сыпко, около 10-12 пар в 1996 г.). Отдельный случай гнездования зафиксирован 23.07.2001 г. на оз. Рыбное в Низовском лесничестве Сумского района (гнездо с двумя оперенными птенцами помещалось на кочке среди воды). На весеннем пролете речная крачка встречена лишь однажды – 14.05.1995 г. 1 особь вместе с болотными крачками (*Chlidonias*) на пруду в с. Чупаховка Ахтырского района. Слабо выраженный осенний пролет происходит рано, с начала июля (2.07.1986, 8.07.1987) до середины августа (21.08.1977, 9.08.1987). На прудах возле г. Сумы число встреч/особей распределяется по декадам, начиная с 1-й июльской, так: 2/9, 2/7, 2/22, 3/19, 1/2.

? Полярная крачка (*S. paradisaea*). 14.10.1986 г. крачка с хорошо выраженной черной “шапочкой” на голове долго летала над прудом рыбхоза возле г. Сумы. Мы допускаем, что это была полярная крачка, поскольку встреча случилась примерно на 2 месяца позже сроков отлета из региона речной крачки. Из литературы известно о редких осенних залетах полярной крачки вглубь материка, в том числе на территорию Украины (Зубакин, 1988; Горбань, 1992).

Малая крачка. Две небольшие колонии малой крачки известны на р. Сейм возле с. Мутино Кролевецкого района и с. Озаричи Конотопского района (Грищенко, 1988; Книш, 1994в). На пролете отмечена единственный раз возле г. Сумы: 13.05.1986 г. 1 особь на прудах рыбхоза.

Клинтух (*Columba oenas*). Гнездовая популяция клинтуха в лесостепе Сумщи-

ны за прошедшие 30 лет катастрофически сократилась, из большинства лесных массивов он полностью исчез. Последние встречи одиночных токующих самцов в Сумском районе приходятся на 1969 г. (Сумское лесничество, ур. Березняки – массив смешанного леса) и 1972 г. (Никольское лесничество, ур. Вакаловщина, кв. 4 – старая нагорная дубрава). Позже клинтух был обнаружен в Конотопском районе: 11.07.1992 г. самец “гудел” в старой субори в окр. с. Новомутин. На пролетах клинтухи почти незаметны, лишь 9 раз одиночки встречены весной. Наиболее ранняя встреча – 24.02.1984 г., наиболее поздняя – 3.04.1976 г.

Болотная сова (*Asio flammeus*). Очень редка на пролетах и гнездовании. Весной одиночные мигранты дважды отмечались в окр. г. Сумы: 2.04.1980 г. – на заснеженном огороде на берегу пруда, 5.04.1987 г. – на остепненном склоне долины. По наблюдениям Ю.В. Куксы, 17.03.1993 г. 1 особь держалась в редком лозняке на лугу возле с. Речки Белопольского района, а 14.04.1993 г. в этом же урочище был найден свежий труп совы. Осенью пролетные совы нами не наблюдались. 16.12.1989 г. в окр. с. Бацманы Роменского района была добыта болотная сова, запоздавшая с отлетом или оставшаяся на зимовку. Единственный известный нам случай гнездования отмечен в 1993 г. в окр. с. Вакаловщина Сумского района. Краткие сведения о нем опубликованы ранее (Лебедь и др., 1996; Книш, 1998), ниже приведены дополнительные данные. Гнездо с 5 насиженными яйцами было найдено 8.06 на склоне сухой балки в молодой сосновой посадке. Располагалось оно в слабо заросшей травами посадочной борозде под прикрытием ветвей саженца сосны. Промеры гнезда, см: диаметр – 30 x 29, диаметр лотка – 16 x 16, глубина – 4,5. Построено из кусочков сухих злаков и сложноцветных, комочков зеленого мха. 16.06 в гнезде находилось 3 яйца (41,1 x 33,2; 41,8 x 32,3; 40,4 x 33,1 мм), а 2 мертвых суточных птенца, облепленные муравьями, лежа-

ли в полуметре. 17.06 вылупился очередной птенец, а двумя днями позже содержимое гнезда исчезло. 2.07, во 2-й половине ночи, отмечены токовые полеты и брачные трели самца, видимо, этой пары сов.

Сплюшка (*Otus scops*). Единственная встреча этого исключительно редкого на Сумщине вида приходится на 1979 г.: в 3-й декаде мая самец еженощно вокализировал на старом вязе на крайней от леса улице с. Вакаловщина Сумского района (Книш, 1998).

Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*). Встречен единственный раз. Тихой полнолуной ночью 9/10.05.1998 г. в дубраве возле с. Вакаловщина Сумского района были хорошо слышны брачные крики самца, напоминающие пение удода. Наблюдение проводилось автором совместно с А.Б. Чаплыгиной. Последующие неоднократные поиски птицы результатов не дали. По всей видимости, это был залетный бродячий самец. Ближайшие места гнездования вида находятся примерно в 120-150 км севернее (Афанасьев, 1997, 1998).

Сизоворонка (*Coracias garrulus*). Согласно нашим данным (Книш, Матвiенко, 1995), в 1970-е и 1980-е гг. численность сизоворонок на Сумщине снизилась до катастрофического уровня. В 1990-е гг. состояние вида не улучшилось. Удалось получить сведения лишь об одном наблюдении пары птиц у с. Великая Рыбица Краснопольского района летом 1997 г. (личн. сообщ. Л.С. Шеремета). Кроме того, двух, вероятно молодых, сизоворонок наблюдал ботаник А.С. Родинка (личн. сообщ.) 9.07.2001 г. в большой балке (ур. Волчий яр) южнее с. Глыбное этого же района.

Белоспинный дятел (*Dendrocopos leucotos*). Редкий вид, статус которого не выяснен. Наблюдался лишь однажды: 5.02.1972 г. одиночная птица держалась в старой дубраве вблизи с. Вакаловщина (Книш, 1998).

Малый жаворонок (*Calandrella cinerea*). В позапрошлом столетии на территории области не встречался (Сомов, 1897).

Впервые был найден в начале 1950-х гг. в заповеднике “Михайловская целина” в Лебединском районе (Волчанецкий, 1954). По нашим данным, с середины 1960-х гг. малый жаворонок в небольшом количестве гнездится в Сумском районе и, вероятно, на остальной территории юга Сумщины. Придерживается полей с посевами зерновых и пропашных (свекла, кукуруза, в одном случае – капуста) культур, многолетних трав (клевер, люцерна), а также больших остепненных балок. В 1980-е гг. в агроландшафте плотность населения вида составляла в среднем 0,5-1 пар/км², максимальная – 3-5 пар/км². В 1990-е гг. малый жаворонок почти перестал встречаться. Весенний прилет между 31.03 (1974 г.) и 25.04 (1988 г.), в среднем по 8 годам – 11.04. Летом последние случаи пения отмечены 12.07.1987 и 7.07.1990 г.

Степной жаворонок (*Melanocorypha calandra*). Спорадично распространенный, самый редкий из наших жаворонков. Известно, что в 1953 г. он был отмечен в заповеднике “Михайловская целина” (Волчанецкий, 1954). В июне 1969 г. мы не нашли его здесь. В 1983 г. отмечен возле г. Сумы: 31.05 на травяной обочине аэродрома и прилегающих полях в учетной полосе 2900 x 100 м учтено 2 пары. Птицы сидели на грунтовой дороге и их удалось хорошо рассмотреть. Указания М.Е. Матвиенко (1971) на находки степного жаворонка в Сумском и Белопольском районах, в том числе возле зоостационара Сумского пединiversитета “Вакаловщина”, на самом деле относятся к малому жаворонку, что доказано нашими многократными наблюдениями в указанных местах.

Рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris*). Немногочислен на пролетах и зимовке. Встречается небольшими стаями на полях, в больших остепненных балках и на лугах. Осенью регистрировался 8.11.1976 г. – 8 особей, 18.11.1987 г. – 15, 9.11.1997 г. – около 50. Эти даты мы принимаем за начало пролета. Зимой встречен дважды: 3.01.1970 г. – 4 особи (личн. сообщ. Н.Г.

Кричевича), 22.01.1990 г. – около 45 жаворонок вместе с таким же количеством коноплянок (*Acanthis cannabina*) и 1 пуночкой (*Plectrophenax nivalis*) кормились в балке. Весенний пролет начинается с появлением первых проталин. 22.03.1970 г. стая до 50 особей держалась на лугу и пашне вместе с полевыми жаворонками (*Alauda arvensis*), лесными жаворонками (*Lullula arborea*) и луговыми коньками (*Anthus pratensis*). 2.04.1980 г. – стая из 11 особей на пашне, самец токовал; 1.04.1987 г. – две пролетные стайки (9 и 32 особи).

Полевой конек (*Anthus campestris*). Спорадично распространен по всему региону. Обитает преимущественно в больших остепненных балках, которых много в бассейнах рек Псел и Ворскла (Сумская возвышенная лесостепь). Предпочитает участки балок и склонов речных долин с невысоким, выбитым скотом, травостоем. В подобных местах обычно встречаются 0,7-3,0 территориальных самца на 1 км маршрута. В 1990-е гг. полевой конек начал появляться на заброшенных полях, например возле с. Вакаловщина Сумского района (Кныш, 1998). Однажды (6.05.1978) токующий самец был замечен на сухом кочковатом лугу. На места гнездования первые особи прибывают 17.04 (1998 г.) – 6.05 (1978 г.), в среднем по 8 годам – 29.04. 5.05.1984 г. наблюдалась пролетная стайка из 5 коньков. Самцы поют от времени прилета до 3-й декады июля (20.07.2000), иногда и позже (16.08.1991, 22.08.1989). Несомненно наличие двух циклов размножения. Нераспавшиеся выводки из 5 и 3 молодых под опекой родителей наблюдались 25.05.1989 и 16.08.1991 г.

Краснозобый конек (*A. cervinus*). Редок на пролетах. 22.03.1979 г. пролетная стайка из 5 особей кормилась в зарослях сорняков на берегу рыбоводного пруда возле г. Сумы. По сообщению М.А. Осиповой и Г.Г. Гаврися (личн. сообщ.), 2.12.1998 г. в окрестности Андрияшевско-Гудымовского заказника (Роменский район) отмечены 2 стайки общим количеством 30-35 особей,

пролетевшие в южном направлении. В этот день держался 20-градусный мороз.

Чернолобый сорокопут (*Lanius minor*). Прежде был обычен, теперь редок, встречается спорадично. По нашим ранним наблюдениям, в конце 1950-х гг. часто гнездился на деревьях в садах и огородах с. Шаповаловка Конотопского района, гнезда находились на расстоянии 0,5-1 км друг от друга. Пчеловоды отстреливали птиц на пасеках, уничтожали их гнезда. К концу 1960-х гг. сорокопуть здесь уже не встречались. В 1970-е гг. по краю с. Вакаловщина Сумского района гнездилось 3-4 пары, но позже они исчезли. Отдельный случай гнездования наблюдался здесь в 1990 г. (Книш, 1998). В заповеднике “Михайловская целина” (202,48 га) в 1991 г. учтена 1 пара. На 150-километровом маршруте, проходившем с 7 по 11.07.1992 г. по обе стороны долины р. Сейм (Путивльский, Кролевецкий, Конотопский и Буринский районы) учтена всего 1 особь. Ныне чернолобый сорокопут несколько лучше сохранился в лесостепных районах, например Сумском и Белопольском, где значительную площадь занимают подходящие для него биотопы. Причины сокращения численности вида примерно те же, что и у мелких соколов (пустельга, кобчик) и сизоворонки: многолетнее применение пестицидов в сельском хозяйстве, что привело к уменьшению кормовой базы и загрязнению среды, а также распашка целинных участков балок и речных долин. В этом отношении отрицательно сказывается весьма характерная связь вида с культурным ландшафтом: птицы гнездятся на деревьях уличных насаждений, кладбищ, возле ферм, в садах, небольших посадках и лесополосах. Местами образуются небольшие групповые поселения (подобие колонии). Одно из них существует длительное время возле г. Сумы в тополевой лесополосе по краю садов-огородов и прудов рыбхоза. В 1986 и в 1990-е гг. здесь насчитывалось 1-2 пары, в 2000 г. – 4 пары. Такое же поселение известно в с. Речки Белопольского района (личн. сообщ. Ю.В. Куксы).

Весенний прилет сорокопута поздний, в среднем за 13 лет – 11.05 (7.05. 1970 – 21.05.1993). Птицы прибывают поодиночке, парами, иногда стайками (24.05. 1987 г. – 5 особей в направленном полете на северо-восток, 9.05.1996 г. – 3 особи на дереве). Гнезда ($n = 17$) располагаются на диких грушах (7) и яблонях (1), тополях (6), ясенелистом клене (2) и вязе (1) на высоте 2,4-12,0 м, в среднем ($n = 7$) – 5,95 м. Самое раннее начало кладки отмечено 23.05.1978 г. В полных кладках находили по 2 ($n = 1$) – 3(1) – 4(3) – 5(2) – 6(2) – 7(1) яиц, в среднем ($n = 10$) – $4,60 \pm 0,48$. Размеры яиц из 2 кладок: 24,4 x 18,6, 25,1 x 18,7, 25,1 x 18,5, 24,0 x 17,7 мм. Вылет птенцов с 3-й декады июня (22.06.1971), массовый – в июле. После вылета семейные группки откочевывают на “выводковую территорию” в остепненные балки и на склоны долин, обочины убранных полей, реже – на сухие луга, где пребывают до отлета. Так, 9.07.1988 г. в балках у с. Визировка Сумского района на маршруте 5 км встречено 5 выводков. 18.07.1997 г. – 3. 27.07.1994 г. вблизи с. Ястребиное Белопольского района вдоль полевой дороги (6 км) учтено 11 молодых и взрослых сорокопутов, державшихся группами по 2-4 на проводах и деревьях. 8.08.1983 г. 3 выводка наблюдались по краю поля аэродрома Сумы. В целом, в 1-й половине июля нераспавшиеся выводки отмечены 9 раз, во 2-й половине – 11, в 1-й половине августа – 8 раз. В эти же сроки встречаются и одиночные, возможно, пролетные птицы (6 встреч в июле, 7 – в августе). Отлет происходит незаметно. Последние встречи выводков или одиночек 2.08 (1987 г.) – 21.08 (1977 г.), в среднем по 5 годам – 13.08.

Кедровка (*Nucifraga caryocatactes*). Небольшие налеты кедровок наблюдаются примерно один раз в десятилетие. Птиц отмечали 12.10.1971 г. в Недригайловском районе (3 особи пролетели вдоль лесополосы), 15.10.1984 г. в Сумском районе (1 особь на опушке сосняка), 18.10.1998 г. в Сумском районе и, по сведениям Е.А. Ле-

беда, возле г. Ахтырка (по 1 особи на опушках). О значительном пролете сибирских кедровок в Киевской области осенью 1998 г. сообщил нам А.М. Полуда.

Серая ворона (*Corvus cornix*). По нашим данным, за два последние десятилетия численность этого вида на гнездовании значительно уменьшилась и он перешел в категорию малочисленных. Нам известны только единичные случаи гнездования. До 1991 г. 2-3 пары ворон гнездились возле с. Вакаловщина в древесных насаждениях по краю заболоченной долины ручья, но после осушительной мелиорации они исчезли (Кныш, 1998). Еще 2 гнезда (с птенцами среднего возраста) обнаружены 9.05.1996 г. в колонии серых цапель в заболоченной пойме р. Сула возле с. Андрияшевка Роменского района. Кроме того, в 1997-1999 гг. выявлены гнездовые участки 2 пар ворон на 40-километровом отрезке долины р. Псел в Сумском районе.

Количество ворон на пролетах и зимовке также заметно уменьшилось. Так, если за 1980-е гг. встречено около 1 тыс. особей, то за 1990-е – около 300. Любопытна картина динамики встречаемости вида во внегнездовое время, когда появляются пролетные и зимующие особи. При этом число встреч/особей таково: август – 1/50, сентябрь – 2/42, октябрь – 6/342, ноябрь – 5/101, декабрь – 1/1, январь – 2/18, февраль – 3/71, март – 15/940, апрель – 5/169. Обычно стаи и одиночки держатся на различных водоемах, изредка – в населенных пунктах.

Обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*). Редчайший вид. За многие годы был встречен всего лишь дважды. 30.05-6.06.1981 г. поющая птица наблюдалась на осоковом болотце в пойме р. Псел вблизи с. Никольское Сумского района. В течение июня 1982 г. самец регулярно пел на рогозово-осоковом болотце на краю ольшаника возле с. Вакаловщина (Кныш, 1998). Конечно же, указание на широкое распространение данного вида в регионе (Hagemeijer, Blair, 1997) является ошибочным.

Садовая камышевка (*Acrocephalus*

***dumetorum*).** Залетные бродячие самцы наблюдались в Сумском районе 5.06.1977, 27.05.1981, 6.06.1990, 1.06.1997 (Кныш, 1994а, 1997), а также 18.06.1999 и 7.06.2000 г. В пяти последних случаях встречи происходили возле с. Вакаловщина, обычно в кустарниках по долине ручья – в биотопе, вполне подходящем для гнездования вида. Здесь птицы останавливались после ночной миграции, активно пели и в тот же день исчезали. Учитывая близость границы ареала – пребывание вида в Курской и Брянской областях России (Hagemeijer, Blair, 1997), можно предположить, что со временем часть мигрантов оседает у нас на гнездование.

Северная бормотушка (*Hippolais caligata*). Залетный бродячий самец наблюдался 28.05.1992 г. на ивах в травяной балке возле с. Вакаловщина (Кныш, Сыпко, 1993). Сомнения в возможности такого залета (Цвельх, 1996) отрицаются хотя бы тем, что часть ареала вида находится севернее – в Вологодской и Ленинградской областях (Мальчевский, Пукинский, 1983; Бардин, 1998), заметным ростом его численности в Мордовии (Лысенков, 1990), что является предпосылкой к расселению, а также фактом наблюдения пары бормотушек совсем недалеко от пункта нашего наблюдения – вблизи г. Курск 13.07.1988 г. (Корольков и др., 1992).

Зеленая пеночка (*Phylloscopus trochiloides*). Первое наблюдение вида относится к 1980 г., в 1981 г. предполагалось гнездование пары пеночек возле с. Вакаловщина Сумского района (Кныш, 1982). Все последующие годы отдельные пролетные и бродячие самцы, хорошо заметные по пению, регулярно встречаются в разных частях региона, в том числе в зеленых насаждениях городов и сел. Начало пролета между 11.05 (1981, 1997 гг.) и 24.05 (1988 г.), в среднем по 8 годам – 17.05. Последние летние наблюдения бродячих особей – 17.06 (1996 г.) и 20.06 (1981 г.). В целом число встреченных птиц по декадам, начиная со 2-й майской, таково: 12, 12, 4, 6.

Каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*). Во 2-й половине 1990-х гг. численность плясуньи в остепненных балках Сумского и Краснопольского районов, где она была впервые обнаружена в 1987-1993 гг. (Кныш, 1994б), сократилась примерно наполовину. В первую очередь это связано с ухудшением условий гнездования – постепенным исчезновением многих заброшенных и жилых нор большого тушканчика, где птицы строили свои гнезда. Возможно, в некоторых местах сказалось и уменьшение выпаса овец и коров, что ведет к восстановлению высокого и густого травостоя. До сих пор наибольшее поселение плясуньи находится в больших балках восточнее с. Могрица Сумского района.

Обыкновенная горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*). На гнездовании встречается очень редко. Отдельные территориальные самцы были встречены в 1986, 1987 и 1994 гг. в селах Шаповаловка Конотопского района, Вакаловщина Сумского района и Баничи Глуховского района. По сообщению Н.П. Лаухина, во второй половине июня 1998 г. возле г. Ахтырка в средневозрастном светлом сосняке рядом с лесопилкой наблюдались 2 гнездовые пары. Одна пара летала под крышу дома, другая кормила слетков. В середине мая 2001 г. в зеленых насаждениях г. Лебедин мы насчитывали по 1-2 поющих самца на 3-километровых маршрутах. За три последних десятилетия численность горихвосток на пролетах упала до весьма низкого уровня. Так, если в одном 1969 г. на осеннем пролете встречено 19 особей, то за все 1990-е гг. всего лишь 4 особи. Весенний пролет начинается 14.04 (1967 г.) – 7.05 (1983 г.), в среднем по 7 годам – 27.04. Последняя встреча – 18.05 (1967 г.). В целом число встреченных птиц по декадам, начиная со 2-й апрельской, таково: 3, 3, 10, 1. Осенью пролетные особи попадают на глаза с конца августа (25.08 1971 г.). Завершается пролет, в среднем по 7 годам – 12.10 (2.10. 1995 – 25.10.1972). Всего же в августе встречена 1 пролетная особь, в сентябре –

35 (в том числе 24 – во 2-ю декаду), в октябре – 14 особей.

Деряба (*Turdus viscivorus*). Обитает в смешанных лесах Сумского Полесья. В лесостепных районах области дерябы изредка, поодиночке или небольшими (2-20 особей) стайками, встречаются на обоих пролетах. Иногда их можно видеть в стаях рябинников (*T. pilaris*) – 3 случая. Весенний пролет начинается, в среднем по 8 годам, 5.04 (27.03.1977 – 17.04.1979), заканчивается во 2-й половине апреля (22.04.1979). Частота встреч/особей по декадам, начиная с последней мартовской, такова: 3/8, 4/31, 4/29, 1/1. Осенние встречи мигрантов единичны: 18.10.1981 г. – 1 особь, 14.10.1984 г. – 2, 18.10.1997 г. – 3 особи.

Ремез (*Remiz pendulinus*). Редок, распространен спорадично. Предпочитает тростниково-ивняковые заросли по берегам водоемов в “уютных” поймах малых рек (Крыга и Терен со впадающими в их долины балками, верховья Сулы, Удава, Сумка, Стрелка, Битица, Хухра, Ташань и др.). В пространных поймах больших рек Сумщины ремез встречается в единичных случаях (3 роши у стариц в пойме Псла возле г. Сумы, а также возле с. Запселье Краснопольского района). Нет его на Ворскле (Лебедь, Мерзликин, 1996), не известны находки гнезд и на Сейме. На местах гнездования птицы появляются поодиночке или парами, в редких случаях стайками (2.04. 1978 г. – 2 стайки из 3 и 8 особей в прибрежной полосе рогаза). Строительство гнезд происходит во 2-й половине апреля: 21.04.1970 – начатое гнездо; 22.04.1967 – гнездо на стадии “кольца”; 29.04.1996 – птицы строили входную трубку. Однажды ремезы поселились в прошлогоднем гнезде, достроив к нему новую трубку (24.05. 1987 г. – 4 свежие яйца). Из примерно 35 гнезд 1 было расположено на липе, 1 – на березе, а все остальные – на ивах. Начало яйцекладки отмечено 7.05.1978 г. Размеры 4 яиц из 2 кладок: 16,4 x 10,2; 16,7 x 10,6, 16,7 x 10,5, 16,8 x 10,1 мм. Кочующие выводки наблюдались 29.07.1987 и 24.07.1994

г. Последняя летняя встреча – 28.08.1973 г. (стайка из 5 особей кормилась семенами манника).

Хохлатая синица (*Parus cristatus*). Мною не отмечалась. По сообщению С.В. Хоменко, данный вид встречается круглый год в сосняках по р. Сейм у с. Озаричи Конотопского района.

Московка (*P. ater*). Известна по единичным зимним и летним встречам. 26.12.1976 г. стайка из 4 московок отмечена в старом сосняке в окр. г. Сумы (ур. Березняки). По сообщению Н.П. Лаухина, одиночки наблюдались 20.07 и 16.06.1998 г. в Спадчанском лесу (Путивльский район) на участке субори и в сосновом молодняке. Исходя из этих данных, мы не исключаем возможности гнездования московки в лесах северного типа, представленных в долине Сейма.

Канареечный вьюрок (*Serinus serinus*). Единственный раз отмечен в г. Сумы. В начале мая 1981 г. пара вьюрков загнездилась в ботаническом саду педуниверситета. 4.05 птицы строили гнездо на туе западной, растущей у крыльца жилого дома, а неделей позже незаконченная кладка была разорена белкой.

Клест-еловик (*Loxia curvirostra*). Известно единственное наблюдение клестов в Сумском районе. Кочующая стайка из 8 особей постоянно держалась с 30.09 по 23.11.1996 г. в небольшом плодоносящем ельнике на опушке нагорной дубравы у с. Вакаловщина (Книш, 1998). В этом году сильная инвазия клестов-еловиков происходила на широкой территории, о чем свидетельствуют их летние и осенне-зимние встречи в Белгородской области России (Березанцева, 1998), у нас, в Хмельницкой области (Новак, 1999), в Каневском заповеднике (Grishchenko, 1999).

Просняк (*Emberiza calandra*). В лесостепной части Сумщины просняк прежде была спорадично распространенным многочисленным гнездовым видом (Артоболевский, 1926). По замечанию Н. Шарлеманя (1936), особенно много этих птиц наблюдалось в Глуховском и Конотопском районах. В годы наших исследований про-

сянка – один из редчайших гнездящихся видов региона – эпизодически встречалась в ряде пунктов Сумского и Белопольского районов. Ниже приведена хронология встреч в Сумском районе. На остепненном склоне и сухом забурьяненном лугу у с. Любачево поющий самец отмечен 10.05.1982 и 15.07.1986 г.; в остепненных балках с дикими грушами и кустами шиповника близ с. Визировка 19.06.1984 г. отмечены 2 самца, а 8 и 15.07.1984 г. – 3 самца, наблюдались токовые полеты (при этом 8.07 3 самца держались в балке площадью 12 га); 10, 17 и 22.05.1988 г. – 1 самец. 2.07.1988 г. самец встречен на эродированном остепненном склоне коренного берега р. Псел у с. Могрица. По сообщению Ю.В. Куксы, поющий самец наблюдался 2.07.1992 г. на обочине полевой дороги возле с. Речки Белопольского района. Всего же просняк была найдена в 2 квадратах UTM 50 x 50 км для Атласа европейских гнездящихся птиц (Hagemeyer, Blair, 1997), а не в 14, как ошибочно указывают М.В. Баник и Ю.И. Вергелес (2000). Нерегулярность встреч свидетельствует о многолетних флуктуациях численности вида на фоне ее глубокой депрессии. Любопытно, что в пении лугового чекана (*Saxicola rubetra*) довольно часто (14 случаев) встречаются имитации песни овсянки, “почерпнутые”, по всей видимости, в иных местах, на путях пролета.

Садовая овсянка (*E. hortulana*). Малочисленная птица, вызывающая повышенный интерес в связи с падением численности в ареале. Распространена спорадично по остепненным склонам балок, оврагов и холмистых берегов больших (Псел, Сула) и малых (Стрелка, Малая Вильма, Боромля и др.) рек. Отмечена нами в степи заповедника “Михайловская целина” (Лебединский район), а также в некоторых нестарых лесополосах и молодых посадках (Сумской, Роменский, Конотопский районы). В больших балках Сумского района на 1-километровых маршрутах плотность поющих самцов колеблется от 0,5 до 2,0, местами (окр. с. Могрица) до 5-6. На 7-километровом отрез-

ке узкої долини р. Мала Вільма, на її схилах, 8.05.1998 г. учтено 2 самця. В придорожній лісополосі біля г. Конотоп в 1994 г. відмічено 2 самця на 3 км маршрута, в 1996 і 1997 гг. – 1, в наступні роки – ні одного. В лісозахисних багатьох (шириною до 10 м) лісополосах біля с. Сад Сумського району 8.05.1984 г. спостерігалося по 3-5 самців на 1 км. Характерні невеликі, по 2-6 пар, розріджені групові поселення. По різних причинах чисельність виду поступово зменшується. В окр. с. Вакалівщина Сумського району садова овсянка зустрічалась на гніздуванні до 1983 г., в 1988 г. бачили поодинокого самця. Тут зникнення виду пояснюється в першу чергу змінами середовища обитання: облесенням оврагів і балок, зменшенням випаса скота (Книш, 1998). В 1990-е гг. овсянка перестала зустрічатись у с. Любачево Сумського району, де схили долини г. Стрелка були заняті садом і огородами. С цією ж метою розпахані і багато з остепнених балок, берега інших малих річок. Весною птахи з'являються (перші пісні) пізно, в середньому по 13 рокам – 1.05 (22.04.1989 – 6.05.1978). Судячи з спостережень, для виду характерні 2 цикли розмноження і в цілому гніздовий період розтягнуті. Будівництво гнізда відмічено 13.05.1986 г. Гніздо з 4 насиченими яйцями (19,7 x 16,2; 19,9 x 16,1; 20,3 x 16,3; 19,7 x 15,8 мм) було знайдено 19.06.1984 г. біля с. Визирівка Сумського району. Промери гнізда, мм: діаметр – 95 x 95, діаметр лотка – 60 x 60, глибина – 42. Розміщалося воно на трав'яному схилі оврага і пізніше було роздавлено пасущимся тут скотом. Нерозвинений виводок спостерігався 12.08.1988 г. Останні зустрічі (случай угасаючого пенія) зафіксовані в серпні, в середньому по 6 рокам – 14.08 (5.08.1984 – 23.08.1987), а точні дати отримання не встановлені.

ЛИТЕРАТУРА

- Артоболевський В. (1926): Матеріали до списку птахів південної половини Чернігівщини. Відомості по передні. - Зап. Київського ін-ту народн. освіти. 1: 113-126.
- Архипенко А.Ф. (1981): Нові дані про залетах рожево-го скворця в Українському Поліссі. - Вєстн. зоол. 4: 45.
- Афанасьєв В.Т. (1997): Мохноногий сич на северо-востоке Украины. - Беркут. 6 (1-2): 47-48.
- Афанасьєв В.Т. (1998): Птицы Сумщины. Киев. 1-98.
- Банік М.В., Вергелес Ю.И. (1993): Новая находка гнездовой колонии ходулочника в Харьковской области. - Беркут. 2: 55.
- Банік М.В., Вергелес Ю.И. (2000): Просянка (*Emberiza calandra*) в Харьковской области: возвращение вида или флуктуация численности в ареале? - Птицы басс. Сев. Донца. Донецк. 6-7: 20-27.
- Бардин А.В. (1998): Две встречи бормотушки *Hippolais caligata* в Ленинградской области. - Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 37: 3-6.
- Белик В.П. (1987): Токовое поведение осоеда. - Вєстн. зоол. 3: 86-87.
- Беззаницева М.С. (1998): Встреча клеста-словика *Loxia curvirostra* в Белгородской области. - Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 40: 26.
- Волчанецкий И.Б. (1954): К орнитофауне Северо-Восточной Украины. - Тр. научно-исслед. ин-та биологии и биол. ф-та Харьков. ун-та. 20: 47-64.
- Гавриш Г.Г., Слюсарь Н.В. (1996): Серый журавль (*Grus grus*) в бассейне реки Ворскла. - Праці Укр. орнітол. т-ва. Київ. 1: 68-76.
- Гавриш Г.Г., Слюсарь Н.В., Сышко А.В. (1993): Новые гнездящиеся птицы Полтавской области. - Вєстн. зоол. 1: 88.
- Грищенко В.Н. (1988): О гнездовании малой крачки на р. Сейм в Сумской обл. - Орнитология. МГУ. 23:207.
- Грищенко В.Н. (1993): Необычное гнездо малой выпи (*Ixobrychus minutus*). - Вєстн. зоол. 3: 88.
- Грищенко В.Н. (1998): Про занесення нових видів птахів до Червоної книги України. - Беркут. 7 (1-2): 94-103.
- Грищенко В.Н. (1999): Рідкісні види птахів Мутинського заказника та його околиць (Сумська область). - Заповідна справа в Україні на межі тисячоліть (сучасний стан, проблеми і стратегія розвитку). Канів. 110-111.
- Грищенко В.М., Яблоновська-Грищенко С.Д. (1997): Орнітологічні спостереження. Лелека чорний (*Ciconia nigra*). - Беркут. 6 (1-2): 108.
- Горбань І.М. (1992): Чи відомий в орнітофауні України крячок полярний? - Беркут. 1: 29.
- Зубакин В.А. (1988): Полярная крачка. - Птицы СССР. Чайковые. М.: Наука. 337-348.
- Кистьяковский А.Б., Мельничук В.А. (1982): Изменение в орнитофауне района Киева за последние десятилетия. - Вєстн. зоол. 1: 3-9.
- Кныш Н.П. (1982): Находка зеленой пеночки на северо-востоке Украины. - Вєстн. зоол. 4: 74-75.
- Книш М.П. (1992а): До поширення чорного лелеки в Сумській області. - Чорний лелека в Україні. Чернівці. 19.

- Кныш М.П. (1992б): Фенологія весняної міграції птахів в околицях м.Суми за даними спостережень 1967-1992 рр. - Проблеми охорони і рац. Використання природних ресурсів Сумщини. Зб. наук. праць. Суми. 95-112.
- Кныш М.П. (1994а): Зальоти садової очеретянки на північний схід України. - Беркут. 3 (2): 102.
- Кныш Н.П. (1994б): Каменка-плясунья на северо-востоке Украины. - Птицы басс. Сев. Донца. Харьков. 2: 28-29.
- Кныш М.П. (1994в): Про охорону поселень рідкісних видів колоніальних птахів у середній течії річки Сейм. - Заповідна справа на Сумщині. Суми. 75-76.
- Кныш М.П. (1997): Новий випадок зальоту садової очеретянки на північний схід України. - Беркут. 6 (1-2): 32.
- Кныш Н.П. (1996): О распространении и биологии гнездования дрозда-белобровика в лесостепной части Сумской области. - Мат-ли 2 конфер. молодых орнитологов Украины. Чернівці. 76-79.
- Кныш М.П. (1998): Птахи околиць біологічного стаціонару "Вакалівщина" (анотований перелік видів). - Вакалівщина. До 30-річчя біол. стаціонару Сумського пед. ін-ту. Зб. наук. праць. Суми. 99-120.
- Кныш Н.П., Глушко Т.Н. (1998): Заметка о биологии лугового луна и неудачном опыте сохранения его гнезда. - Птицы басс. Сев. Донца. Харьков. 4-5: 42-44.
- Кныш М.П., Кукса Ю.В. (1996): До характеристики міграції сірого журавля в лісостеповій частині Сумщини. - Мат-ли 2 конфер. молодих орнитологів України. Чернівці. 79-82.
- Кныш М.П., Матвієнко М.Є. (1995): Катастрофічний стан чисельності сиворакші на північному сході України. - Проблеми вивчення та охорони птахів. Мат-ли 6 наради орнитологів Зах. України. Львів - Чернівці. 72-73.
- Кныш Н.П., Савостьян В.М., Хоменко С.В., Грищенко В.Н. (1991): Зимняя биология серого сорокопута в лесостепных ландшафтах Сумской области. - Мат-лы 10-й Всесоюз. орнитолог. конфер. Минск: Наука і техніка. 2 (2): 28-29.
- Кныш Н.П., Серобаба С.А. (1983): Скопа и орел-карлик в Сумской области. - Охрана хищных птиц. Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц. М.: Наука. 120-122.
- Кныш Н.П., Серобаба С.А. (1986): Гнездование орла-карлика в лесостепной части Сумской области. - Редкие, исчезающие и малоизученные птицы СССР. М. 18-19.
- Кныш Н.П., Сыпко А.В. (1993): Залет бормотушки (*Hippolais caligata* Licht.) на северо-восток Украины. - Вестн. зоол. 4: 38.
- Кныш Н.П., Сыпко А.В. (1994): Большая белая цапля в Сумской области. - Мат-ли 1-ї конфер. молодих орнитологів України. Чернівці. 15-17.
- Кныш Н.П., Сыпко А.В. (1997): Материалы к распространению и экологии рыжей цапли в Сумской области. - Беркут. 6 (1-2): 23-28.
- Когут І.В., Чорненко О.Б. (1993): Заліт косара на Львівщину. - Беркут. 2: 44.
- Корольков А.К., Власов Ф.Ф., Беляков В.Б., Костин А.Б. (1992): Новые и редкие виды птиц и млекопитающих Центрально-Черноземного заповедника. - Чтения памяти проф. В.В. Станчинского. Смоленск. 65-66.
- Костюченко А. (1927): Гнездование кваквы (*Nycticorax griseus*, Briss) в Котопском округе. - Укр. мисливець та рибалка. 1: 22.
- Кривицкий И.А. (2000): Залет чегравы в Харьковскую область. - Беркут. 9 (1-2): 128.
- Лебедь Е.А. (1996): Залет черноголовой трясогузки на северо-востоке Украины. - Беркут. 5 (2): 151.
- Лебедь Е.А., Кныш Н.П. (1999): Размещение и численность гнездящихся куликов Сумской области (Северо-Восточная Украина). - Гнездящиеся кулики Восточной Европы – 2000. М.: Союз охраны птиц России. 2: 83-92.
- Лебедь Е.А., Кныш Н.П., Хоменко С.В. (1991): О некоторых редких куликах Сумской области. - Мат-лы 10-й Всесоюз. орнитолог. конфер. Минск: Наука і техніка. 2 (2): 28-29.
- Лебідь Є.О., Кныш М.П., Хоменко С.В. (1992): Фауна та екологія куликів Сумської області. - Проблеми охорони і раціонального використання природних ресурсів Сумщини. Суми. 76-94.
- Лебедь Е.А., Мерзликин И.Р. (1996): Редкие и залетные гидрофильные птицы р. Ворскла. - Птицы басс. Сев. Донца. Харьков. 3: 33-35.
- Лебедь Е.А., Мерзликин И.Р. (1998а): Новые данные о некоторых гидрофильных птицах верхней Ворсклы. - Птицы басс. Сев. Донца. Харьков. 4-5: 28-31.
- Лебедь Е.А., Мерзликин И.Р. (1998б): Дополнительные сведения о редких и новых птицах верхней Ворсклы. - Птицы басс. Сев. Донца. Харьков. 4-5: 31-32.
- Лебедь Е.А., Мерзликин И. Р., Хоменко С.В. (1996): О некоторых редких птицах лесостепной части Сумской области. - Мат-ли конфер. "Території, що важливі для збереження птахів в Україні - ІВА програма". Київ. 17-20.
- Лебедь Е.А., Хоменко С.В., Мерзликин И. Р. (1993): Орнитологические заметки. Черная казарка (*Brantha bernicla*) на северо-востоке Украины. - Вестн. зоол. 3: 88.
- Лисецкий А.С., Гудина А.Н. (1983): О находке ходулочника в Харьковской области. - Орнитология. М.: МГУ. 18: 167-168.
- Лысенков Е.В. (1990): К экологии некоторых редких видов птиц Мордовии. - Мат-лы Всесоюз. науч.-методич. совещ. зоологов педвузов. Махачкала. 2: 160-162.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. (1983): Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. Л.: ЛГУ. 2: 1-504.
- Матвеев М.Е. (1971): Птицы Сумской области (по видовые очерки). Приложение к дис. ... канд. биол. наук. Сумы. 1-244. Рукопись.
- Мерзликин И.Р., Матвеев М.Е., Шеремет Л.Г. (1998): Встречи белой совы (*Nyctea scandiaca*) на терри-

- тории Сумской области (северо-восток Украины). - Актуальні проблеми створення Деснянсько-Старогутського нац. природ. парку та перспективи їх вирішення. Київ. 103.
- Новак В.О. (1992): Про заліт косара в Рівненську область.- Беркут. 1: 121.
- Новак В.О. (1999): Робота Подільського клубу любителів птахів "Aves" у 1997-1998 роках.- Інформ. мат-ли ЗВ УОТ. Ломик. 10: 24-25.
- Савостян В.М. (1995): Зальоти рожевого шпака на Сумщину. - Беркут. 4 (1-2): 87.
- Смогоржевский Л.А. (1970): Пролет чеграв на території України. - Вестн. зоол. 4: 86-87.
- Сомов Н.Н. (1897): Орнитологическая фауна Харьковской губернии. Харьков: тип. А.Дарре. 1-680.
- Цвельх А.Н. (1996): О бледной пересмешке (*Hippolais pallida*) и бормотушке (*H. caligata*) в фауне Украины. - Праці Укр. орнітол. т-ва. Київ. 1: 36-39.
- Шарлемань М. (1936): Матеріали до фауни звірів та птахів Чернігівської області. Київ: УАН. 1-117.
- Шкільний К.С. (1939): Матеріали про заліт на Чернігівщину деяких рідких птахів. - Студент. наук. праці Київ. ун-ту. 4: 155-159.
- Grishchenko V. (1999): Invasion of the Crossbill (*Loxia curvirostra*) in Ukraine in 1996/1997. - Abstr. 2nd Meeting Europ. Orn. Union and 3rd Intern. Shrike Symp. The Ring. 21 (1): 158.
- Hagemeijer, W.J.M., Blair, M.J., eds. (1997): The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance. London, T & AD Poyser. 1-903.

Н.П. Кныш,
Сумської педуниверситет,
кафедра зоології,
ул. Роменская, 87,
40002, г. Сумы,
Україна (Ukraine).

Замітки	Беркут	10	Вип. 1	2001	19
---------	--------	----	--------	------	----

ГНІЗДУВАННЯ ЖОВТОГОЛОВОЇ ПЛИСКИ НА КІРОВОГРАДСЬКІЙ

Breeding of the Citrine Wagtail in Kirovograd region. - A.O. Shevtsov. - Berkut. 10 (1). 2001. - Two breeding pairs were found near the village of Morozivka (Olexandriya district, 48.42 N, 32.54 E) in June of 2001. For the first time a pair of the Citrine Wagtails were observed in the region on 22.06.1993 near the village of Yasynovatka (the same district). [Ukrainian].

До початку 1990-х рр. на території Кіровоградської області жовтоголова плиска (*Motacilla citreola*) не відмічалася. У літературі є інформація лише про одне місце, де даний вид був виявлений у гніздовий період (Андрієнко та ін., 1999). Це підвищені ділянки заплави р. Велика Вись біля м. Новомиргорода. Але гніздування плисок у даному місці не підтвержене конкретними фактами. Інших опублікованих матеріалів по поширенню чи екології виду в області нема.

Вперше жовтоголова плиска на території Кіровоградської області виявлена нами 22.06.1993 р. Пара птахів шукала їжу

на березі ставка в околицях с. Ясиноватка Олександрійського р-ну.

У червні 2001 р. в с. Морозівка того ж р-ну біля невеликого ставка під час проведення стаціонарних робіт по відлову і кільцюванню птахів нами неодноразово спостерігалися 2 пари плисок на віддалі 50 м одна від одної з явною гніздовою поведінкою. Птахи носили їжу в густі зарості лучної рослинності. Гнізда знайти не вдалося, але 17.06 павутинною сіткою були спіймані доросла самка і 3 пташенят, які нещодавно піднялися на крило. 24.06 спіймане ще одне пташеня з іншого виводка.

ЛІТЕРАТУРА

- Андрієнко Т.Л., Терещенко П.С., Клестов М.Л. та ін. (1999): Заповідні куточки Кіровоградської землі. Київ: Арктур-А. 1-240.

А.О. Шевцов

вул. Героїв Сталінграду, 19, кв. 26.
м. Олександрія,
28008, Кіровоградська обл.,
Україна (Ukraine).

ДО ОРНИТОФАУНИ УКРАЇНСЬКОГО ПОСЕЙМ'Я

В.М. Грищенко, Є.Д. Яблоновська-Грищенко,
В.В. Негода, О.Д. Пруденко

To ornithofauna of Ukrainian part of the Seym river valley. - V.N. Grishchenko, E.D. Yablonovska-Grishchenko, V.V. Nehoda, O.D. Prudenko. - *Berkut*. 10 (1). 2001. - The Seym river is the biggest left tributary of the Desna river. In Ukraine it flows in Sumy and Chernigiv regions (north-east of the country). Data were collected during two expeditions in 2000 and 2001. Materials on some rare and uncommon species are presented. [Ukrainian].

Key words: North-East Ukraine, the Seym river, fauna, rare species.

Address: V.N. Grishchenko, Kaniv Nature Reserve, 19000 Kaniv, Ukraine. e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua.

В основу даної статті покладені матеріали двох експедицій по р. Сейм на байдарці. У 2000 р. експедиція пройшла 6-13.06 від м. Ворожба по р. Вир до впадіння її в Сейм і далі по Сейму до с. Лисогубівка (Білопільський, Путивльський, Буринський, Кролевецький і Конопотський райони Сумської області). У 2001 р. – 13-19.06 від с. Лисогубівка до гирла Сейму і далі по Десні до смт Макошине (Конопотський район Сумської області, Бахмацький, Коропський, Сосницький і Менський райони Чернігівської області). У 2000 р. по Сейму пройдено 132 км, у 2001 р. – 74 км.

Сіра чапля (*Ardea cinerea*). В урочищі Боромля нижче с. Камінь на лівому березі Сейму знаходиться колонія чапель (з 1975 р. зоологічна пам'ятка природи республіканського значення “Урочище Боромля”). 11.06.2000 р. тут було обліковано близько 150 гнізд сірої чаплі та 2 гнізда білого лелеки (*Ciconia ciconia*). Чисельність колонії коливається в незначних межах. У 1986 р. у Боромлі одним з авторів було виявлено 120 гнізд сірої чаплі і 4 гнізда білого лелеки; у 1997 р. – 171 гніздо сірої чаплі і 1 гніздо білого лелеки.

Ця колонія відома вже досить давно. Її виявив ще О. Костюченко (1927) у липні 1926 р. Чаплі загніздилися у старій колонії граків (*Corvus frugilegus*), розширивши їх пустуючі гнізда. Даних про кількість гнізд сірої чаплі автор не наводить, зазначаючи лише, що тут була “огромная колонія”, але судячи з того, що в ній гніздилися тільки

кваків (*Nycticorax nycticorax*) не менше 30-40 пар, чисельність чапель, очевидно, була значно вищою.

Велика біла чапля (*Egretta alba*). 9.06.2000 р. одна чапля спостерігалася над Сеймом вище с. Дич, пізніше – ще 3 птахи над луками біля с. Зінове, 10.06 поодинокі птахи двічі зустрічалися на луках поблизу від с. Дич. На очеретяних болотах біля цього села відоме невелике гніздове поселення великих білих чапель (Кныш, Сыпко, 1994). 13-15.06.2001 р. поодинокі птахи неодноразово спостерігалися в околицях сіл Лисогубівка, Таранське, Мельня. 15.06 на одному з озер у заплаві Сейму неподалік від с. Карпенкове відмічені 22 великі білі чаплі, в цей же час поблизу на луках перебували ще 3 птахи. 16.06 окремі білі чаплі кілька разів зустрічалися нижче за течією аж до Батурина.

Бугайчик (*Ixobrychus minutus*). 7.06.2000 р. самець спостерігався в заростях рогузу на р. Вир поблизу від с. Старі Вирки.

Білий лелека. Всього в долині Сейму було зареєстровано 152 гнізда (використані також матеріали з пробної ділянки Мутин програми моніторингу популяції білого лелеки в Україні, див. Грищенко, 1998, 2000). 43,4 % з них побудовані на деревах, 39,5 % – на стовпах, 10,5 % – на водонапірних баштах, 6,6 % – на будівлях. 8,6 % гнізд знаходилися на штучних гніздівлях. Густина населення білого лелеки становила $35,9 \pm 6,6$ пар/100 км² (5 пробних ділянок загальною площею 285 км²).

Успішність розмноження у 2000 р. (3 ділянки) становила $3,09 \pm 0,15$ пташеняти на пару, що брала участь у розмноженні, $3,44 \pm 0,21$ пташеняти на успішну пару, частка неуспішних пар складала $8,73 \pm 0,86$ %. У 2001 р. (3 ділянки): відповідно – $2,64 \pm 0,06$, $3,09 \pm 0,16$, $13,67 \pm 1,96$ %. У 2000 р. 2,2 % лелечих пар виростили по 1 пташеняті, 15,6 % – 2, 42,2 % – 3, 28,9 % – 4, 11,1 % – 5 ($n = 45$), у 2001 р.: 1,9 % – по 1, 24,1 % – 2, 46,3 % – 3, 20,4 % – 4, 7,4 % – 5 ($n = 54$). Нижча результативність розмноження лелек у 2001 р. пов'язана перш за все з холодною і дощливою погодою протягом усього червня. Обидва роки Сейм не розливався.

Чорний лелека (*C. nigra*). Можливе гніздування в лісах на лівому березі Сейму поблизу від сіл Таранське і Карпенкове. 14.06.2001 р. дорослий птах двічі спостерігався над заплавою Сейму між селами Таранське і Мельня. 15.06 бачили, як чорний лелека вилетів з лісу біля с. Карпенкове, сів біля лугового озера і через кілька хвилин полетів назад у ліс. Крім того, в той же день ми кілька разів зустрічали і бродячих птахів: 3 чорних лелеки, а пізніше один кружляли вдень над Сеймом і луками на південь від с. Горохове, через кілька годин 2 птахи відмічені у прибережних чагарниках північніше с. Карпенкове, вечором 2 дорослих чорних лелеки лаштувалися на ночівлю на сухій верхівці сосни на узліссі невеликого гаю в заплаві неподалік від с. Карпенкове. У 1988 р. чорного лелеку знаходили на гніздуванні в Бахмацькому районі (Марисова и др., 1990).

Малий підорлик (*Aquila pomarina*). 10.06.2000 р. на луках і полях між селами Октябрське, Гвинтове і Нечаївка відмічене незвичайне скупчення хижих птахів. За півтори години, практично не сходячи з місця, ми спостерігали не менше 5 підорликів, скоріше всього малих, 2-3 пари болотяних лунів (*Circus aeruginosus*), самця і 2 самок лугового луня (*C. pygargus*), чорного шуліку (*Milvus migrans*), 3 канюків (*Buteo buteo*). Тут же на луках трималося більше 50

бродячих білих лелек. 14.06.2001 р. малий підорлик спостерігався в заплаві Сейму між селами Таранське і Мельня, 16.06 – над річкою вище с. Дрібці.

Великий підорлик (*A. clanga*). Більш менш достовірно можна стверджувати лише про одну зустріч. 11.06.2000 р. на луках біля західного узлісся Спадщанського лісу (лісовий масив на правому березі Сейму на захід від Путивля) птах сидів на трубі шлюзу меліоративного каналу. Підорлик підпустив на 160 м, і його вдалося добре роздивитися.

Зміїд (*Circaetus gallicus*). 11.06.2000 р. один птах спостерігався у заболоченому вільшанику на південно-західному узліссі Спадщанського лісу, пізніше можливо цей же зміїд відмічений поблизу над луками.

Луговий лунь. 11.06.2000 р. самець спостерігався на луках біля південно-західного узлісся Спадщанського лісу. 12.06.2000 р. самець відмічений на луках біля с. Заболотове, трохи пізніше біля околиці Заболотового спостерігалася пара птахів. 13.06.2000 р. самця зустріли біля с. Озаричі.

Осоїд (*Pernis apivorus*). 18.06.2001 р. спостерігався над Десною нижче гирла Сейму біля с. Велике Устя.

Чорний шуліка. На Сеймі це досить звичайний вид. Всього протягом двох експедицій зареєстровано 38 особин у 30 пунктах, що становить 1,8 ос./10 км русла. Це, звичайно, занижені дані для заплави в цілому, але вони хоч частково характеризують чисельність виду в регіоні.

Сірий журавель (*Grus grus*). 9.06.2000 р. 3 журавлі спостерігалися біля с. Пересипки. Вони деякий час кружляли над річкою, а згодом зникли десь на правому березі. Цілком можливо, що ці птахи прямували до торфових боліт на північ від с. Волинцеве. Вечором 10.06 4 журавлі пролітали через Сейм з боку с. Духанівка в напрямку Спадщанського лісу, через деякий час один летів назад. 11.06 один птах годувався на луках вздовж західного узлісся Спадщанського лісу. На галявині серед заболо-

Фото 1. Гніздо водяної курочки в куші водяного хрину. 12.06.2000 р. Стариця Сейму біля с. Любитове.

Тут і далі фото Є.Д. Яблонівської-Грищенко.
Photo 1. An unusual nest of the Moorhen in a solitary bush of *Rorippa amphibia* among the water.

ченого вільшаника знайдено кілька вилиняних журавлиних пер.

Місце гніздування журавлів у Сумському Посейм'ї виявлене в лісах на лівому березі Сейму на південь від сіл Новомутин і Прилужжя (лісовий масив Мутинський бір на північний схід від Конотопа). Всього тут гніздиться не менше 10-20 пар (Грищенко, 1999). За даними М.П. Лаухіна (особ. повід. М.П. Книша), з 1996 р. журавлі гніздяться в невеликій кількості і в Спадщанському лісі. Наведені вище спостереження говорять про те, що ці два осередки пов'язані між собою – птахи можуть перелітати з одного в інший. 27.04.2001 р. над околицею с. Козацьке (південно-східна окраїна Мутинського бору) спостерігалися два журавлі, які летіли в напрямку Спадщанського лісу.

Вище по течії Сейму місця гніздування журавлів відомі також у Глушківському і Львовському районах Курської області (Міронов, 1994).

Водяна курочка (*Gallinula chloropus*). 12.06.2000 р. на стариці неподалік від с. Любитове було знайдено цікаво розміщене гніздо. Воно збудоване не в заростях, а в поодинокому кущику водяного хрину серед води (фото 1). У гнізді знаходилося 6 насиджених яєць.

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*). У 1992 р. вперше для лісостепової частини Сумської області гніздо кулика-сороки було знайдено на Сеймі біля с. Озаричі (Лебідь та ін., 1992). Бродячі птахи можуть зустрічатися і значно вище по течії. Так, 27.05.1999 р. і 25.04.2000 р. пари куликів-сорок спостерігалися біля с. Мутин, але гніздування тут не відмічене.

11.06.2000 р. один птах зареєстрований на руслі Сейму вище с. Заболотове. 12-13.06.2000 р. поодинокі птахи неодноразово відмічалися поблизу сіл Озаричі і Лисогубівка.

У 2001 р. нам вдалося встановити основний осередок гніздування кулика-сороки на Сеймі. Це ділянка між с. Мельня і смт Батурина. Тут на значному проміжку села не підходять близько до річки, тому на її берегах порівняно мало людей, а на численних звивинах русла багато зручних місць для гніздування. Це піщані коси, облямовані з боку берега заростями трав'янистої рослинності і чагарників, де дуже зручно ховатися пташенят (фото 2). 15.06 на одній з таких кіс на лівому березі Сейму на північ від с. Карпенкове була виявлена територіальна пара куликів-сорок, яка весь час літала з тривожними криками над спостерігачами. Після тривалих пошуків у траві вдалося знайти пухове пташеня приблизно тижневого віку. 16.06 були виявлені ще 2 територіальні пари на косах – вище с. Дрібці і вище Батурина. Крім того, між Лисогубівкою і Батурином неодноразово зустрічалися групи бродячих куликів з 2-4 птахів (фото 3). Загалом, разом з гніздовими парами, тут трималося не менше 15-20 особин.

Нижче Батурина територіальні пари куликів-сорок не виявлені, та й самі птахи майже не зустрічалися: 16 і 17.06 поодинокі особини спостерігалися біля с. Обмачів, 17.06 – 2 кулики між селами Кербутівка і

Млини, 17 і 18.06 – двічі поодинокі птахи вже біля гирла Сейму.

Малий зуйок (*Charadrius dubius*). Загалом під час двох експедицій зареєстровано 199 особин у 123 пунктах, зустрічальність становить 9,7 ос./10 км русла. Розподіл зуйків був нерівномірним. Весь маршрут ми розбили на три ділянки: від гирла р. Вир до с. Хижки (78 км), від с. Хижки до с. Лисогубівка (54 км), від с. Лисогубівка до гирла Сейму (74 км). Зустрічальність зуйків на цих трьох ділянках становила відповідно 0,6, 18,3, 12,8 ос./10 км русла. Пов'язано це з тим, що вище Хижків було дуже мало придатних для гніздування місць.

Розміри яєць (n = 7, 2 кладки), мм: 28,8 – 30,2 x 21,4 – 22,6 (29,6 x 22,0).

Великий коловодник (*Tringa nebularia*). Кілька разів зустрічалися літаючі особини. 11.06.2000 р. один птах відмічений біля с. Заболотове. У 2001 р.: 15.06 – крик одного птаха на луках на північ від с. Карпенкове, 16.06 – 2 особини біля с. Слобідка, 18.06 – 1 коловодник на Десні біля с. Велике Устя.

Лісовий коловодник (*T. ochropus*). На руслі Сейму лише двічі відмічались поодинокі птахи – 16.06.2001 р. біля с. Слобідка і нижче с. Кербутівка.

Перевізник (*Actitis hypoleucos*). Загалом під час двох експедицій зареєстровано 261 особину у 173 пунктах, зустрічальність становить 12,7 ос./10 км русла. Чисельність перевізників зростала вниз по течії Сейму. На трьох ділянках маршруту (див. вище) зустрічальність становила: 5,5, 12,0, 20,7 ос./10 км русла.

Розміри яєць (1 кладка), мм: 35,5 x 25,3; 34,7 x 25,7; 33,9 x 25,5; 34,4 x 25,5.

Мородунка (*Xenus cinereus*). У 2001 р. на Сеймі в кількох місцях спостерігалися поодинокі птахи: 16.06 – біля с. Обмачів, 17.06 – біля с. Кербутівка, 18.06 – на луках

Фото 2. Гніздовий біотоп кулика-сороки. 16.06.2001 р. Сейм біля с. Дрібці.

Photo 2. Breeding habitat of the Oystercatcher.

біля с. Пекарів. 19.06 на лівому березі Десни біля с. Велике Устя була виявлена група з 6 мородунок, частина з яких активно токували.

Вальдшнеп (*Scolopax rusticola*). 11.06.2000 р. відмічена “тяга” вальдшнепа над узліссям заплавного вільшаника між селами Заболотове і Червоний Ранок.

Малий крячок (*Sterna albifrons*). Вперше для Сейму і Сумської області невелика колонія була виявлена у 1979 р. на піщаній косі біля с. Мутин (Грищенко, 1988). Протягом 20 років крячки практично щороку гніздилися в цьому ж місці, незважаючи на постійне турбування людьми і худобою. Причина цього, очевидно, полягає перш за все в тому, що це найбільш зручне місце для гніздування на значному протязі русла. Вище с. Камінь великих піщаних кіс взагалі практично немає. Чисельність колонії коливалась у межах 2-7 пар. Пізніше була виявлена ще одна колонія між селами Озаричі і Лисогубівка, де гніздилося в різні роки від 25 до 47 пар малих крячків (Книш, 1994). У верхів'ях Сейму є колонія в кілька десятків пар на водосховищі Курської АЕС (Миронов, 1994).

У 2000 р. першого малого крячка ми зустріли 11.06 біля с. Камінь, близько 10 км від колонії. Крячки гніздилися на тій же ко-

Фото 3. Кулики-сороки люблять відпочивати на корчах серед річки. 16.06.2001 р. Сейм біля с. Митченки.
Photo 3. Resting oystercatchers on a snag.

сі біля Мутина. Тут трималися 4 пари. Було знайдено 3 гнізда (3, 3 і 2 яйця) і 3 гнізда малого зуйка. Кладки малих крячків лежали просто в ямках у піску без будь-якої вистилки (фото 4).

Нижче Озаричів у 2000 р., очевидно, малі крячки вже не гніздилися. Вдруге під час експедиції ці птахи зустрілися нам лише біля с. Лисогубівка. 5 крячків ловили рибу в затонах і відпочивали на корчах. У 2001 р. 13.06 2 малі крячки знову спостерігалися біля Лисогубівки. 14-16.06 по 1-3 птахи неодноразово відмічалися на руслі Сейму між с. Мельня і Батурином, 16.06 на піщаній косі вище Батурина спостерігалося 6 малих крячків, 3 – біля с. Обмачів, 17.06 – 2 птахи між селами Костирів і Кнуті.

Річковий крячок (*S. hirundo*). 12.06.2000 р. два птахи спостерігалися на руслі Сейму біля с. Жолдаки. 13.06 поодинокі річкові крячки неодноразово зустрічалися між Озаричами і Лисогубівкою, 3 птахи відпочивали на корчах біля залізничного мосту поблизу Лисогубівки. 16.06.2001 р. один крячок спостерігався на Сеймі неподалік від с. Карпенкове, 17.06 – 2 птахи між селами Костирів і Кнуті. Нижче Кнутів поодинокі річкові крячки почали зустрічатися на руслі Сейму вже регулярно, залітаючи сюди з Десни.

Білощокий крячок (*Chlidonias hybrida*). 7.06.2000 р. 2 птахи пролітали вверх по течії р. Вир біля с. Старі Вирки.

Болотяна сова (*Asio flammeus*). 9-10.06.2000 р. серед осокових та очеретяних боліт на луках лівого берега навпроти с. Харівка виявлене невелике поселення чисельністю не менше 3-5 пар. Птахи були активні протягом практично всього дня, що типово для болотяної сови (Приклонский, 1993; Mebs, Scherzinger, 2000). Відстань між окремими парами становила від кількох сотень метрів до

кілометра. Птахи неодноразово спостерігалися як у польоті, так і на присадах – сухі гілки дерев і кущів та жердини на сінокосах. Одна з сов ганяла болотяного луна. 12.06.2000 р. один птах був виявлений у прибережних верболозах поблизу від с. Заболотове.

Голубий рибалочка (*Alcedo atthis*). Загалом рибалочки зареєстровані у 122 пунктах (по 1-4 птахи, всього 153 особини), що становить 5,9 поселення на 10 км русла. Зустрічальність рибалочок була дещо нижчою в пониззі Сейму, на трьох ділянках маршруту: 6,0, 7,8, 4,5 поселення на 10 км русла.

Жовтоголова плиска (*Motacilla citreola*). 7.06.2000 р. пара зареєстрована на березі р. Вир поблизу від с. Старі Вирки, самець кілька разів спостерігався з їжею в дзьобі. Пізніше самець відмічений нижче с. Старі Вирки в заростях комишу на руслі Виру. В той же день самка годувалася на лататті на руслі річки неподалік від с. Нові Вирки. Невелике поселення жовтоголових плисок з кількох пар є на заболочених луках Сейму біля с. Мутин.

Білобровий дрізд (*Turdus iliacus*). 11.06.2000 р. два співаючі самці відмічені у заболочених вільшаниках на південно-західному узліссі Спадшанського лісу. Пізніше того ж дня співаючий самець зареєст-

рований на березі Сейму біля с. Камінь. 15.06.2001 р. співаючі самці відмічені у двох місцях на луках біля Сейму на північ від с. Карпенкове.

Ремез (*Remiz pendulinus*). Як зазначає М.П. Книш (2001), випадки гніздування цього виду на Сеймі в Сумській області не були відомі. 14.06.2001 р. у чагарниках на березі Сейму неподалік від с. Мельня виявлене гніздо на вербі білій, яке добувувала пара птахів ("мішечок" без трубки). Одним з авторів гніздо ремезів, поблизу якого тримався виводок, було знайдене ще влітку 1978 р. на старому руслі Сейму неподалік від с. Мути. Воно знаходилося на гілках верби, що звисали над водою.

Фото 4. Гніздо малого крячка. 11.06.2000 р. Сейм біля с. Мути.

Photo 4. A nest of the Little Tern.

ЛІТЕРАТУРА

- Грищенко В.Н. (1988): О гнездовании малой крачки на р. Сейм в Сумской области. - Орнитология. М.: МГУ. 23: 207.
- Грищенко В.М. (1998): До екології білого лелеки в зоні росту чисельності. - Мат-ли III конфер. молодих орнітологів України. Чернівці. 31-34.
- Грищенко В.М. (1999): Рідкісні види птахів Мутиньського заказника та його околиць (Сумська область). - Заповідна справа в Україні на межі тисячоліть. Канів. 110-111.
- Грищенко В.Н. (2000): Белый аист в Сумском Посеймье. - Белый аист в России: дальше на восток. Калуга: Центр "Кадастр". 202-205.
- Книш М.П. (1994): Про охорону поселень рідкісних видів колоніальних птахів у середній течії річки Сейм. - Запов. справа на Сумщині. Суми. 75-76.
- Кныш Н.П. (2001): Заметки о редких и малоизученных птицах лесостепной части Сумской области. - Беркут. 10 (1): 1-19.
- Кныш Н.П., Сыпко А.В. (1994): Большая белая цапля в Сумской области. - Мат-ли I-ї конфер. молодих орнітологів України. Чернівці. 15-17.
- Костюченко А. (1927): Гнездование кваквы (*Nycticorax griseus*, Briss) в Конотопском округе. - Укр. мисливець та рибалка. 1: 22.
- Лебідь Є.О., Книш М.П., Хоменко С.В. (1992): Фауна та екологія куликів Сумської області. - Проблеми охорони і рац. використання природн. ресурсів Сумщини. Суми. 76-94.
- Марисова І.В., Макаренко М.М., Сердюк В.А. (1990): Черный аист на Черниговщине. - Аисты: пространство, экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка. 221-223.
- Миронов В.И. (1994): Редкие птицы долины Сейма. - Заповідна справа на Сумщині. Суми. 84-87.
- Приклонский С.Г. (1993): Болотная сова. - Птицы России и сопредельных регионов. М.: Наука. 313-325.
- Mebs T., Scherzinger W. (2000): Die Eulen Europas. Biologie, Kennzeichen, Bestände. Stuttgart: Kosmos. 1-396.

В.М. Грищенко,
Канівський заповідник, м. Канів,
19000, Черкаська обл.,
Україна (Ukraine).

Орнітологічні спостереження	Беркут	10	Вип. 1	2001	25
-----------------------------	--------	----	--------	------	----

Лелека чорний (*Ciconia nigra*). Волинська обл., Любомльський р-н. 06.2000 р. 2 гнізда біля с. Хворостів, в околицях сіл Хворостів і Руда гніздиться до 4-5 пар.

І.П. Пляшечник

- Дніпропетровська обл., Криворізький р-н. 11.09.2000 р. 10 ad і ім біля с. Маяк. 23.09.2000 р. 1 ос. біля с. Широке.

А.Л. Сальник

ИЗМЕНЕНИЯ В ФАУНЕ ПТИЦ ДОЛИНЫ р. УЖ (ЗАКАРПАТЬЕ) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ

А.Е. Луговой, Л.А. Потыш, В.Ю. Кузьма, А.В. Геревич

Changes in bird fauna of the Uzh river valley (Transcarpathians) in the second half of XXth century. - A.E. Lugovoy, L.A. Potish, V.Yu. Kuzma, A.V. Herevich. - *Berkut*. 10 (1). 2001. - Since the ornithofaunistic studies by L.A. Portenko (1950) in the western part of Transcarpathian region (Ukraine) only half of bird populations have remained more or less stable, 27 species (24,0 %) have disappeared or drastically reduced in numbers, while 23 species (20,5 %) have appeared for the first time or become more numerous. From the point of view of the biodiversity conservation this substitution is not equivalent; especially rare species have disappeared or reduced in numbers, while more common ones have appeared and expanded. Some urgent measures on the recovery and conservation of rare bird species in forests and on banks of the Uzh river basin and in other areas of the region. [Russian].

Key words: the Transcarpathians, the Uzh river, fauna, changes, rare species.

Address: A.E. Lugovoy, Ostrovnaya str. 20/21, 88000 Uzhgorod, Ukraine.

Введение

Летом и ранней осенью 1947 г. в течение трех месяцев фауну птиц в среднем течении р. Уж (между населенными пунктами Великий Березный и Оноковцы, главным образом близ Перечина) обследовал известный орнитолог Л.А. Портенко. В итоге он опубликовал прекрасно документированную обширную статью “Очерк фауны птиц западного Закарпатья” (Портенко, 1950). То обстоятельство, что работа была выполнена на четко ограниченной и сравнительно небольшой территории (расстояние от Великого Березного до Оноковцев равно примерно 45 км), позволяет уверенно сравнивать состояние орнитофауны в конце XX в. с тем, что имело место 50 лет назад. Иными словами, участок, обследованный Л.А. Портенко, можно рассматривать как своеобразный мониторинговый полигон.

Авторы этих строк в течение 6 лет – с 1992 по 1998 гг. (был пропущен только 1995 г.) – организовывали орнитологические лагеря в окрестностях с. Ворочева, что в 3 км от Перечина, т. е. в эпицентре района исследований Л.А. Портенко. Каждый год во второй половине июня мы здесь наблюдали за птицами в течение 10-14 дней. Таким образом накопилось 70 полевых дней. Кроме

того, два автора (А.Е. Луговой, Л.А. Потыш) проводили в этом районе совместно с венгерскими коллегами отлов и кольцевание птиц в августе-сентябре 1992 г., что увеличивает срок исследований еще на 15 дней. В итоге у нас с Л.А. Портенко почти полностью совпали: район исследования, сезоны года и продолжительность наблюдений. Это позволяет провести сравнение состава фауны птиц в историческом разрезе. Мы не приводим описание района исследований. Оно очень подробно изложено в работе выше упомянутого автора. Ниже описываем лишь изменения, происшедшие в этих ландшафтах.

Результаты и обсуждение

За прошедшие полвека в облике ландшафтов и способах использования земель в среднем течении р. Уж произошли следующие изменения: а) в результате рубок уменьшился возраст лесов, стало меньше старых дуплистых деревьев, во многих местах коренные бучины теперь замещены участками березняков; б) близ с. Ворочево были построены небольшие рыболовные пруды; в) уменьшились площади, занятые кустарниками вследствие ликвидации межей (при коллективизации сельского хозяйства) и в результате застройки придолин-

Изменения в орнитофауне долины р. Уж
Changes in ornithofauna of the Uzh river valley

Виды, описанные Л.А. Портенко (1950), но не отмеченные нами в 1990-е гг. Species, described by L.A.Portenko (1950) but not found by us in the 1990s	Виды, отмеченные в 1990-е гг., но не упомянутые в работе Л.А. Портенко (1950) Species, noted in the 1990s, but not mentioned in L.A.Portenko's work
--	--

<i>Anas crecca*</i>	<i>Phasianus colchicus</i>
<i>Milvus milvus</i>	<i>Fulica atra</i>
<i>M. migrans</i>	<i>Larus ridibundus</i>
<i>Falco peregrinus</i>	<i>Columba palumbus</i>
<i>Caprimulgus europaeus</i>	<i>Streptopelia decaocto</i>
<i>Phoenicurus phoenicurus</i>	<i>Picus viridis</i>
<i>Ficedula hypoleuca</i>	<i>Dendrocopos syriacus</i>
<i>Motacilla flava</i>	<i>Corvus cornix</i>
<i>Lanius excubitor*</i>	<i>C. monedula</i>
<i>L. minor</i>	<i>Remiz pendulinus</i>
	<i>Turdus pilaris</i>
	<i>Locustella fluviatilis</i>
	<i>Sylvia atricapilla</i>
	<i>S. borin</i>
	<i>Serinus serinus</i>
	<i>Acanthis cannabina</i>

* В летний период In summer period.

ных склонов садово-огородными участками дачников; г) существенно разрослись населенные пункты, в связи с чем доля естественных угодий в долине р. Уж сократилась; д) резко увеличился прессинг на природу со стороны туристов, отдыхающих, грибников, рыболовов, поскольку долиной Ужа проходят автомобильный и железнодорожный пути, и эта территория стала главной артерией рекреационных маршрутов в три раза возросшего населения Ужгорода. Указанные преобразования ландшафтов, а также иные факторы, стали причиной того, что изменения в видовом составе птиц изучаемого района за последних 50 лет имеют противоречивый характер. Это частично иллюстрирует приводимая таблица.

Список левого столбца (виды не обнаруженные нами в 1990-е гг.) можно дополнить также сипухой (*Tyto alba*), хохлатым

жаворонком (*Galerida cristata*), но мы допускаем, что они здесь все же иногда встречаются (хохлатых жаворонков мы неоднократно отмечали чуть южнее и т. д.). Практически исчез здесь и клинтух (*Columba oenas*), которого мы отметили всего один раз в первый год (1992) своих исследований.

Целесообразно отметить виды, которые стали встречаться значительно реже, чем в 1940-е гг. Несмотря на отсутствие у Л.А. Портенко конкретных учетных данных, судя по тексту повидовых описаний, можно утверждать, что явно уменьшились в числе следующие птицы: *Accipiter nisus*, *Oenanthe oenanthe*, *Streptopelia turtur*, *Hippolais icterina*, *Jynx torquilla*, *Sylvia nisoria*, *Alauda arvensis*, *Ficedula parva*, *Lanius collurio*, *Anthus trivialis*, *Saxicola rubetra*, *Emberiza citrinella*.

Сейчас уже нельзя, как во времена Л.А.

Портенко, назвать долину Ужа “страной жуланов и овсянок”. Обилие их, и особенно овсянок, явно сократилось.

За прошедшие 50 лет существенно увеличилась встречаемость следующих видов: *Pica pica*, *Phoenicurus ochruros*, *Corvus corax*, *Ficedula albicollis*, *Saxicola torquata*.

Обыкновенного соловья (*Luscinia luscinia*) Л.А. Портенко скорее всего пропустил чисто механически, ибо мы его тоже визуально во второй половине лета (именно в это время года работал упомянутый исследователь) здесь не отмечали. Тем не менее, соловей здесь гнездится (в небольшом количестве, пение заканчивается рано, в июне) и активно пролетает (результаты осеннего отлова паутинными сетями в прибрежных кустарниковых зарослях р. Уж).

Попытаемся выяснить причинную зависимость вышеуказанных изменений в населении птиц региона, памятуя однако о том, что птицы, как и другие животные, подвержены естественным многолетним флуктуациям численности, закономерности которых еще недостаточно изучены.

1. Виды из группы новых для изучаемой местности гнездящихся либо летующих птиц (озерная чайка (*Larus ridibundus*), кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*), сирийский дятел (*Dendrocopos syriacus*), дрозд-рябинник (*Turdus pilaris*), речной сверчок (*Locustella fluviatilis*), ремез (*Remiz pendulinus*), европейский вьюрок (*Serinus serinus*)) имели в последние десятилетия тенденцию к расширению своего ареала и увеличению численности во всей европейской части Палеарктики, а не только в районе наших исследований.

2. Ряд птиц был вытеснен близкими видами, что, возможно, связано с общим потеплением климата. Обыкновенная горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*) вытеснена горихвосткой-чернушкой (*Ph. ochruros*); мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*) – белошейкой (*F. albicollis*); луговой чекан (*Saxicola rubetra*) и в наше время продолжает вытесняться черноголовым чеканом (*S. torquata*).

3. В недалеком прошлом в Закарпатье на дичеферме “Шаланки” проводилось массовое выращивание фазанов (*Phasianus colchicus*) с дальнейшим выпуском птиц в равнинные угодья, откуда по долине р. Уж этот охотничий вид проник и в пределы Перечинщины.

4. Построенные близ Ворочева небольшие рыбоводные пруды способствовали появлению здесь (правда, в очень небольшом числе) лысухи (*Fulica atra*) и распространению ранее упомянутых озерной чайки, ремеза, речного сверчка, а также увеличению встречаемости серой цапли (*Ardea cinerea*) (последняя попадалась здесь и в 1940-е гг., но, надо полагать, реже).

5. Врановые птицы за последние десятилетия существенно синантропизировались; это касается также ворона (*Corvus corax*). Л.А. Портенко на 45-километровом отрезке долины Ужа отмечал лишь один выводок этой птицы, теперь здесь обитает до 8-10 пар. Галка, которую Л.А. Портенко в 1940-е гг. в долине Ужа не отметил, и которая в то время гнездилась в Закарпатье лишь в дуплах деревьев (Страутман, 1963), теперь все чаще выводит птенцов в зданиях, в полостях бетонных столбов ЛЭП, стала довольно обычной птицей.

6. Что касается исчезнувших либо заметно сокративших свою численность видов, то необходимо отметить следующее:

а) исчезновение ряда хищных птиц (сапсан (*Falco peregrinus*), красный коршун (*Milvus milvus*) и т. д.) происходило во всей Европе, не только здесь, однако на местном уровне процесс до сих пор усугубляется недисциплинированностью охотников, которые часто разряжают свои ружья при виде любой хищной птицы;

б) уменьшение площади кустарниковых зарослей, меж и интенсивное ведение сельского хозяйства в недавнем прошлом стало причиной сокращения численности целого ряда видов птиц (обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*), полевой жаворонок (*Alauda arvensis*), ястребиная славка (*Sylvia nisoria*), жулан (*Lanius collurio*), обычно-

венная овсянка (*Emberiza citrinella*)), связанных с подобными ландшафтами;

в) в связи с уменьшением площади старых лесов сократилась численность дуплогнезdnиков, и в первую очередь клинтуха, вертишейки (*Jynx torquilla*), малой мухоловки (*Ficedula parva*);

г) интенсивное и участвовавшее посещение лесов туристами, грибниками и т. д. (фактор беспокойства) предположительно стало причиной уменьшения численности и распространения козодоя (*Caprimulgus europaeus*), лесного конька (*Anthus trivialis*), лесного жаворонка (*Lullula arborea*) и других наземногнездящихся видов птиц леса;

д) о вытеснении ряда видов более южными мы уже упоминали выше (см. п. 2).

Выводы и прогноз на будущее

Подытоживая, можно указать, что из 112 видов птиц, отмеченных Л.А. Портенко (1950) и нами в этом районе (летне-раннеосенний период, без зимующих птиц и многих мигрантов) 27 видов (около 24 %) теперь исчезли либо резко уменьшились в числе, 23 вида (20,5 %) появились вновь или их численность заметно возросла. Более или менее стабильной осталась лишь половина птичьего населения (точнее, 55 %). Качественно замена одних видов другими неравноценна. Среди убывающих в числе фигурируют такие “краснокнижные” виды, как красный коршун, сапсан, сипуха, и их утеря очень болезненна в смысле сохранения биоразнообразия края. В то время, как среди вновь появившихся птиц, “краснокнижных” видов нет вовсе. Есть, правда, хозяйственно ценный вид – фазан. Положительным можно назвать также увеличение численности и ранее отмечавшегося здесь черного аиста (*Ciconia nigra*) (Красная книга). Эта тенденция в последние годы отмечается во многих местах Европы (Ресина, 1987; Грищенко, 1994).

В целом произошла определенная синантропизация населения птиц – появились новые виды, тесно связанные с поселениями человека (кольчатая горлица, сирийский

дятел, европейский вьюрок), возросла численность врановых, в особенности тех, которые охотно добывают свой корм на свалках. Этот процес шел параллельно с исчезновением и сокращением численности птиц, предпочитающих биотопы дикой природы.

Какие изменения в населении птиц изучаемого региона можно ожидать в будущем? Ответ на данный вопрос затруднен тем обстоятельством, что страна находится на перепутье и пока неизвестно, каким образом будет дальше развиваться ее хозяйство. Неясно, на какой срок затянется существующий упадок сельскохозяйственного производства (ограниченное использование в сельском хозяйстве ядохимикатов, минеральных удобрений и т. д.); сохранится ли коллективное ведение хозяйства или восторжествует фермерское; как будет развиваться лесозащита в Карпатах; возрастет ли интенсивность туризма или нет, а если да, то какие примет формы и т. д.

В целом, однако, можно говорить о следующем. Уменьшение химизации сельского хозяйства, которое происходит в последние годы, должно благоприятно сказаться на численности ряда зерноядных птиц, что уже начало проявляться у таких видов, как перепел (*Coturnix coturnix*), обыкновенная горлица, полевой жаворонок, а чуть южнее и у хохлатого жаворонка.

В связи с тем, что в соседних и близлежащих странах (Словакия, Венгрия, Польша, Австрия), в результате активно финансируемых мероприятий, в том числе и по искусственному восстановлению популяций, удалось существенно поднять численность редких хищных птиц (Génsbøl, Thiede, 1997), можно ожидать, что их потомство, в поисках новых мест гнездования, будет стремиться занять и пустующие экологические ниши в изучаемом регионе. Однако успех такого внедрения будет зависеть от наших усилий. Пора по примеру прочих европейских стран в правила ведения лесного хозяйства ввести положение об автоматическом учреждении зон покоя (запрет рубок и т. д.) в местах обнаружения

гнезд редких хищных (и не только хищных) птиц; необходимо совершить перелом в сознании охотников (путем экологической учебы, пропаганды) с тем, чтобы прекратилось бессмысленное истребление неохотничьих видов пернатых и т. д.

Под серьезной угрозой находятся виды птиц, обитающие собственно по берегам и косам р. Уж (и других рек региона), такие как малый зуек (*Charadrius dubius*), перевозчик (*Actitis hypoleucos*), зимородок (*Alcedo atthis*) и даже береговая ласточка (*Riparia riparia*). Продолжается бессистемный забор гравия на любом участке реки для нужд строительства, что уже на р. Тисе привело к серьезным орнитологическим потерям (Потіш, 1997). К этому следует прибавить фактор беспокойства со стороны рыбаков, отдыхающих и туристов, который, по всей вероятности, будет возрастать. Увы, речные обрывы, косы, островки – места гнездования этой специфичной группы птиц – остаются практически бесхозными. Любой береговой участок доступен для посещения людьми. Чтобы сохранить прибрежную орнитофауну и природу этого биотопа в целом, необходимо отдельные участки береговой линии с присущими им секторами реки вычленивать в зоны покоя, о чем мы писали раньше (Луговой, 1996). Тогда мож-

но будет ожидать на р. Уж (и других реках области) сохранения не только названных птиц, но и возникновения колониальных поселений речных (*Sterna hirundo*) и малых (*S. albifrons*) крачек, а также других, связанных с речными биотопами, птиц, которые в прошлом здесь были многочисленнее.

ЛИТЕРАТУРА

- Грищенко В.Н. (1994): Динамика численности и ареала черного аиста в Европе. - Беркут. 3 (2): 91-95.
 Луговой А.Е. (1996): Речные берега и население птиц. - Беркут. 5 (2): 130-133.
 Портенко Л.А. (1950): Очерк фауны птиц Западного Закарпаття. - Памяти акад. П.П. Сушкина. М.-Л. 301-359.
 Потіш Л.А. (1997): Збереження різноманітності гідрофілних птахів Закарпаття. - Міжнародні аспекти вивчення та охорони біорізноманіття Карпат. Рахів. 164-165.
 Страутман Ф.И. (1963): Птицы западных областей УССР. - Львов: Изд-во Львовск. ун-та. 2: 1-187.
 Génsbøl B., Thiede W. (1997): Greifvögel. München: BLV. 1-414.
 Pecina P. (1987): Kapesní atlas chráněných a ohrožených živočichů. Praha. 2: 1-286.

А.Е. Луговой,
ул. Островная, 20/21,
88000, г. Ужгород,
Украина (Ukraine).

Замітки	Беркут	10	Вип. 1	2001	30
---------	--------	----	--------	------	----

НЕЗВИЧАЙНЕ ГНІЗДУВАННЯ СІЛЬСЬКОЇ ЛАСТІВКИ

Unusual nesting of the Swallow. - V.M. Gleba.
- **Berkut. 10 (1). 2001.** - 4 nests were found on 2 cm armature rods under roof of a dilapidated industrial building in Kharkiv region. [Ukrainian].

Незвичайно розміщені гнізда сільських ластівок (*Hirundo rustica*) виявлені нами влітку 2001 р. у напівзруйнованому приміщенні цеху одного з заводів у смт Буди біля Харкова. 4 гнізда були побудовані на арма-

турних прутах товщиною близько 2 см під дахом, відстань між верхом гнізда та дахом не перевищувала 5 см. Кріпилися вони до прутів лише дном. Поруч знаходилися ще 2 гнізда, збудованих як звичайно – прикріплених стінкою гнізда до стіни.

В.М. Глеба

вул. Котовського, 17,
смт Королеве, Виноградівський р-н,
90332, Закарпатська обл.,
Україна (Ukraine).

МАТЕРИАЛЫ ПО ОРНИТОФАУНЕ ПОЛУОСТРОВА ПУРИКАРИНЕЭМ (ЭСТОНИЯ)

С.В. Домашевский

Materials on ornithofauna of the peninsula of Purikarineem (Estonia). - S.V. Domashevsky. - *Berkut*. 10 (1). 2001. - The peninsula of Purikarineem is the northernmost continental part of Estonia. It is situated in National Park Lahemaa. Data were collected since 12.01.1990 till 5.05.1992. Information about some breeding and wintering species is presented. Materials on the phenology of migrations are given in the Table. [Russian].

Key words: fauna, Estonia, breeding, wintering, phenology.

Address: S.V. Domashevsky, Zhukov str. 22/42, 02166 Kyiv, Ukraine; e-mail: utop@iptelecom.net.ua.

Полуостров Пурикаринеэм, врезающийся в акваторию Финского залива, является самой северной материковой частью Эстонии. Западный берег полуострова омывается водами залива Хара-Лахт, который окружен стеной леса, преимущественно, хвойных пород. Рельеф полуострова в основном ровный, с редкими небольшими песчаными холмиками. Полуостров находится на территории национального парка Лахемаа. Небольшие заливчики по берегам частично окаймлены тростниковыми зарослями. Берег галечный или песчаный, реже задернованный, местами в залив выступают усеянные валунами косы. В парке преобладают сосновые и еловые леса, на заболоченных участках и в понижениях произрастают березняки, ольшаники и осинник. Подлесок чаще густой, представлен лиственными породами и в меньшей степени хвойными. Поскольку какая-либо лесоразработка на полуострове отсутствует, в парке есть очень захламленные участки – результат действия буреломных ветров. Из заболоченных понижений и небольших по площади болот, в том числе и клюквенных, вытекают мелкие ручьи.

В ходе проведенных работ нами был собран материал по фенологии прилета и отлета 34 видов птиц, а также сведения по 103 гнездящимся видам и 46 видам, отмеченным в зимний период.

Наблюдения проводились на полуострове Пурикаринеэм с 12.01.1990 г. по 5.05.1992 г. вдоль береговой черты пп. Суурпеа-

Пяреспеа, а также на лесных участках у поселков Суурпеа, Турбанями и Вийнисту. Учет зимующих водоплавающих проводился у п. Суурпеа в заливе Хара-Лахт.

Данные по фенологии весеннего прилета и последних встреч некоторых видов птиц в осенние сезоны представлены в таблице. Все промеры приводятся в миллиметрах.

Птицы, отмеченные в гнездовой период

Лебедь-шипун (*Cygnus olor*). Отдельные взрослые неразмножающиеся особи изредка встречаются на акватории залива, где также отмечены группы неполовозрелых птиц.

Лебедь-кликун (*C. cygnus*). На мелководном заливе 12.07.1991 г. отмечена неразмножающаяся пара.

Пеганка (*Tadorna tadorna*). Гнездящийся вид. У п. Суурпеа, на мысе Одакви, в гнездовые периоды держались до трех пар. В первой декаде мая отмечена пара уток, занимавшаяся поиском гнездовых ниш в постройках человека. Выводки встречены 10.06.1990 г. – 5 птенцов и 23.06.1991 г. – 11 птенцов (совместная кладка двух самок). Птенцов водят оба родителя.

Кряква (*Anas platyrhynchos*). Гнездящийся вид. В качестве гнездопригодных мест отдает предпочтение заболоченным лесным участкам. В середине апреля самки активно занимаются поисками мест,

Сроки миграций птиц на полуострове Пурикаринеэм
Times of bird migrations on the peninsula of Purikarineem

Вид Species	1990		1991		1992
	весна spring	осень autumn	весна spring	осень autumn	весна spring
1	2	3	4	5	6
<i>Gavia sp.</i>	27.04–22.05	11.09–07.10	23.04–08.05	20.07–23.10	14.04
<i>Podiceps cristatus</i>	24.04–12.05	3.07–16.09	8.05	22.08–30.10	
<i>P. grisegena</i>	17.04–08.05		25.04		
<i>P. nigricollis</i>	28.04–22.07		13.04		
<i>Phalacrocorax carbo</i>	26.03	14.08	17.03	12.07	03.04
<i>Ardea cinerea</i>		23.09	22.03	27.09	20.03
<i>Ciconia ciconia</i>					19.04
<i>C. nigra</i>				22.08	
<i>Cygnus cygnus</i>	17.03–28.04	23.09–04.10	3.04–26.05	23.09–21.11	11.03
<i>C. bewickii</i>			7.04–08.05		
<i>Anser sp.</i>	26.03–28.05	16.09–05.10	30.03–13.05	19.09–21.10	14.03
<i>Branta bernicla</i>	23.03			15.10	
<i>B. leucopsis</i>	28.04–03.05	21.09–05.10	11.04	22.09–21.10	
<i>Tadorna tadorna</i>	29.03		22.03		14.03
<i>Anas crecca</i>			12.04	22.08–24.04	27.04
<i>A. strepera</i>				29.09–12.10	
<i>A. penelope</i>	12.04–19.04		22.04	12.10	2.04
<i>Somateria mollissima</i>	24.03	7.10	26.03	12.10	16.03
<i>Melanitta nigra</i>	24.03		10.04		27.04
<i>M. fusca</i>	01.03	7.10	27.03	20.10	16.03
<i>Aythya ferina</i>			04.04–11.04	15.08–22.08	
<i>A. marila</i>	27.04				
<i>Clangula hyemalis*</i>	21.05	07.10	18.05	27.09	
<i>Mergus albellus</i>			22.03		
<i>M. serrator</i>	27.03	20.10	28.03	25.10	25.04
<i>Pernis apivorus</i>	18.05	12.08–06.09		16.07–07.09	
<i>Circaetus gallicus</i>	26.05				
<i>Aquila chrysaetos</i>	28.03–11.04		2.03–06.05		4.04
<i>Circus cyaneus</i>	11.04–30.04		11.04–04.05	19.08–30.10	25.04
<i>C. aeruginosus</i>	24.04		4.05	22.08–17.09	27.04
<i>Haliaeetus albicilla</i>	15.04–14.05		24.03–22.04		15.04
<i>Milvus migrans</i>	18.04–19.05			15.08	5.05
<i>Buteo buteo</i>	01.03–01.05	13.08–24.09	22.03–08.05	16.07–24.10	9.03
<i>B. lagopus</i>	10.04–07.05	23.10	22.03–04.05		4.04
<i>Accipiter gentilis</i>	21.03–29.03	20.10–23.10		18.09–21.10	
<i>A. nisus</i>	21.03–26.04	14.08–12.11	4.04–12.05	22.08–14.10	12.03
<i>Pandion haliaetus</i>	26.04		18.04–19.05	26.08–17.09	13.04
<i>Falco tinnunculus</i>	22.04–22.05	10.07–30.07	29.03–5.05		11.03
<i>F. columbarius</i>		19.08–10.09		14.10	3.04
<i>F. subbuteo</i>	18.04–20.04	02.08–26.09	27.04–09.05	29.07–06.09	27.04
<i>Grus grus</i>	16.04–21.05	19.09–28.09	22.03–16.05	26.08–28.09	6.04
<i>Fulica atra</i>			22.03–13.04		
<i>Pluvialis squatarola</i>		6.07		15.08–17.10	3.04
<i>Charadrius hiaticula</i>				24.07–26.10	

Продолжение таблицы

Continuation of the Table

1	2	3	4	5	6
<i>Vanellus vanellus</i>	17.03–12.05		22.03–13.05		11.03
<i>Haematopus ostralegus</i>	12.04		13.04	6.09	25.04
<i>Tringa ochropus</i>	25.04		4.04		
<i>T. glareola</i>	9.05	23.07–28.07			
<i>T. totanus</i>	28.04–28.05	02.07–11.08	4.05	24.08	
<i>Actitis hypoleucos</i>	27.04		2.05	24.08	27.04
<i>Phalaropus lobatus</i>			15.06		
<i>Arenaria interpres</i>				29.09	
<i>Calidris ferruginea</i>				19.07–24.07	
<i>C. alpina</i>				12.07–05.10	
<i>Gallinago gallinago</i>			5.04	29.09	
<i>Scolopax rusticola</i>			22.03		
<i>Numenius arquata</i>	19.04–26.04	24.07–15.08	04.04–10.05		10.04
<i>N. phaeopus</i>	18.04				
<i>Limosa lapponica</i>				29.09	
<i>Stercorarius parasiticus</i>	3.05		25.05		
<i>Larus canus</i>	17.03		21.03	20.10	11.03
<i>L. argentatus</i>	18.03		22.03	25.10	9.03
<i>L. fuscus</i>	17.04	23.09	22.04		
<i>L. ridibundus</i>	17.03	27.10	22.03	31.10	22.03
<i>Sterna hirundo</i>	3.05	14.08	4.05	29.07	5.05
<i>S. paradisaea</i>				22.09	
<i>Columba oenas</i>	30.03		12.04		11.03
<i>C. palumbus</i>	17.03		4.04		4.04
<i>Cuculus canorus</i>	30.04		12.05	28.08	
<i>Alcedo atthis</i>				22.08	
<i>Upupa epops</i>	29.04				
<i>Apus apus</i>	22.05	24.09	01.06	25.08	
<i>Alauda arvensis</i>	18.03		21.03	8.10	10.03
<i>Lullula arborea</i>	24.03		7.04	27.09	22.03
<i>Eremophila alpestris</i>			30.03		
<i>Hirundo rustica</i>	23.04	28.09	30.04	24.09	1.05
<i>Delichon urbica</i>	12.05	17.09	04.05	19.10	5.05
<i>Oriolus oriolus</i>	24.05		11.06		
<i>Pica pica</i>	19.03	9.10	22.03		10.03
<i>Corvus cornix</i>	17.03		22.03	23.10	10.03
<i>C. frugilegus</i>	5.03–22.05		22.03–07.05	7.10	10.03
<i>C. monedula</i>	18.03–22.05		22.03–12.05	8.10	7.03
<i>Troglodytes troglodytes</i>	1.04	27.09	5.04	27.09	3.04
<i>Muscicapa striata</i>	12.05	23.09	11.05	13.09	
<i>Ficedula hypoleuca</i>	8.05	11.09	11.05	24.08	1.05
<i>F. parva</i>			14.05	7.09	
<i>Saxicola rubetra</i>	1.05			26.08	
<i>Oenanthe oenanthe</i>		10.09	17.05	4.09	1.05
<i>Phoenicurus phoenicurus</i>	16.05	11.09	15.05	18.09	3.05
<i>Ph. ochruros</i>					27.04
<i>Erithacus rubecula</i>	3.04	4.11	5.04	23.10	10.04
<i>Luscinia svecica</i>	22.05				5.05
<i>L. luscinia</i>	9.05		27.05		
<i>Turdus viscivorus</i>	24.03	6.09	3.03	14.10	23.03

Окончание таблицы

End of the Table

1	2	3	4	5	6
<i>T. philomelos</i>	30.03	19.10	4.04	31.10	9.04
<i>T. iliacus</i>	17.04	16.11	19.04	5.10	
<i>T. pilaris</i>	3.04	17.10	22.03	25.10	3.04
<i>T. merula</i>	17.03	4.10	21.03	21.10	22.03
<i>Acrocephalus scirpaceus</i>				24.08	
<i>Phylloscopus trochilus</i>	25.04		3.05	19.09	5.05
<i>Ph. collybita</i>	18.04	18.09	13.04	27.09	27.04
<i>Ph. sibilatrix</i>	19.04	11.09	11.05	27.08	
<i>Hippolais icterina</i>	26.05	19.08	30.05	18.08	
<i>Sylvia borin</i>	29.05		30.05		
<i>S. atricapilla</i>	30.04		1.05		
<i>S. communis</i>	21.05		18.05		
<i>S. curruca</i>	11.05	21.08	8.05	29.08	
<i>Prunella modularis</i>	10.04		5.04	8.10	27.04
<i>Motacilla alba</i>	1.04	21.10	4.04	15.10	3.04
<i>M. flava</i>	10.05		12.05	22.08	
<i>Anthus pratensis</i>	12.04	29.09	22.03	21.10	3.04
<i>A. trivialis</i>	22.04	21.08	30.04	27.08	
<i>Bombycilla garrulus</i>	25.04–03.05	17.09–21.10	11.04–04.05	10.10–25.10	23.03
<i>Lanius excubitor</i>				29.09	
<i>L. collurio</i>	21.05				
<i>Sturnus vulgaris</i>	21.03	29.09	22.03	13.10	10.03
<i>Emberiza citrinella</i>	21.03		22.03	26.10	16.03
<i>E. schoeniclus</i>	29.03	18.09	3.04	27.09	22.03
<i>Plectrophaenax nivalis</i> *	27.03		22.03	20.10	10.03
<i>Fringilla coelebs</i>	21.03	29.09	22.03	26.10	14.03
<i>F. montifringilla</i>	16.04	15.10	5.04	21.10	14.04
<i>Acanthis flammea</i> *	1.04	17.09	12.05	10.10	
<i>A. hornemanni</i> *		25.10			
<i>A. cannabina</i>	27.03	4.09	22.03	18.09	27.03
<i>Serinus serinus</i>	28.04		17.05		
<i>Spinus spinus</i>	17.03	29.09	23.03	23.10	11.03
<i>Carduelis carduelis</i>	27.03	29.09	22.03		22.03
<i>Chloris chloris</i>	27.03		22.03	9.10	20.03
<i>Carpodacus erythrinus</i>	18.05		11.05		
<i>Coccothraustes coccothraustes</i>			12.04		

* Прилет осенью и последнее наблюдение весной зимующих видов.

* Arrival in autumn and last observation in spring of wintering species.

пригодных для постройки гнезда. В середине мая в заливе самки уже не встречаются, самцы в это время собираются в группы до 20 особей. Гнездо кряквы с 11 яйцами было найдено на захлавленной крыше охотничьего лабаза на высоте 5,5 м 13.05. 1991 г. Промеры гнезда: диаметр гнезда – 320 x 305; диаметр лотка – 140 x 220; глу-

бина лотка – 105; высота гнезда – 183. Промеры яиц: 57,4 x 44,1; 60,6 x 43,2; 58,7 x 43,4; 59,9 x 43,5; 59,3 x 43,1; 58,0 x 43,7; 56,8 x 42,9; 59,4 x 43,0; 58,5 x 42,9; 58,7 x 40,8; 58,7 x 43,5. При осмотре гнезда 5.06. в нем было 11 уже обсохших утят.

Обыкновенная гага (*Somateria mollissima*). Гнездящийся вид. После прилета в

апреле самцы активно токуют, в середине мая самки встречаются уже редко. Выводки встречаются с конца мая по конец июля. Первые выводки были встречены 25.05.1990 г. и 28.05.1991 г. В выводках, которые водят от 2 до 4 самок, отмечено от 3 до 7 птенцов, в объединенных выводках до 17 утят. Самая поздняя встреча выводка, где птенцы были размером в половину самки, – 3.09.1991 г. За два летних сезона у п. Суурпеа учтено 11 выводков, всего 79 утят. Наблюдалась удачная охота серой вороны (*Corvus cornix*) на 1-2-дневного птенца. В начале июня многие самцы теряют брачный наряд и от самок держатся отдельно.

Хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*). Птицы постоянно встречаются в гнездовой период, как самцы, так и самки, но больше всего самцов. Вероятно, гнездящийся вид, но нами гнездование не наблюдалось.

Турпан (*Melanitta fusca*). Гнездящийся вид. Птицы держатся в заливе весь гнездовой период. Гнездо с 6 сильно насиженными яйцами найдено на о. Хара в колонии речных крачек (*Sterna hirundo*) 30.06.1991 г. Размещалось оно открыто среди камней у берега, выстелено пухом. Самка имитировала раненую птицу, пытаясь отвести человека от гнезда.

Гоголь (*Bucephala clangula*). Встречается в течении всего гнездового периода. Гнезда и выводки нами не отмечены. Число самок уступает количеству самцов.

Средний крохаль (*Mergus serrator*). Гнездящийся вид. По численности уступает большому крохалю (*M. merganser*). После прилета самцов первая самка была отмечена 22.04.1990 г. В конце апреля самцы токуют, в конце мая наблюдали спаривание. Выводки отмечены в середине июля (6.07.1990 г.), самка водила 5 птенцов недельного возраста. Поздний выводок наблюдался 25.10.1991 г., птенцы по размеру еще были немного меньше самки.

Большой крохаль. Гнездящийся вид. В начале марта птицы уже разбиты на пары. В середине апреля самки в сопровождении самцов занимаются поисками мест, пригод-

ных для гнездования, облетают, в частности, здания на побережье. Продолжаются эти поиски и в мае. Гнездо найдено на пирсе бухты Хара в будке электротрансформатора 18.05.1991 г., в нем была совместная кладка из 17 яиц. Утки заходила в будку через круглые отверстия. Выводки отмечены с середины июня (15.06.1990 г. с пятью птенцами 1-2-дневного возраста) до середины июля. В большом буге, лежащем на берегу, 12.07.1991 г. в вертикальном отверстии диаметром 50 см обнаружены 2 погибшие самки большого крохала, которые в поисках гнездовых ниш проникли в трубу и не смогли оттуда выбраться.

Осоед (*Pernis apivorus*). Вероятно, гнездящийся вид. В летние сезоны неоднократно встречали круживших над лесом птиц или пролетавших над верхушками деревьев. Вокализирующего осоеда наблюдали 12.08.1990 г.

Канюк (*Buteo buteo*). Первые местные птицы появляются в марте (1.03.1990 г., 22.03.1991 г. и 12.03.1992 г.). Гнездо пары, гнездящейся в окрестностях п. Суурпеа, было обнаружено 1.06.1991 г. Расположено оно на ели на высоте 9 м, на границе хвойного и лиственного леса. В гнезде находился 1 птенец и неоплодотворенное яйцо. Лоток выслан ветками ели и сосны. Промеры гнезда: диаметр гнезда – 1030 x 790; диаметр лотка – 195 x 270; глубина лотка – 65; высота гнезда – 440. Промеры яйца: 56,7 x 46,3. Промеры птенца 5.06: цевка – 64; хвост – 23; крыло – 119; перво-степенных маховых – 54. Птенец 17.06 еще находился в гнезде, а 30.06. оно оказалось пустым.

Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*). Вероятно, гнездится. В мае встречена птица, окрикивавшая филина (*Bubo bubo*). В июле часто отмечались попытки молодых птиц охотиться на чаек, уток и скворцов (*Sturnus vulgaris*). 29.07.1991 г. наблюдали удачную охоту молодой самки тетере-вятника на молодую серую ворону.

Ястреб-перепелятник (*A. nisus*). Вероятно, гнездящийся вид. Появление местных

птицы отмечено 28.03.1990 г., 4.04.1991 г. и 12.03.1992 г. Брачные полеты мы наблюдали в начале мая. Летом неоднократно отмечались охоты ястребов на дятлов и мелких воробьиных.

Чеглок (*Falco subbuteo*). Гнездящийся вид. Прилет местных птиц отмечен 18.04.1990 г., 5.05.1991 г. и 3.05.1992 г. После прилета птицы занимаются поисками гнезда и уже на выбранной гнездовой территории начинают активно атаковать серых ворон. Выбрав гнездо (15.05.1990 г.), сокола постоянно держатся возле него. В старом гнезде серой вороны, расположенном на вершине сосны на высоте 15 м, 3.06.1990 г. обнаружена кладка из 3 яиц. При следующем осмотре 30.06 в гнезде было 3 птенца 2-3 дневного возраста. Все они благополучно покинули гнездо 11.08 и до середины августа держались на гнездовой территории.

Рябчик (*Tetrastes bonasia*). Гнездящийся вид. Встречается повсеместно в районе исследований. Самка, отвлекающая наблюдателя от гнезда или птенцов, наблюдалась 19.05.1991 г.

Глухарь (*Tetrao urogallus*). Гнездящийся вид. Встречается редко. Все встречи отмечены в хвойных лесах, чаще попадались самцы.

Галстучник (*Charadrius hiaticula*). Вероятно, гнездится. Редко встречается на песчаных и галечных пляжах. В гнездовой период очень осторожен.

Малый зуек (*Ch. dubius*). Гнездящийся вид. Отмечен по всему обследованному участку побережья, с характерным волнением в гнездовой период сопровождает наблюдателя на гнездовой территории.

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*). Гнездящийся вид. В заливе у мыса Одакиви ежегодно держится 2 пары. На песчаном пляже там же 10.06.1991 г. найдено гнездо с 2 яйцами в прибрежной полосе. Края гнездовой ямки выложены мелкой галькой и раковинами двустворчатых моллюсков. Самка сошла с гнезда и удалялась от человека, кормясь и не привлекая к

себе внимания. При очередном шторме кладка была смыта. На о. Хара 30.06 при обследовании колонии речных крачек отмечена пара куликов, которые сильно волновались, когда человек шел по прибрежной полосе, сопровождали его.

Черныш (*Tringa ochropus*). Гнездящийся вид. На лесном болоте 13.05.1991 г. отмечено тревожное поведение кулика, что говорило о наличии гнезда. Встречен выводок с уже летающими 4 птенцами 18.07.1991 г.

Травник (*T. totanus*). Гнездящийся вид. Территориальная пара отмечена на лугах возле озера у п. Вийнисту 15.06.1990 г. Выводок держался в устье ручья с 15 по 22.07.1991 г.

Перевозчик (*Actitis hypoleucos*). Гнездящийся вид. Встречается по всему побережью исследуемого района и на озере у п. Вийнисту. В гнездовой период кулики с тревожными криками встречают людей на своих гнездовых территориях.

Бекас (*Gallinago gallinago*). Гнездящийся вид. Редкие токующие самцы встречались весной и летом на открытых заболоченных участках леса и луга у п. Вийнисту.

Вальдшнеп (*Scolopax rusticola*). Гнездящийся вид. Весной и летом в сумерках неоднократно отмечались тянущие самцы, чаще встречались на лиственных участках.

Сизая чайка (*Larus canus*). Гнездящийся вид. Местные птицы появляются в районе залива в третьей декаде марта и начинают активно токовать, к этому времени пары уже сформированы. Спаривание отмечено 25.04.1990 г. В начале второй декады мая на отдельных камнях мыса Одакиви можно видеть самок, обогревающих кладки (13.05.1990 г. и 12.05.1991 г.). Колонии сизых чаек найдены на озере у п. Вийнисту (7 пар) в бухте Хара на пирсах (6 пар) и на о-ве Хара в колонии речных крачек (3). Осмотрено 7 кладок, содержащих по 3 яйца (5 гнезд) и по 2 (2). Промеры гнезда: диаметр гнезда – 295 x 390; диаметр лотка – 165 x 190; высота гнезда – 50; глубина лотка – 56. Промеры яиц: 59,0 x 41,0; 59,1

х 39,5; 60,2 х 42,7. На мысе Одакиви ежегодно отмечалась частичная гибель гнезд во время шторма.

Серебристая чайка (*L. argentatus*). Гнездящийся вид. В середине апреля (15.04.1990 г.) на пирсах бухты Хара уже есть кладки. Там же 30.06 были крупные, но еще не летные птенцы. В это время еще попадают и кладки. Промеры гнезда и яиц, расположенных на пирсах (18.05.1991 г.): диаметр гнезда – 305; диаметр лотка – 200; глубина лотка – 53, яйца (2 кладки): 1) 71,8 х 47,8; 76,7 х 48,2; 2) 72,3 х 49,6; 65,5 х 49,2.

Морская чайка (*L. marinus*). Гнездящийся вид. Две пары ежегодно держались на мысе Одакиви, где 19.05.1990 г. на большом валуне было найдено гнездо с 3 яйцами. Промеры: диаметр гнезда – 560 х 610; диаметр лотка – 250 х 280; высота гнезда – 84; глубина лотка – 93, яйца: 79,6 х 57,0; 81,7 х 51,8; 77,9 х 53,3. 15.06. на гнездовом камне найден 4-5 дневный птенец. Другая пара успешно выкормила птенца в 1991 г. на пирсе в бухте Хара.

Озерная чайка (*L. ridibundus*). Гнездящийся вид. Первые местные птицы появляются в третьей декаде марта (21.03.1990 г., 27.03.1991 г. и 22.03.1992 г.). Вскоре выбирают гнездовые территории, на которых и держатся, но используются из них не все. В апреле и мае отмечено спаривание (25.05.1990 г. и 27.04.1991 г.). На о. Хара в колонии речных крачек отмечено гнездование 10 пар, где 30.06.1991 г. наблюдали массовое вылупление птенцов, самым старшим было до 3 дней.

Речная крачка (*Sterna hirundo*). Гнездящийся вид. Местные птицы появляются в начале мая (3.05.1990 г. и 4.05.1991 г.). На о. Хара 30.06.1991 г. нами обследована колония, в которой учтено около 18 пар крачек. Она располагалась в южной части острова, защищенном от штормов. Во время обследования найдены гнезда с кладками от 1 до 3 яиц и птенцами от однодневных до достигших половины размеров взрослых птиц. Выявлено три варианта размещения

гнезд: 1) гнезда расположенные ближе к воде, размещались в траве и были выложены зеленой травой; 2) гнезда из сухих веток и травы – подальше от воды, сразу за первым вариантом размещения на границе травы и гальки; 3) гнезда без какой-либо подстилки – на мелком щебне среди гальки (таких гнезд меньше всего). При посещении колонии 17.07 было учтено 11 птенцов, все уже почти летные, взрослых птиц было мало.

Вяхирь (*Columba palumbus*). Гнездящийся вид. В конце марта отмечен токующий самец. Встречается по всему району исследования, но не в большом количестве.

Клинтух (*C. oenas*). Возможно, гнездящийся вид. Отмечено несколько встреч птиц поздней весной и находка остатков голубя в конце апреля в поездах филина.

Сизый голубь (*C. livia*). Гнездящийся вид населенных пунктов, предпочитает здания в несколько этажей, где строит гнезда на чердаках.

Кольчатая горлица (*Streptopelia decacoto*). Возможно, гнездится. Птицы отмечены в п. Суурпеа только в весенний период, включительно по май.

Кукушка (*Cuculus canorus*). Гнездящийся вид. Встречается повсеместно в лиственных и смешанных лесах.

Филин (*Bubo bubo*). Гнездящийся вид. Первые брачные крики отмечены днем в 14⁴⁰ 5.03.1991 г. у п. Турбаньими. В это время еще лежал снег. Был встречен самец в сосновом лесу, найдены следы на снегу и перья добытой совами самки глухаря. Гнездо было найдено на земле у основания ствола молодой ели 11.05 в разреженном сосняке и содержало 3 птенцов размером со слетка ушастой совы (*Asio otus*) (Домашевский, 1994). Диаметр гнездовой ямки – 580. Промеры длины крыла у птенцов 16.05: 130; 120; 100. Длина цевки у старшего птенца составляла 73 мм. Посетив гнездо 25.05, мы наблюдали активные атаки на собаку, вторгшуюся на гнездовую территорию, а 26.05 птенцов в гнезде не оказалось. Поиски их в районе гнезда были безуспешными.

Ушастая сова. Возможно, гнездится. В гнезде филина у п. Турбаными 28.04.1991 г. найдены остатки ушастой совы.

Серая неясыть (*Strix aluco*). Возможно, гнездится. У п. Суурпеа в весенние сезоны изредка отмечались крики самца, которого удавалось подманивать имитацией голоса. В конце октября также были слышны крики самца.

Длиннохвостая неясыть (*S. uralensis*). Возможно, гнездится. Отмечены крики днем 24.04.1990 г. в смешанном лесу. У п. Суурпеа 24.04.1991 г. в 23³⁰ отмечен токовой крик самца. Добытый самец был принесен охотником 27.10.1990 г. Содержимое желудка состояло из двух полупереваренных полевков и почти сформированной погадки. Птица была очень жирная. Промеры: хвост – 270; крыло – 350; цевка – 55,5. В гнезде филина 25.05.1991 г. найдены остатки, судя по размерам перьев, самца неясыти. Длиннохвостую неясыть, отдыхающую днем на сосне у болота, наблюдали 30.10.1991 г.

Черный стриж (*Apus apus*). Гнездящийся вид. Первые птицы были отмечены 22.05.1990 г. и 1.06.1991 г. Гнездятся на чердаках зданий и в скворечниках.

Седой дятел (*Picus canus*). Гнездящийся вид. Летом 1991 г. неоднократно встречались сами птицы и отмечались их крики в лиственных лесах.

Желна (*Dryocopus martius*). Гнездящийся вид. В лесу находили нежилые дупла желны, встречали в гнездовой период взрослых птиц.

Большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*). Является самым многочисленным гнездящимся видом из дятлов.

Малый пестрый дятел (*D. minor*). Гнездящийся вид. Найдено жилое дупло на сухой вершине осины, где 17.06.1991 г. кричали птенцы. Там же они находились и 28.06.

Вертишейка (*Jynx torquilla*). Гнездящийся вид. В мае-июне часто слышны крики вокализирующих самцов.

Полевой жаворонок (*Alauda arvensis*).

Гнездящийся вид. В небольшом количестве гнездится в районе исследований, как правило, в немногочисленных здесь агроландшафтах.

Лесной жаворонок (*Lullula arborea*). Гнездящийся вид. Территориальный поющий самец отмечен за период наблюдений у п. Суурпеа 30.04.1990 г., где встречался неоднократно.

Деревенская ласточка (*Hirundo rustica*). Гнездящийся вид. Первые местные ласточки были отмечены 23.04.1990 г., 10.05.1991 г. и 1.05.1992 г. в п. Суурпеа. Во второй и третьей декадах мая занимаются строительством и ремонтом гнезд. Первые слетки наблюдались 28.06.1990 г. и 12.07.1991 г. Слетки позднего выводка, покинувшие гнездо 2.09.1991 г., держались до 13.09, несмотря на похолодания. Вечером 6 птиц сбивались плотной группой в гнезде на ночовку. Последняя ласточка на ночевке отмечена 16.09.

Городская ласточка (*Delichon urbica*). Гнездящийся вид. Местные птицы появляются в начале мая (12.05.1990 г., 12.05.1991 г. и 5.05.1992 г.). В третьей декаде мая начинается строительство и ремонт гнезд. В некоторых гнездах 14.07.1990 г. были еще кладки, самым старшим птенцам было около 2 недель. Интересен случай позднего появления городской ласточки 19.10.1991 г. у опустевшей колонии.

Иволга (*Oriolus oriolus*). Гнездящийся вид. Появляются местные птицы в конце мая-начале июня (24.05.1990 г. и 11.06.1991 г.). Отмечены в лиственных участках леса.

Сойка (*Garrulus glandarius*). Гнездящийся вид. Встречается по всей исследуемой территории.

Сорока (*Pica pica*). Гнездящийся вид. Отмечена только у населенных пунктов.

Ворон (*Corvus corax*). Гнездящийся вид. Весной и летом можно наблюдать территориальные пары, которые пытаются изгнать за пределы гнездового участка хищных птиц.

Серая ворона (*C. cornix*). Гнездящийся вид. Первая попытка поиска места для

гнезда отмечена 14.03.1990 г. Ворона с веткой в клюве старалась в развилках сосен положить стройматериал. Если птицу что-то не устраивало, она перелетала на соседнее дерево и проделывала ту же операцию. Материал для лотка птицы носили 29.03, закончили строительство 1.04. Кормили 3 слетка 25.06. Повторную кладку другой пары проверили 16.05, где было 2 ненасыщенных яйца. В гнезде, осмотренном 8.05. 1991 г., было 5 птенцов 4-5 дневного возраста, у другой пары слетки отмечены 10.06.

Кедровка (*Nucifraga caryocatactes*). Гнездящийся вид. Часто встречается, в гнездовой период слышны крики территориальных пар.

Лазоревка (*Parus caeruleus*). Гнездящийся вид, но в период размножения встречается крайне редко.

Большая синица (*P. major*). Гнездящийся вид. Встречается повсеместно. Первые птицы, строящие гнездо, отмечены 4.04.1990 г., а первые слетки наблюдались в третьей декаде мая (23.05.1990 г. и 30.05.1991 г.). В гнезде в нише кирпичной стены 29.05.1990 г. было 4 птенца 10-12 дневного возраста.

Московка (*P. ater*). Гнездящийся вид. Во время гнездования очень осторожна и скрытна. Хорошо летающие слетки отмечены 15.06.1990 г.

Пухляк (*P. montanus*). Гнездящийся вид. 11.06.1991 г. нами осмотрено гнездо в обломанном стволе тонкого листовенного дерева на высоте 68 см. Леток располагался на вершине ствола, в гнезде было 6 птенцов, которые 15.06 покинули его.

Хохлатая синица (*P. cristatus*). Гнездящийся вид. В гнездовой период в хвойных участках леса изредка встречались взрослые синицы, выводки отмечены во второй декаде июня.

Поползень (*Sitta europaea*). Гнездящийся вид. Дупло с характерно залепленным землей и суженным летком найдено на сосне 14.05.1991 г., взрослые птицы держались на гнездовой территории.

Обыкновенная пищуха (*Certhia familiaris*). Гнездящийся вид. Весной встречаются поющие самцы, во время гнездования отмечались только взрослые особи.

Крапивник (*Troglodytes troglodytes*). Гнездящийся вид. Широко распространен, весной и летом в захламленных участках поющие самцы встречаются на маршрутах постоянно.

Серая мухоловка (*Muscicapa striata*). Гнездящийся вид. В основном встречается в населенных пунктах. Начало кладки отмечено 1.06.1990 г. На повторной кладке, после удачного вылета птенцов, самка обнаружена 17.07 в старом гнезде. Два слетка отмечены 3.06.1990 г. Всего осмотрено 4 гнезда.

Мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*). Гнездящийся вид. Появление местных птиц отмечено в первой декаде мая. Выводок наблюдали 2.07.1990 г.

Луговой чекан (*Saxicola rubetra*). Гнездящийся вид. Одну гнездовую пару наблюдали 15.06.1990 г. на лугу у п. Вийнисту.

Горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus*). Гнездящийся вид. Гнездо с 7 птенцами 5-6 дневного возраста, расположенное в электрощитке, осмотрено 20.06.1990 г. В другом гнезде, размещенном в недействующей водосточной трубе, птенцы покинули гнездо 10.07.

Горихвостка-чернушка (*Ph. ochruros*). Возможно, гнездящийся вид. 27.04.1992 г. в п. Суурпеа отмечен поющий самец.

Зарянка (*Erithacus rubecula*). Гнездящийся вид. Встречается повсеместно.

Обыкновенный соловей (*Luscinia luscinia*). Гнездящийся вид. На исследуемой территории отмечено всего несколько поющих самцов.

Певчий дрозд (*Turdus philomelos*). Гнездящийся вид. Первые местные самцы, о чем можно судить по пению птиц, появились 18.04.1990 г., 6.04.1991 г. и 13.04.1992 г. Встречается повсеместно.

Черный дрозд (*T. merula*). Гнездящийся вид. Поющие местные самцы отмечены 19.03.1990 г., 21.03.1991 г. и 22.03.1992 г.

В гнезде, найденном на ели на высоте 2,5 м, 20.05.1990 г. было 3 птенца 8-9 дневного возраста и неоплодотворенное яйцо. Плохо летающие слетки отмечены 1.06.1991 г.

Пеночка-весничка (*Phylloscopus trochilus*). Гнездящийся вид. Птица, строящая гнездо, наблюдалась 1.06.1990 г., 10.06. в нем было 4 яйца. Всего кладка содержала 6 яиц. Их промеры: 15,6 x 11,5; 16,3 x 12,2; 15,6 x 11,7; 15,8 x 12,1; 15,8 x 11,8; 15,7 x 11,8. Ширина гнездовой камеры – 54 мм. Во втором гнезде, осмотренном 30.06.1991 г., было 6 птенцов 6-7 дневного возраста.

Пеночка-теньковка (*Ph. collybita*). Гнездящийся вид. Встречается повсеместно в лиственных и смешанных лесах.

Пеночка-трещотка (*Ph. sibilatrix*). Гнездящийся вид. Встречается в лиственных и смешанных лесах.

Пересмешка (*Hippolais icterina*). Гнездящийся вид лиственных разреженных лесов.

Дроздовидная камышевка (*Acrocephalus arundinaceus*). Гнездящийся вид тростниковых зарослей залива м. Одакиви и п. Вийнисту.

Тростниковая камышевка (*A. scirpaceus*). Гнездящийся вид тростниковых зарослей у м. Одакиви.

Садовая славка (*Sylvia borin*). Гнездящийся вид. Отмечена повсеместно, кроме хвойных лесов.

Черноголовая славка (*S. atricapilla*). Гнездящийся вид лиственных и смешанных лесов.

Серая славка (*S. communis*). Гнездящийся вид. 18.07.1991 г. наблюдали пару, кормившую птенцов.

Славка-завирушка (*S. curruca*). Гнездящийся вид. Предпочтение отдает открытой местности с зарослями молодых елей. Птицы, строящие гнездо на ели на высоте 1 м, наблюдались 11.06.1991 г. В другом гнезде 17.06. самка насиживала кладку из 6 яиц, которая при осмотре 28.06 оказалась разоренной. Промеры гнезда: диаметр гнезда – 83, диаметр лотка – 60, глубина

лотка – 38, высота гнезда – 46. Промеры яиц: 17,0 x 13,0; 16,7 x 13,0; 16,4 x 12,9; 16,5 x 13,0; 16,5 x 13,3; 16,3 x 13,0.

Желтоголовый королек (*Regulus regulus*). Гнездящийся вид. Выводок, активно подкармливаемый родителями, отмечен 10.06.1990 г.

Лесная завирушка (*Prunella modularis*). Гнездящийся вид. Первые поющие самцы отмечены 13.04.1991 г. и 27.04.1992 г. В гнездовой период встречается крайне редко.

Белая трясогузка (*Motacilla alba*). Гнездящийся вид. Первые местные самцы наблюдались 3.04.1990 г. и 5.04.1991 г. Строящая гнездо птица отмечена 24.04.1990 г. Громко кричащие птенцы в гнезде под крышей здания обнаружены 31.05. Слетки отмечены 6.06, из повторной кладки – 16.07.

Желтая трясогузка (*M. flava*). Гнездящийся вид. Территориальная пара отмечена на берегу озера у п. Вийнисту.

Лесной конек (*Anthus trivialis*). Гнездящийся вид. Первый местный поющий самец отмечен 25.04.1990 г. Встречается повсеместно в светлых и разреженных участках леса. В гнезде, найденном 17.06.1991 г., было 4 птенца 3-дневного возраста и яйцо.

Луговой конек (*A. pratensis*). Гнездящийся вид. Гнездовая пара отмечена на лугу у п. Вийнисту.

Жулан (*Lanius collurio*). Гнездящийся вид. Территориальная пара отмечена 15.06.1990 г. у п. Пяреспеа.

Обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*). Гнездящийся вид. Встречается у населенных пунктов, где гнездится в искусственных гнездовьях. Выводки встречаются в первой декаде июня.

Обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*). Гнездящийся вид. Встречается на открытых участках.

Камышевая овсянка (*E. schoeniclus*). Гнездящийся вид. В гнездовой период встречается местами у тростниковых зарослей по побережью залива.

Домовый воробей (*Passer domesticus*). Гнездящийся вид населенных пунктов.

Полевой воробей (*P. montanus*). Гнездящийся вид населенных пунктов.

Зяблик (*Fringilla coelebs*). Гнездящийся вид. Первые местные поющие самцы отмечены 21.03.1990 г., 2.04.1991 г. и 3.04.1992 г. Спаривание наблюдали 6.05.1990 г. Первый слеток отмечен 27.05.1990 г. Осмотрено 2 гнезда.

Коноплянка (*Acanthis cannabina*). Гнездящийся вид. Встречается у населенных пунктов.

Канаречный вьюрок (*Serinus serinus*). Гнездящийся вид. Две пары ежегодно держались в п. Суурпеа.

Чиж (*Spinus spinus*). Гнездящийся вид. Выводки встречаются в первой декаде июня; отлавливаемые паутинной сетью самки имели наседные пятна.

Щегол (*Carduelis carduelis*). Гнездящийся вид. Местные птицы появляются в первой декаде апреля. Хорошо летающие выводки встречаются во второй декаде июня.

Зеленушка (*Chloris chloris*). Гнездящийся вид. Весной первое пение отмечено 20.04.1990 г. и 4.04.1991 г.

Клест-еловик (*Loxia curvirostra*). Гнездящийся вид. В марте 1990 г. мы постоянно отмечали группы молодых птиц, объединившихся в небольшие стаи. Пара со строительным материалом для гнезда отмечена 24.04.1990 г. Из другой пары самка в сопровождении самца собирала строительный материал 5.05.1990 г., гнездо строили на вершине ели на высоте 10 м. Гнездование было неудачным.

Обыкновенная чечевича (*Carpodacus erythrinus*). Гнездящийся вид. Поющие самцы отмечены во второй декаде мая. Гнездо с крупным птенцом и неоплодотворенным яйцом найдено в живой изгороди на высоте 2 м 11.07.1990 г. В этот день птенец покинул гнездо. В молодом ельнике на поляне 8.06.1991 г. найдено 2 свежих гнезда. В каждом гнезде 17.06 было по 5 яиц. При осмотре гнезда 3.07 птенцы были оперены еще слабо, родители при всех посещениях активно защищали выводок и от-

влекали наблюдателя. Промеры гнезда: диаметр гнезда – 83, диаметр лотка – 63, глубина лотка – 48, высота гнезда – 57. Промеры яиц: 20,0 x 14,4; 20,0 x 14,5; 20,5 x 14,7; 20,0 x 14,3; 20,1 x 14,8.

Дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*). Гнездящийся вид. За период наблюдений 3 встречи в гнездовой период.

Виды птиц, отмеченные в зимний период

Лебедь-шипун. Обычный зимующий вид на акватории залива. Сложная ситуация для зимовки лебедей возникла во время похолодания и нагона льда в залив в феврале 1991 г. Образовавшаяся полынья находилась далеко от берега, где лебеди из-за недоступности дна не могли добывать себе корм. Тогда в скоплении было отмечено максимальное число птиц – 158. Отмечена гибель молодой особи от истощения. Птица была обезглавлена и подтянута лисцей к береговой черте.

Лебедь-кликун. Редкий зимующий вид. Птицы встречаются ежегодно до 7 особей в группе.

Кряква. Обычный зимующий вид на акватории залива. У п. Суурпеа утки постоянно кормятся на очистных сооружениях.

Обыкновенная гага. Отмечена зимовка только одной самки в 1990-1991 гг.

Хохлатая чернеть. Редкий зимующий вид. В зимний период отмечена только в 1990 г.

Морянка (*Clangula hyemalis*). Многочисленный зимующий вид на акватории залива.

Гоголь. Обычный зимующий вид на акватории залива.

Средний крохаль. Зимовка подтверждена единственной встречей двух самцов и самки 21.01.1991 г.

Большой крохаль. Обычный зимующий вид на акватории залива. У п. Суурпеа максимальная численность птиц отмечена 21.02.1991 г. – 37 особей.

Беркут (*Aquila chrysaetos*). Единственная встреча двух молодых особей, кружив-

ших вместе на небольшой высоте над полуостровом, отмечена 2.03.1991 г.

Ястреб-тетеревятник. Редкий зимующий вид. Встречаются особи, охотящиеся в поселке на сизых голубей и редко на крякв.

Ястреб-перепелятник. Редкий зимующий вид. Единственная встреча – 14.12.1990 г.

Рябчик. Немногочисленный оседлый вид. Встречается повсеместно.

Глухарь. Редкий оседлый вид. Следы чаще находили на снегу в хвойных участках леса.

Сизая чайка. Единственная встреча 6.12.1991 г.

Серебристая чайка. Обычный зимующий вид в районе залива.

Морская чайка. Обычный зимующий вид в районе залива. По численности уступает серебристой чайке.

Озерная чайка. Дважды встречались одиночные птицы – 9.01 и 20.02.1992 г.

Сизый голубь. Оседлый вид населенных пунктов.

Филин. Редкий оседлый вид. Первая встреча с местной парой была зарегистрирована 5.03.1991 г.

Полярная сова (*Nyctea scandiaca*). Редкий зимующий вид. Охотник у п. Вийнисту на поле наблюдал одну особь 18.02.1992 г. Нами 19.02 в этом районе сова уже не отмечена.

Длиннохвостая неясыть. Зимующий вид, о чем свидетельствует встреча совы на дневке 30.10.1991 г.

Большой пестрый дятел. Немногочисленный зимующий вид.

Желна. Редкий зимующий вид, встречающийся ежегодно на территории полуострова.

Сойка. Немногочисленный зимующий вид.

Сорока. Редкий зимующий вид населенных пунктов.

Ворон. Обычный зимующий вид.

Серая ворона. Немногочисленный зимующий вид населенных пунктов и их окрестностей.

Кедровка. Немногочисленный зимующий вид. Встречается чаще сойки.

Большая синица. Немногочисленный зимующий вид населенных пунктов.

Московка. Немногочисленный зимующий вид парка.

Гаичка (*Parus palustris*). Немногочисленный зимующий вид парка.

Пухляк. Немногочисленный зимующий вид парка.

Хохлатая синица. Немногочисленный зимующий вид парка.

Ополовник (*Aegithalos caudatus*). Редкий зимующий вид.

Поползень. Немногочисленный зимующий вид.

Обыкновенная пищуха. Немногочисленный зимующий вид.

Черный дрозд. Две встречи самца на территории поселка 6.12 и 15.12.1991 г.

Желтоголовый королек. Обычный зимующий вид.

Домовый воробей. Немногочисленный зимующий вид населенных пунктов.

Полевой воробей. Немногочисленный зимующий вид населенных пунктов.

Зяблик. Единственная встреча в поселке одной особи 15.12.1991 г.

Чиж. Редкий зимующий вид.

Щегол. Редкий зимующий вид. Две встречи 15.02.1991 г. и 19.02.1992 г.

Клест-еловик. Обычный зимующий вид в зимний период 1989-1990 гг. В остальные сезоны отнесен к категории редких зимующих видов.

Снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*). Редкий зимующий вид.

ЛИТЕРАТУРА

Домашевский С. В. (1994): О гнездовании и некоторых элементах поведения филина в Лахемааском национальном парке. - Беркут. 3 (1): 54.

С.В. Домашевский,
ул. Жукова, 22, кв. 42.
02166, г. Киев,
Украина (Ukraine).

BIRDS OBSERVED DURING THE TRIP THROUGH WEST GERMANY, BELGIUM AND ENGLAND (JUNE 16th – 26th, 1987)

D.N. Nankinov

Abstract. Data were collected during the journey of group of Bulgarian ornithologists. Total 118 bird species were observed. Short information about each species is presented. Synanthropization of some species in Bulgaria and England is quite different. A very high degree of synanthropization of some birds was seen in towns. A checklist of birds and mammals killed by the cars on the roads of England is given.

Key words: fauna, birds, West Europe, synanthropization, birds and mammals killed by cars

Address: D.N. Nankinov, Institute of Zoology BAS, Boul. Tzar Osvoboditel 1, Sofia 1000, Bulgaria.

Птицы, наблюдавшиеся во время поездки через Западную Германию, Бельгию и Англию (16 - 26 июня 1987 года). - Д.Н. Нанкинов. - Беркут. 10 (1). 2001. - В связи с договоренностью между Британско – Болгарским обществом (Лондон) и Комитетом культуры Болгарии в 1987 г. был осуществлен обмен специалистами по изучению птиц и охране природы между Великобританией и Болгарией. С 20 по 30.05 британские коллеги были в Болгарии, а с 16 по 26.06 – болгарские орнитологи посетили Англию. Настоящие сведения о птицах являются результатом наблюдений и записей, которые вел руководитель болгарской группы (Д.Н. Нанкинов) при поездке через территорию Западной Германии, Бельгии и Англии. Всего отмечено 118 видов птиц. Интерес представляют наблюдения за гнездящимися морскими птицами на птичьем базаре Бемптон-Клиф, редкая встреча *Hipolais icterina* в заповеднике Минсмер и т. д. Существует большая разница в степени синантропизации ряда видов птиц, обитающих в Болгарии и Англии, как например: *Turdus merula*, *T. philomelos*, *Anas platyrhynchos*, *Columba palumbus*, *Fulica atra*, *Gallinula chloropus*, *Riparia riparia* и др. Очень много птиц и зверей погибают на дорогах Англии.

1. Introduction

Following the agreement between the British – Bulgarian Friendship Society (London) and the Committee for Culture (Sofia) a group of Bulgarian ornithologists (D. Nankinov – leader, S. Simeonov, Z. Boev, T. Petrov, L. Profirov, D. Peshev, S. Gavrilov, S. Nonev) visited Great Britain from the 16th to the 26th of June 1987. At the invitation of colleagues from the Royal Society for the Protection of Birds returning their visit to Bulgaria from the 20th to the 30th of May 1987.

The following birds were observed or checked by the Leader of the Bulgarian group during the journey from the 17th of June in the region of Düsseldorf in West Germany, the 25 of June in the evening in Aachen, on the border between Belgium and West Germany according to R. Howard R. & A. Moore (1980).

Mr. Bob Scott, Senior Reserves Manager, RSBP and Mr. Jeremy Sorensen, Senior Warden, RSBP, Ministere as well as RSBP members and officers Ann Scott, Eileen and Brian

Righton, Dusty Becker and Mark Hollingworth, Maurice Waterhouse, Hilary and Geoff Welch and other members of the British – Bulgarian Friendship Society, Prof. Edward Sheldard, Ms. Ita Pertont, Ms. Galja Browning and Ms. Maria Tsaneva-Skipp. All helped in making the visit a success. We are extremely grateful to all of them.

2. Itinerary

June 16: Sofia – Burgas (by train, 6¹⁵ – 12¹⁵), Burgas – Berlin Schönefeld (by plane, 16⁰⁰ – 17³⁰), Berlin Friedrichstraße (22⁵²) – West Berlin – Potsdam Brandenburg.

June 17: Magdeburg – Helmstedt (1⁵⁹); Helmstedt – Braunschweig (2³¹) – Hannover (3¹¹) – Hamm (5¹⁵) – Dortmund (5³⁶) – Bochum (5⁵⁶) – Essen (6¹²) – Düsseldorf (6⁴⁸) – Köln (7¹⁷) – Aachen (8¹⁷); Aachen (9¹⁵) – Liege (5⁵⁹) – Bruxelles (11⁰⁹) – Oostende (12³², by train). The Maria Esmeralda ferry from Oostende (14⁰⁵) – Dover (17³⁰) – Dover (18¹⁰) – Folkestone – Ashford – Tonbridge – Sevenoaks – London Victoria Station (19²⁰). By coach from London, Victoria Station – Sandy. The group spent the night staying with RSBP members from Little Gransden, Cambridge, Witlesey.

June 18: the party assembled again at Sandy, King's College, the University Centre, University, Botanical Gardens were also visited. Back to Sandy (15³⁰). Various mem-

bers of the Bulgarian party visited different reserves on June 19th and 20th. Minsneere Nature Reserve (D. Nankinov, D. Peshev, L. Profirov); Coombes Valley et Peak District National Park (S. Simeonov, Z. Boev); Halvergate Marshes (Z. Petrov, S. Nonev). Sandy (15⁵⁰) – Minsmere Nature Reserve (17⁵⁰, by car).

June 19: Minsmere Nature Reserve.

June 20: Minsmere Nature Reserve. Visit by car. Minsmere (14⁰⁰) to Sandy (16³⁰). Group assembled at Sandy.

June 21: by coach to Sandy (8⁴⁵) – Grantham (10⁰⁰) – Bridlington (12³⁰) – Bempton Cliff Nature Reserve (12⁴⁰). Visit to the reserve. Back to Bempton (15⁴⁵) – Sandy (20¹⁰).

June 22: Sandy (9¹⁵) – Wareslay – Brandon – Munford – Sioffham – South Creak – Burnham Market – Brankaster – Titchwell Marsh Reserve (12⁰⁰). Visit to the reserve. Back to Titchwell (15⁰⁰) – Hingsthanthor – Sethyey – Ely (16¹⁵ – 17³⁰) – visit to Ely Cathedral – Sthretam – Sandy (18³⁰).

June 23: Sandy (10¹⁵) – London King's Cross Station (11⁰⁰). Visit to the British Museum, sightseeing in London. Back to Sandy from King's Cross Station (18³⁰).

June 24: Visit to London Zoo Sandy (10¹⁵) – London King's Cross Station (11⁰⁰). Visit to London. Return King's Cross Station (18³⁰) – Sandy (19¹⁵).

June 25: By minibus from Sandy (5⁰⁵) to London Victoria Station (6¹⁵). Departure – Victoria Station (9¹⁵) – Dover (10⁴⁰) – Channel crossing to Oostende (15⁰⁰) – by train from Oostende (17¹⁵) – Bruxelles – Liege – Aachen (20⁴⁵).

June 26: Train voyage via Germany: Aachen (21⁵⁸) – Köln – Düsseldorf – Essen – Bochum – Dortmund – Hamm – Hannover – Braunschweig – Helmstedt; Helmstedt – Magdeburg – Brandenburg – Potsdam – West Berlin – Berlin Friedrichstraße (7³⁶). Flight Berlin Schönefeld (14⁰⁵) – Sofia (18⁰⁵).

3. Observations of birds

Little Grebe, *Tachybaptus ruficollis*: River Trent, 4 on 21st.

Great Crested Grebe, *Podiceps cristatus*: Minsmere Nature Reserve 1 on 19th, River Trent 20 on 21st.

Fulmar, *Fulmarus glacialis*: Bempton Cliffs Nature Reserve 21st. Breeding colony numbering c.800 pairs.

Gannet, *Morus bassanus*: Oostende – Dover 1 imm and 3 d on 17th. Bempton Cliffs Nature Reserve 21st Breeding colony at Bempton Cliffs numbering c. 600 pairs.

Cormorant, *Phalacrocorax carbo*: London, River Thames to Chelsea bridge one on 17th. Minsmere Reserve 2 on 19th. Bempton Cliffs one on 21st.

Shag, *Ph. aristotelis*: Bempton Cliffs 5 on 21st. Breeding colony at Bempton Cliffs Reserve numbering c. 20 pairs.

Bittern, *Botaurus stellaris*: Titchwell Nature Reserve one on 22nd.

Grey Heron, *Ardea cinerea*: Belgium to Gant one on 17th. Sandy to RSPB one 20th. Titchwell one on 22nd.

Mute Swan, *Cygnus olor*: Minsmere Reserve one on 18th; 8ad and 3juv. on 19th. 22nd: Sandy-Titchwell – 3; Titchwell Reserve – 2; to Ely – 3.

Black Swan, *C. atratus*: Minsmere Reserve one on 18th.

Greyleg Goose, *Anser anser*: Minsmere Reserve 18th: 11ad + 3 juv. 19th: 2ad + 5 juv; 2ad + 6juv and 10ad. Titchwell Reserve 10 on 22nd.

Bar-headed Goose, *A. indicus*: Titchwell Reserve 2 on 22nd.

Canada Goose, *Branta canadensis*: Minsmere Reserve 18th: 5ad + 5 juv; 19th: 16 + 60 + 15 ad; 2ad + 2 sad + 5 juv; 22nd: Sandy – Titchwell – 6 ad; Titchwell Reserve – 82 ad.

Barnacle Goose, *B. leucopsis*: Minsmere Reserve 2 sad (19th; 20th)

Shelduck, *Tadorna tadorna*: Minsmere Reserve adult and young birds observed (18th; 19th). Nesting in a rabbit hole; rabbits are numerous in the region. 11 in a flight towards the sea. Titchwell Reserve 5 on 22nd

Wigeon, *Anas penelope*: Minsmere Reserve 3 on 19th.

Gadwall, *A. strepera*: Minsmere Reserve 40 on 19th and 20th. Titchwell Reserve 4 on 22nd.

Teal, *A. crecca*: Minsmere Reserve ad + 6 juv. and 2 ad. on 19th.

Mallard, *A. platyrhynchos*: Belgium to Bruxelles 11 and to Brue one on 17th. Cambridge (18th) nesting on the grass in the parks of the town. Level of synanthropization – exclusively high. Nesting bird in the cut grass in the court of the King's College. To Yorkford 3 on 18th. Minsmere Reserve (19th, 20th) observed 20 ad and juv. Ad. moult. River Trent 30 on 21st. Sandy – Titchwell 2 on 22nd. Titchwell Reserve 100 on 22nd – moult.

Shoveler, *A. clypeata*: Minsmere Reserve observed 5 ad (19th, 20th) – moult. Titchwell Reserve 5 on 22nd.

Pochard, *Aythya ferina*: Minsmere Reserve one male on 19th.

Tufted Duck, *A. fuligula*: Sandy – Titchwell 3 and Titchwell Reserve 6 pairs on 22nd.

Scaup, *A. marila*: Titchwell Reserve 2 on 22nd.

Marsh Harrier, *Circus aeruginosus*: Minsmere Reserve one pair (19th, 20th) Titchwell Reserve one pair on 22nd.

Sparrowhawk, *Accipiter nisus*: Minsmere Reserve one on 20th.

Buzzard, *Buteo buteo*: To Ashford one on 17th.

Kestrel, *Falco tinnunculus*: Sandy – Minsmere 2 on 18th. Minsmere Reserve one on 19th and 20th. Minsmere – Sandy 4 (20th). Sandy – Grantham 6, Grantham – Bridlington – 2, Bridlington – Bempton – one on 21st. Sandy – Titchwell – 6, to Ely one on 22nd. Over Sandy Station one on 24th.

Hobby, *F. subbuteo*: Grantham – Bridlington one on 21st.

Red-legged Partridge, *Alectoris rufa*: To Minsmere Reserve one pair on 18th. Bempton Cliffs Nature Reserve in field one pair on 21st. Sandy – Titchwell one and to Ely one on 22nd.

Grey Partridge, *Perdix perdix*: Sandy – Cambridge 3 on 18th.

Pheasant, *Phasianus colchicus*: Minsmere Reserve (18th – 20th) observed about 5 families (ad. and juv.). Sandy – Grantham one female and Grantham – Bridlington one female on 21st. Sandy – Titchwell – 9 and Titchwell – Ely 2 on 22nd.

Moorhen, *Gallinula chloropus*: Cambridge (18th). Nesting in ponds in the parks. Ad and juv walking among the people – exclusively high level of synanthropization. Minsmere Reserve (18th – 20th) observed about 3 families (ad and juv.). Minsmere – Sandy 4 and Sandy to RSPB one on 20th. Titchwell Reserve one on 22nd.

Coot, *Fulica atra*: Minsmere Reserve (19th, 20th) observed 4 families (ad and juv). River Trent 60 on 21st. Sandy – Titchwell one and Titchwell Reserve 2 families (ad and juv) on 22nd.

Oystercatcher, *Haematopus ostralegus*:

Minsmere Reserve 3+1 on 19th and one couple on 20th. Titchwell Reserve 5 pairs on 22nd.

Avocet, *Recurvirostra avosetta*: Minsmere Reserve (18th – 20th) about fifty pairs. Some juv were at the size of the ad. birds, 6 pairs were still nesting. Titchwell Reserve 2 pairs on 22nd.

Lapwing, *Vanellus vanellus*: Belgium to Bruxelles 2 pairs and Brüge – Oostende 2 pairs on 17th. Minsmere Reserve (18th – 20th) 3 pairs – the juv as the ad. birds. To River Trent 2 on 21st. Sandy – Titchwell – flock of 29 individuals on 21st. Belgium (25th) Oostende – Aachen 5 pairs.

Ringed Plover, *Charadrius hiaticula*: Minsmere Reserve (18th – 20th) one pair and one pair to North Sea coast.

Black-tailed Godwit, *Limosa limosa*: Minsmere Reserve 3 on 19th.

Redshank, *Tringa totanus*: Minsmere Reserve one on 19th and 20th, Titchwell reserve one on 22nd.

Wood Sandpiper, *T. glareola*: Minsmere Reserve one on 19th.

Turnstone, *Arenaria interpres*: Titchwell Reserve one on 22nd.

Woodcock, *Scolopax rusticola*: Sandy (RSPB) one on 17th.

Dunlin, *Calidris alpina*: Minsmere Reserve observed about 10 specimens on 19th.

Common Gull, *Larus canus*: Minsmere Reserve 3 on 19th and 20th.

Herring Gull, *L. argentatus*: Belgium, port Oostende 2 on 17th. England, port Dover 40 and Dover – Folkestone 10 on 17th. Minsmere Reserve observed about 20 individuals on 18th – 20th. 21st: Bridlington 10, Bempton 5, Bempton Cliffs Nature Reserve in field 20 specimens. Breeding colony at Bempton Cliffs numbering c. 1000 pairs.

Lesser Black-backed Gull, *L. fuscus*: Belgium, port Oostende 3 on 17th. Oostende – Dover 4 on 17th. To Yoksford 1 on 18th. Minsmere Reserve 10 on 18th, 30 on 19th and 20th.

Great Black-backed Gull, *L. marinus*: Belgium, port Oostende, one on 17th. Oost-

ende – Dover 2 on 17th. Minsmere Reserve one on 19th.

Black-headed Gull, *L. ridibundus*: The West Germany (17th) to Dortmund breeding colony c. 100 individuals. Belgium, Bruxelles – Gent 3 and port Oostende 4 on 17th. Oostende – Dover 30 on 17th. Minsmere Reserve (19th, 20th) observed breeding colony from 5 pairs. Sandy – Grantham 20 and River Trent 7 on 21st. 22nd: Sandy – Titchwell 21 individuals; Titchwell Reserve observed breeding colony from 60 pairs having hatched chicks; To Ely 22 specimens. Belgium Oostende – Aachen, 9 on 25th.

Kittiwake, *Rissa tridactyla*: Oostende - Dover – 1+3 and port Dover – 60 on 17th. Breeding colony at Bempton Cliffs Nature Reserve numbering c. 64 000 pairs – the most numerous bird on the cliffs. In the nests there were young birds (21st).

Common Tern, *Sterna hirundo*: Minsmere Reserve (18th – 20th) breeding several pairs.

Little Tern, *S. albifrons*: Minsmere Reserve 2 on 20th. Titchwell Reserve observed breeding colony on 22nd.

Sandwich Tern, *Thalasseus sandvicensis*: Minsmere Reserve 10 on 19th.

Razorbill, *Alca torda*: Breeding colony at Bempton Cliffs Nature Reserve numbering c. 4000 pairs. Razorbills pairs breeding largely on surround cliffs (21st).

Guillemot, *Uria aalge*: Breeding colony at Bempton Cliffs numbering c. 13 000 specimens. Observed about 20 specimens with a white ring round the eyes and a white part drawn back (21st).

Puffin, *Fratercula arctica*: Breeding colony at Bempton Cliffs numbering c. 2000 specimens. Most of them nesting in the foundation of the cliffs (21st).

Rock Dove and Feral Pigeon, *Columba livia*: The West Germany (17th): Dortmund – Essen 50, Düsseldorf – Köln 19, Köln – Aachen, 15. Belgium (17th): Liege – Bruxelles 12, to Alter – 3. England: Sandy 2, Cambridge observed about 10 pairs and Sandy – Minsmere 3 on 18th. Sandy – Grantham 7,

Grantham – Bridlington 18 and Bempton Cliffs Nature reserve breeding on Cliffs (21st). Swoffham 35 and Ely 84 on 22nd. Observed in London (23rd, 24th), Sandy – London 81 and London – Dover 50 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen 223 individuals.

Woodpigeon, *Columba palumbus*: West Germany (17th): Düsseldorf Station – 3, Düsseldorf – Köln 13 and Köln – Aachen 4 individuals. Belgium (17th): Liege – Bruxelles 18, Gent – Ostkamp 4 and in Brügge – 2 specimens. Dover – London 70 on 17th. 18th: Little Gransden bred 3 pairs, Porton – 4 specimens, Sandy – 6 specimens, in Cambridge about 40 breeding pairs, Sandy – Minsmere observed 90 specimens. In Minsmere Reserve (18th – 20th) bred, observed about 30 individuals. Sandy – Grantham 53, Grantham – Bridlington – 54 and to Bempton – 8 on 21st. Sandy – Titchwell 57 (5 specimens, observed at Titchwell, and Titchwell – Ely – Sandy 89 specimens on 22nd). Observed in London (23rd, 24th). Sandy – London 33 and London – Dover 10 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen 24 specimens.

Turtle Dove, *Streptopelia turtur*: Dover – London on 17th. Sandy – Cambridge 1 and Sandy – Minsmere 1 on 18th. Minsmere – Sandy 6 on 20th. Sandy – Grantham 2 and Grantham – Bridlington 2 on 21st. Sandy – Titchwell 6 and Titchwell – Ely – Sandy 3 on 22nd. Sandy – London one and London – Dover 6 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen 3 specimens.

Collared Dove, *S. decaocto*: Belgium (17th), Liege 2 and Varem 5 specimens. Dover – London 2 on 17th. Cambridge one and Sandy – Minsmere 19 on 18th. Sandy – Grantham 3 and Grantham – Bridlington 24 on 21st Sandy – Titchwell 7 and Titchwell – Ely – Sandy 22 on 22nd Sandy – London one and London – Dover 2 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen 4 individuals observed.

Cuckoo, *Cuculus canorus*: Minsmere Reserve (18th - 20th) 1-2 birds observed.

Swift, *Apus apus*: The West Germany (17th): Breeding colony in Essen about 50 in-

dividuals, in Düsseldorf Station 20 and Köln 75 specimens. Belgium (17th) in Brügge 2 specimens. Little Gransden – Sandy 10 specimens, about 100 breeding pairs at Cambridge and Sandy – Minsmere observed 242 specimens on 18th. Minsmere Reserve (18th – 20th) about 10 specimens observed. Minsmere – Sandy 220 on 20th. Sandy – Grantham 8 and Grantham – Bridlington 16 on 21st. Sandy – Titchwell 72, Titchwell Reserve over the water and the buildings about 300 birds were feeding and Titchwell – Ely – Sandy 125 specimens on 22nd. In Sandy breeding colony from 30 pairs and in London Gred (23rd, 24th), Sandy – London 11 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen 85 specimens observed.

Lesser Spotted Woodpecker, *Picoides minor*: Minsmere Reserve observed one specimen on 18th.

Green Woodpecker, *Picus viridis*: Minsmere Reserve (19th, 20th) heard the mating call of 2-3 male birds.

Woodlark, *Lullula arborea*: Sandy – Cambridge heard the call of one bird on 18th.

Skylark, *Alauda arvensis*: observed several singing males Belgium (17th) to Bruxelles one and 3 specimens to Brugge Sandy – Cambridge one on 18th. Minsmere – Sandy one on 20th. Grantham – Bridlington 2, Bridlington – Bempton 2 and in Bempton Cliffs Nature Reserve one on 21st. Sandy – Titchwell 4 and in Titchwell Reserve 5 on 22nd.

Sand Martin, *Riparia riparia*: About 20 observed at Cambridge on 18th. Breeding colony at Minsmere Reserve (18th – 20th) numbering c. 50 pairs and second colony numbering 5 pairs. The young were on the edge of the nests and probably they would soon leave them.

Swallow, *Hirundo rustica*: 7 seen at Sandy, 30 breeding pairs at Cambridge, 15 Sandy – Minsmere on 18th. About 10 breeding pairs on a house at Minsmere 18-20th. Sandy – Grantham 5, Grantham – Bridlington 24 (one pair bred under bridge) and Bempton Cliffs observed several specimens on 21st. Sandy – Titchwell 35 (one pair seen under bridge) and

Titchwell – Ely – Sandy 15 specimens on 22nd. In London (23rd, 24th) several individuals observed. Sandy – London 5 on 25th. Belgium (25th). Oostende – Aachen 27 specimens observed.

House Martin, *Delichon urbica*: Belgium (17th) in Landen observed about 30 pairs. Dover – London 4 on 17th. About 30 pairs seen at Cambridge and 17 at Sandy – Minsmere on 18th June. Grantham – Bridlington 36 and Bridlington – Bempton 20 on 21st. Sandy – Titchwell 63, Titchwell Reserve above the buildings and water were flying over 100 birds and Titchwell – Ely – Sandy 45 on 22nd. In London (23rd, 24th) several specimens were observed. Belgium (25th) Oostende – Aachen 13 specimens.

Yellow Wagtail, *Motacilla flava*: Minsmere Reserve one on 20th. To Bridlington 2 on 21st.

Pied Wagtail, *M. alba*: To Cambridge, one on 18th. Minsmere Reserve (18th-20th) 4 specimens.

Meadow Pipit, *Anthus pratensis*: Seen singing males. Minsmere Reserve 2 on 20th. Bempton Cliffs Natural Reserve one on 21st.

Red-backed Shrike, *Lanius collurio*: To Ely, one on 22nd.

Wren, *Troglodytes troglodytes*: Minsmere Reserve (19th, 20th) over 10 singing males. 2 nests found: one seen on the roof of a shelter (h. – 2,5 m) and the other in the hedge (h. – 1,5 m). Grantham – Bridlington 1 singing male on 21st Sandy – Titchwell 6 singing males on 22nd.

Dunnoek, *Prunella modularis*: Cambridge University Botanical Garden, 2 singing males on 18th. Minsmere Reserve (18th – 20th). About 10 singing males at Bempton Cliffs Nature Reserve. One seen on 21st. 3 Sandy – Titchwell on 22nd.

Robin, *Erithacus rubecula*: In Cambridge 5 observed and to Badingham one on 18th. Minsmere Reserve (18th-20th) the song of several specimens heard.

Nightingale, *Luscinia megarhynchos*: Minsmere Reserve 3 singing male birds on the 19th.

Black Redstart, *Phoenicurus ochruros*: Minsmere Reserve observed one pair on 20th.

Redstart, *Ph. phoenicurus*: Minsmere Reserve one specimen on 19th. Sandy – Grantham one on 21st.

Whinchat, *Saxicola rubetra*: To Grantham one specimen on 21st.

Stonechat, *S. torquata*: Minsmere Reserve one pair on 20th. Sandy – Titchwell one specimen on 22nd.

Blackbird, *Turdus merula*: The West Germany (17th) in Köln one and Aachen Station 2 pairs. Dover – London 6 specimens on 17th. 18th: in Little Gransden 3 males singing, one female observed bringing food in her beak; Little Gransden – Sandy 4; Sandy – Cambridge 11 in Cambridge nesting in the town, very high level of synanthropization, birds could be approached up to 1 m. There were many juv. left in nests with colour rings on the foot, Sandy – Minsmere 31 specimens. Minsmere Reserve (18th – 20th) many male birds singing everywhere in the forest. One nest under the roof of a shelter near the management building of the reserve. Sandy – Grantham one female, Grantham – Bridlington 26 specimens, Bridlington – Bempton 6 on 21st. Sandy – Titchwell 30 and Titchwell – Ely – Sandy 31 (one bird with food in his beak on 22nd). In London (23rd, 24th) several specimens observed Sandy – London 22 and London – Dover 2 specimens on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen observed 7 specimens.

Song Thrush, *T. philomelos*: Little Gransden observed 2 pairs and Sandy – Cambridge 2 specimens on 18th. In Cambridge observed 20 specimens and young flying out of nests. Minsmere Reserve (18th – 20th) about 10 singing males. Sandy – Grantham one and Bridlington: one specimen on 21st; Sandy – Titchwell one and Titchwell – Ely – Sandy 17 specimens on 22 nd. In London (23rd, 24th) observed several specimens. Sandy – London 3 on 25th.

Mistle Thrush, *T. viscivorus*: Minsmere Reserve (18th – 20th) heard 3 singing males, some young birds who left their nests about a

week earlier. Titchwell – Ely – Sandy observed 3 specimens on 22nd.

Bearded Tit, *Panurus biarmicus*: Minsmere Reserve observed 1+1 specimen on 19th.

Sedge Warbler, *Acrocephalus schoenobaenus*: Minsmere Reserve (18th – 20th) the song of some birds heard.

Reed Warbler, *A. scirpaceus*: Minsmere Reserve (18th – 20th) songs of some birds heard.

Icterine Warbler, *Hippolais icterina*: Minsmere Reserve (19th) 4⁰⁰ – 5⁰⁰ one bird was singing. In his song – elements of the song of Blackcap, Robin, Wren and Dunnock.

Garden Warbler, *Sylvia borin*: Minsmere Reserve (18th - 20th) 2 singing birds.

Blackcap, *S. atricapilla*: Minsmere Reserve (18th – 20th) observed 5 specimens.

Whitethroat, *S. communis*: Minsmere Reserve (18th – 20th) the song of three birds was heard. Sandy – Titchwell one on 22nd.

Lesser Whitethroat, *S. curruca*: Minsmere Reserve (19th, 20th) the song of 2 birds was heard.

Chiffchaff, *Phylloscopus collybita*: Minsmere Reserve (19th, 20th) the song of several specimens was heard.

Willow Warbler, *Ph. trochilus*: Much more common than Chiffchaff in Minsmere Reserve on 19th and 20th.

Spotted Flycatcher, *Muscicapa striata*: Cambridge University Botanical Gardens, one bird was seen on 18th.

Marsh Tit, *Parus palustris*: Minsmere Reserve, one on 20th.

Coal Tit, *P. ater*: one at Minsmere Reserve (19th, 20th) and heard calls of several individuals.

Great Tit, *P. major*: Tonbridge one on 17t. Sandy – Cambridge 1 ad with a food in his beak. In the forest of Minsmere Reserve (18th – 20th) observed 10 ad and some young birds. Sandy – Grantham – one on 21st. Sandy – Titchwell one on 22nd.

Blue Tit, *P. caeruleus*: Minsmere Reserve (18th – 20th) several singing birds and some families left their nests. Sandy – Grantham one on 21st. Sandy – Titchwell one on 22nd.

Nuthatch, *Sitta europaea*: Minsmere Reserve observed one on 19th.

Corn Bunting, *Emberiza calandra*: Little Gransden – Sandy (18th, 23rd, 24th) observed 1-2 specimens. Sandy – Minsmere one on 18th. Sandy – Titchwell 3 on 22nd.

Yellowhammer, *E. citrinella*: To Poton (18th, 23rd, 24th) 1-3 specimens. Sandy – Cambridge 4 and Sandy – Minsmere 4 on 18th. Minsmere Reserve (18th – 20th) observed several pairs. Bridlington – Bempton one and Bempton Cliffs reserve one on 21st. Sandy – Titchwell one and Titchwell Reserve 5 pairs.

Reed Bunting, *E. schoenobaenus*: Minsmere Reserve one pair observed on 19th.

Chaffinch, *Fringilla coelebs*: In Little Gransden observed 2 specimens and in Cambridge 30 on 18th. Minsmere Reserve (18th-20th) probably about 30-50 breeding pairs. Grantham – Bridlington 7 on 21st, Sandy – Titchwell 22, Titchwell Reserve about 10 pairs and Titchwell – Ely – Sandy 5 specimens on 22nd.

Greenfinch, *Carduelis chloris*: In Sandy on female, in Cambridge observed 10 pairs and Sandy – Minsmere 7 specimens on 18th. Minsmere Reserve (18th-20th) regularly observed 1-2 specimens.

Goldfinch, *C. carduelis*: Minsmere Reserve one on 19th.

Redpoll, *Acanthis flammea*: Cambridge in University Botanical Garden observed 3 birds on 18th. Minsmere Reserve one on 20th.

Linnnet, *A. cannabina*: Sandy one and to Cambridge, one on 18th. Minsmere Reserve (18th-20th) about 10 specimens. Bridlington one and Bempton one on 21st.

Crossbill, *Loxia curvirostra*: Cambridge in University Botanical Garden several specimens on 18th.

Bullfinch, *Pyrrhula pyrrhula*: Minsmere Reserve (18th - 20th) observed 1-2 specimens. Grantham – Bridlington one on 21st Sandy – Titchwell one on 22nd.

House Sparrow, *Passer domesticus*: The West Germany (17th) in Düsseldorf 10 birds observed. Belgium (17th) Ostkamp 2 and Brugge 10 specimens. Dover – London 11 on

17th, 18th: in Little Gransden about 10 pairs breeding under the roof and in the walls of the houses, now looking after their young in the nests; Little Gransden – Sandy 49 observed; Sandy – Cambridge 4; in Cambridge 20 and Sandy – Minsmere 118 specimens, Minsmere Reserve (18th – 20th) observed several pairs. Sandy – Grantham 17, Grantham – Bridlington 33 and Bridlington 34 specimens on 21st. Sandy – Titchwell 168, Titchwell Reserve 30 and Titchwell – Ely – Sandy 117 specimens on 22nd. In London (23rd, 24th) several specimens observed. Sandy – London 14 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen observed 97 specimens.

Tree Sparrow, *P. montanus*: Sandy – Minsmere 3 on 18th. To Grantham 2 on 21st.

Starling, *Sturnus vulgaris*: The West Germany (17th) in Düsseldorf observed 12, Köln 2 and Aachen 4 specimens. Belgium (17th) Liege – Bruxelles 6, Bruxelles – Gent 4, Alter 2 ad + 3 juv and Brügge 3 specimens. Dover – London 55 on 17th, 18th: in Little Gransden 5 juv. Little Gransden – Sandy in all 35, Sandy – Cambridge 32, in Cambridge observed about 25 pairs and Sandy – Minsmere 58 specimens. Minsmere Reserve (18th – 20th) probably 20 breeding pairs Minsmere – Sandy 30 (ad + juv) on 20th. 21st: Sandy – Grantham 85 (ad + juv), Grantham – Bridlington 246, Bridlington – Bempton 26 specimens, Bempton Cliffs Nature Reserve nesting on the rocks and some ad and juv were in a flock (ad + juv). Sandy – Titchwell 140 and Titchwell – Ely – Sandy 388 specimens on 22nd. In London (23rd, 24th) observed several specimens. Sandy – London 66 on 25th. Belgium (25th) Oostende – Aachen observed 195 specimens.

Jay, *Garrulus glandarius*: Cambridge one on 18th. Minsmere Reserve (18th – 20th) 1-3 specimens observed.

Magpie, *Pica pica*: The West Germany (17th) to Köln one specimen. Belgium (17th) Bruxelles – Gent observed 3 specimens. Little Gransden one pair and 4 Sandy – Minsmere on 18th. Minsmere Reserve (18th – 20th) observed 1-2 specimens. Sandy – Grantham one,

Grantham – Bridlington 10 on 21st. To Ely one on 22nd. Sandy – London (23rd-25th) observed 1-3 specimens.

Jackdaw, *Corvus monedula*: Belgium (17th) Liege – Bruxelles 2, Laven one, Ostkamp 8 and Brugge one specimen. Dover – London 13 on 17th. In Cambridge observed about 20 specimens, Sandy – Minsmere 15 on 18th. Minsmere Reserve 2 on 19th. 21st: Sandy – Grantham 7, Grantham – Bridlington 32, Bridlington – Bempton 4 and nesting on the rocks around Bempton Cliffs Reserve. Sandy – London (23rd – 25th) 3-5 observed.

Rook, *C. frugilegus*: Belgium (17th) to Bruxelles 60 specimens. Dover – London 100 specimens on 17th. Sandy – Minsmere 34 on 18th. Minsmere – Sandy 30 on 20th. Sandy – Grantham 52, Grantham – Bridlington 449 (one breeding colony from 4 pairs) and Bridlington – Bempton 13 on 21st. Sandy – Titchwell 40 and Titchwell – Ely – Sandy 52 on 22nd. Sandy – London (23rd – 25th) about 10 specimens observed. Belgium (25th) Oostende – Aachen 27 specimens observed.

Carrin Crow, *C. corone*: The West Germany (17th) Essen - Düsseldorf 8 individuals observed. Belgium (17th) Liege one, Bruxelles 2, Gent 6 and Brugge 2 specimens. Dover – London 8 on 17th. 18th: Little Gransden – Sandy 3, Sandy – Cambridge 16, in Cambridge 30 and Sandy – Minsmere 42 specimens. Minsmere Reserve one on 19th. Sandy – Grantham 14 and Grantham – Bridlington 14 on 21st. Sandy – Titchwell 2 and Titchwell – Ely – Sandy 12 on 22nd. Sandy – London (23rd – 25th) 10-13 specimens observed. Belgium (25th) Oostende – Aachen 6 specimens observed.

4. Birds and animals killed along the roads

21.06.1987 Bempton – Sandy 186 miles (298 km):

Aves	Mammalia
<i>Turdus merula</i> – 22	Hare – 24
<i>Corvus frugilegus</i> – 14	Hedgehog – 23
<i>Columba palumbus</i> – 4	Dog – 1
<i>Phasianus colchicus</i> – 4	Total – 48

Passer domesticus – 2

Vanellus vanellus – 1

Aves sp. – 2

Total – 49

22.06.1987 Sandy – Titchwell 102,7 miles (165 km):

Aves	Mammalia
<i>Turdus merula</i> – 9	Hare – 26
<i>Phasianus colchicus</i> – 3	Hedgehog – 11
<i>Columba palumbus</i> – 2	Total – 37
<i>Turdus philomelos</i> – 1	
<i>Passer domesticus</i> – 1	
Total – 16	

22.06.1987 Titchwell – Ely – Sandy 83,4 miles (134 km):

Aves	Mammalia
<i>Turdus merula</i> – 8	Hedgehog – 18
<i>Phasianus colchicus</i> – 1	Hare – 9
<i>Apus apus</i> – 1	Total – 27
<i>Passer domesticus</i> – 1	
Total – 11	

25.06.1987 Sandy – London:

Aves	Mammalia
<i>Turdus merula</i> – 4	Hare – 7
<i>Columba palumbus</i> – 1	Hedgehog – 3
<i>Passer domesticus</i> – 1	Total – 10
Total – 6	

5. Some conclusions

During our journey through West Germany, Belgium and England 118 species were observed. The number of the species seen from the train when crossing West Germany and Belgium was comparatively small. Birds were seen above all in England, in Minsmere Reserve (57 on the 18th, 75 on the 19th and 68 on the 20th of June) and also during the visit to Bempton Cliffs Reserve (48 on 21st) and Titchwell Marsh Reserve (52 on 22nd). The birds' colonies on Bempton Cliffs and the nesting seabirds were very interesting: *Fulmarus glacialis*, *Morus bassanus*, *Rissa tridactyla*, *Alca torda*, *Uria aalge*, *Fratercula arctica*. New or interesting species were also *Branta canadensis*, *Branta leucopsis*, *Anser*

indicus, *Alectoris rufa*, *Larus marinus*, *Corvus corone*, as well as the distributed in England subspecies: *Motacilla flava flavissima* and *Motacilla alba yarrelli*. The rare for the England *Hippolais icterina* was recorded in Minsmere Reserve.

Synanthropization of some species in Bulgaria and England is quite different. A very high degree of synanthropization of some birds was seen in towns: *Turdus merula*, *T. philomelos*, *Anas platyrhynchos*, *Columba palumbus*, *Fulica atra*, *Gallinula chloropus*, *Riparia riparia* and many others.

We were impressed by the high number of animals killed by the cars on the roads of England. That is why on the 21st, 22nd and 25th the leader of the group decided to classify the killed birds and animals according to their number. A checklist with the results is given.

REFERENCES

Howard R., Moore A. (1980): A complete checklist of the Birds of the World. Oxford. 1-701.

Замітки	Беркут	10	Вип. 1	2001	51
---------	--------	----	--------	------	----

СЛУЧАЙ ЗАСЕЛЕНИЯ РЕМЕЗОМ ПРОШЛОГОДНЕГО ГНЕЗДА

A case of occupation of an old nest by the Penduline Tit. - N.P. Knysh. - Berkut. 10 (1). 2001. - A renovated last year's nest with 4 fresh eggs was found near Sumy city on 24.05.1987. Birds made new inlet tube in the opposite side from the old one. [Russian].

Общеизвестно, что ремезы (*Remiz pendulinus*) не ремонтируют и не используют свои старые гнезда (Третьяков, 1973; Когут, Бокотей, 1996). Как бы с целью пошатнуть, а то и опровергнуть эти представления, мне выпал редкий случай обнаружить гнездо ремеза весьма своеобразного вида. Это было подновленное птицами прошлогоднее гнездо; его новая входная трубка находилась с противоположной стороны от старой, сплюснутой временем и непогодой, трубки, а свежий строительный материал четко выделялся на грязном фоне старых деталей гнезда.

Гнездо найдено 24.05.1987 г. вблизи г. Сумы в заболоченной пойме р. Стрелка. Располагалось оно на 5-метровой иве на высоте 2,0 м от воды. В момент находки в

гнезде было 4 свежих яйца, к нему подлетел ремез с пучком растительного пуха в клюве.

Комментируя это сообщение, М.А. Воинственский в личном письме к автору (7.04.1988 г.) подчеркнул, что "...Такие наблюдения вообще очень ценны. Они показывают, что у птиц постоянно разрушаются стереотипы поведения, и это может привести в конце-концов к новым способам постройки гнезд".

ЛИТЕРАТУРА

Когут І.В., Бокотей А.А. (1996): Звичайний ремез на Поліссі, Волино-Поділля та у Прикарпатті. - Матли конфер. 7-9 квітня 1995 р., м. Ніжин. Київ. 252-266.

Третьяков П.И. (1973): Некоторые особенности биологии размножения ремеза (*Remiz pendulinus*) в дельте Волги. - Зоол. ж. 52 (12): 1880-1882.

Н.П. Кныш

*Педуниверситет,
кафедра зоології,
ул. Роменська, 87,
40002, г. Суми,
Україна (Ukraine).*

ЧЕРНЫЙ ГРИФ В КРЫМУ

Б.А. Аппак

Black Vulture in the Crimea. - B.A. Appak. - Berkut. 10 (1). 2001. - This is one of the rarest breeding bird species in Ukraine. At present it nests only in the Crimea in the Crimean Nature Reserve, but can migrate on the whole peninsula. Number decreases last years. In 1999-2000 only 14 individuals were counted in the Crimea. Only one inhabited nest has remained. Full clutch has always only one egg that is laid in the first half of March. Corpses of home animals are the main food of vultures now (81,0%). Remains of poultries that are eaten by birds on battery farms (50,6%) and cadaver of sheep (21,0%) have the special significance. Poor food supply, capture and shooting are the main causes of number decreasing. [Russian].

Key words: Black Vulture, *Aegypius monachus*, the Crimea, distribution, number, ecology, breeding, feeding, conservation.

Address: B.A. Appak, Krasnoarmeyskaya str. 5/1, Alushta, the Crimea, 98500 Ukraine.

1. Введение

Численность птиц-падальщиков, в первую очередь черного грифа (*Aegypius monachus*), неуклонно сокращается. Основные причины этого – ухудшение кормовой базы, отлов, отстрел, беспокойство и др. Крымская популяция этой птицы находится на грани вымирания. Спасти ее можно только безотлагательным проведением ряда мер, направленных на стабилизацию, а затем и увеличение численности. Прежде всего, это подкормка, охрана мест гнездования, создание банка генофонда путем разведения грифов в неволе. Для претворения в жизнь этих мер необходимы глубокие знания биологии вида, основанные на многолетних наблюдениях. Крымская популяция грифов по своей изученности уникальна. Птицы находились под наблюдением сотрудников Крымского природного заповедника более 70 лет. Автор исследовал особенности экологии черного грифа с 1987 по 2000 г.

2. Материал и методика

Изучение биологии и численности грифов проводилось по методике стационарных наблюдений за хищными птицами (Осмоловская, Формозов, 1952) с учетом особенностей подобных исследований в горах (Абуладзе, 1989). Основной принцип методики заключается в продолжительных визуальных наблюдениях с пунктов с хорошим обзором, которые проводились автором в течение 920 часов. Гнезда грифов мы

разыскивали, осматривая в бинокль места их возможного гнездования. С большого расстояния они выглядят светлым пятном на вершине сосны, с черной точкой посередине, если в гнезде сидит птица. Наблюдения за гнездованием грифов проводились на двух контрольных гнездах: в верховьях р. Улуузен и на склонах г. Черная методом суточных наблюдений в течение 3-5 суток подряд. Всего проведено 520 часов таких исследований. Самца от самки отличали визуально, преимущественно по более темной окраске головы. Молодых птиц – по черному оперению, которое с возрастом, по-видимому, светлеет. Некоторые грифы Крымской популяции имели светлую, почти как у белоголовых сипов (*Gyps fulvus*), окраску.

Питание грифов изучалось в 1988, 1997, 2000 гг. путем собирания погадок на контрольных гнездах и на земле под другими гнездами. Процентное содержание кормов определялось по встречаемости шерсти или перьев того или иного вида в погадках. Учеты грифов проводились на водопое, принадле из мясных отходов и падали. Принаду из мясных отходов мы накрывали шкурой кабана, чтобы мясо не растаскивалось воронами (*Corvus corax*). Грифы доставали мясо, приподняв шкуру. В качестве падали использовали специально отстрелянного оленя, а также свиные туши.

Кроме этого регистрировались все другие случаи больших скоплений грифов.

Проводился опрос работников заповедников, птицефабрик, кролеферм и свалок в городах Алуште и Симферополе. Численность популяции определялась, как и Ю.В. Костиным (1983), по количеству грифов, одновременно отмеченных в наиболее крупных скоплениях.

В определении состава погадок нам оказывал помощь Э. Савин, а в сборе материала по численности и миграциям грифов – М. Бескаравайный, В. Кинда, С. Костин, С. Прокопенко, А. Полумеев, Н. Тарина, за что автор выражает им глубокую признательность. Работа проводилась, главным образом, на территории Крымского природного заповедника.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Миграции, полет

Черный гриф – оседлая птица Крыма, совершающая по полуострову кормовые миграции, связанные с наличием корма в тех или иных местах. В начале наших исследований во время гибели водоплавающих птиц в Каркинитском заливе в январе 1987 г. в 150 км от мест гнездования грифов, научным сотрудником Крымского природного заповедника Н. Тариной (личн. сообщ.) была отмечена стая этих птиц, кормящаяся трупами примерзших ко льду лебедей-кликун (*Cygnus cygnus*). Отмечались также грифы возле с. Карасевка Нижнегорского района. 19.08.1990 г. пара птиц летала над центром г. Симферополь. В последние годы сведения о встречах грифов в отдаленных от мест гнездования районах Крымского полуострова стали поступать к нам значительно чаще. Птицы неоднократно отмечались на Карадаге, в Бахчисарайском, Белогорском, Нижнегорском, Севастопольском, Судакском и Черноморском районах, а также на Керченском полуострове, причем на Карадаге 2 особи держались в течение всей зимы 1998/1999 гг. (личн. сообщ. М. Бескаравайного).

Основной полет грифа – разведывательное статическое парение. Набор высоты с использованием термиком – явление в го-

рах довольно редкое. Чаще всего птицы пользуются восходящими потоками воздуха, обтекающими склоны гор. Употребляют грифы и динамическое парение с использованием ветра. При этом птицы парят кругами, меняя форму крыльев. Когда грифы, делая круг, летят против ветра, крылья становятся широкими, концы первостепенных маховых расходятся, при полете по ветру – крылья заостряются. Характерен для грифов смешанный полет, когда активные машущие движения чередуются с кратковременным планированием. При таком полете птицы делают от трех до восьми взмахов.

К гнезду грифы подлетают всегда сверху по склону горы, используя своеобразный полет с резкой потерей высоты. Крылья при этом подогнуты, хвост поднят под углом в 45°, голова приподнята, ноги вытянуты вперед (Акимов, 1940). Спуск при таком полете идет по спирали и сопровождается шумом. Улетают от гнезда только вниз по склону. Активным машущим полетом грифы пользуются очень редко. Только однажды за весь период исследований птица улетела с гнезда таким полетом, сделав при этом не менее пятидесяти взмахов крыльями с частотой два взмаха в секунду. М.П. Акимов (1940) указывает на то, что грифы избегают летать в тумане, однако в период гнездования птицы могут при необходимости подлететь к гнезду и в густой туман. В сильный ветер грифы могут зависать на некоторое время на одном месте, причем крылья при этом изогнуты и заострены. Во время парения птицы иногда резко опускают крылья вниз.

Своеобразна защита грифов в полете от других хищных птиц. Так мы наблюдали, как на них нападал чеплок (*Falco subbuteo*), когда грифы пролетали вблизи от его гнезда. Если сокол атаковал их сверху, грифы ставили крылья вертикально, пытаясь нанести ему удар верхним крылом.

Для взлета с земли птицам необходимо достаточное для разбега пространство. Разгоняются грифы по возможности вниз по

склону. Испуганные насытившиеся птицы во время взлета отрыгивают корм.

3.2. Гнездование

М.А. Мензбир (1895), побывав в местах современного гнездования грифов в Крыму, считал его залетной птицей. О том, что этот вид гнездится на полуострове, стало известно только после публикации работы А. Сеницкого (1898). Остается неясным, действительно ли грифы не гнездились здесь в период экспедиции М.А. Мензбира или гнезда их просто не были найдены. В настоящее время вид гнездится только на территории Крымского природного заповедника.

В местах гнездования грифы появляются в январе (Костин, 1983), по нашим сведениям – в последней декаде февраля. В это время (в начале наших исследований) пары кружили вблизи от гнезд, слетаясь ненадолго в общую стаю и опять разлетаясь к гнездам, изредка садясь на открытые участки крутых склонов г. Черная. Токовых полетов мы не наблюдали. Только иногда партнеры летают синхронно близко друг от друга. Однажды, в первой декаде апреля, одна из птиц имитировала нападение на партнера снизу, перевернувшись в воздухе кверху ногами, издавая при этом своеобразный клетот. Всего было три таких “нападения”. Однако подобную имитацию мы наблюдали и осенью во время полета пары птиц с птенцом этого года. Одна из взрослых птиц “напала” на партнера сверху, применив описанный М.П. Акимовым (1940) тип полета, используемый при посадке на гнездо. Создалось впечатление, будто птица хотела сесть на спину партнеру, который, защищаясь, перевернулся кверху ногами.

Тип гнездования грифов в начале наших исследований был групповым, или одиночным. М.П. Акимов (1940) считал его колониальным, однако никаких совместных действий птиц, кроме полетов за кормом, мы не наблюдали. Столкновений между близко гнездящимися парами также не было. Совместной защиты от врагов нет из-за их практического отсутствия.

Гнездовой биотоп – крутые, щебнистые склоны гор, поросшие старыми деревьями на высоте от 650 до 1300 м н. у. м. Древесная растительность состоит из дубового редколесья, редких куртин можжевельников, граба и сосны (Розанов, 1931). Гнездовые участки грифов были расположены преимущественно на склонах южной и юго-восточной экспозиции. Это, по нашему мнению, связано не с необходимостью использования грифами термических потоков воздуха, ранее всего развивающихся утром на прогреваемых склонах (Костин, 1983), а с тем, что южные склоны Крымских гор более крутые, от 30° и более (Акимов, 1940) и менее доступные, чем северные. Здесь на гнездящихся грифов меньше воздействуют факторы беспокойства: неорганизованный туризм, различные лесохозяйственные работы. В пользу этого предположения говорит и то, что ранее существовали гнезда грифов и на северных склонах. В настоящее время сохранилось только одно нежилое гнездо на северном склоне г. Черная в центре заповедника. Кроме этого, подлетая к гнезду или слетая с него, грифы никогда не пользуются восходящими потоками воздуха, а применяют активный машущий полет с планированием.

Ю.В. Костин (1983) предполагал, что пары грифов постоянны. По нашим визуальным наблюдениям, в контрольном гнезде на г. Черная в течение нескольких лет гнездилась одна и та же пара.

К гнездованию приступает, в среднем, 20,3 % популяции (табл. 1). В последние годы процент гнездящихся птиц сократился по сравнению с периодом начала наших исследований в 1,6 раза. Не гнездящиеся птицы держатся отдельной стаей. Мы отмечали такое скопление в заказнике “Хапхал”. Иногда не принимающие участия в гнездовании грифы прилетают на места гнездования и летают вместе с гнездящимися птицами.

Гнездовой консерватизм грифов ярко выражен. Строительство нового гнезда наблюдал М.П. Акимов (1940). Птицы укладывали строительный материал на сосед-

нюю с гнездом сосну. Во время наших исследований одна гнездящаяся пара также носила сухие ветки на соседнюю сосну, однако это гнездо так и не было достроено. Ремонт гнезд заканчивается к началу марта, причем часть обновленных гнезд затем не занималась. Возможно потому, что отдельные пары гнездятся не каждый год (Костин, 1983), или таким образом пара грифов сохраняет для себя несколько гнезд и занимает их попеременно. Даже в годы, когда грифы вообще не гнездились, часть гнезд ремонтировалась. Заброшенное гнездо в течение двух–трех лет разрушается.

В гнездовой подстилке вырванная с корнем трава, а также шерсть и перья животных из растоптанных птицами погадок. Все известные нам гнезда грифов в Крыму были устроены на вершинах сосен и только одно на можжевельнике вонючем. Его высота над землей – 3,75 м; размеры (здесь и далее в см): $D = 108$ и $d = 54$. Ю.В. Костин (1983) отмечает гнездование грифов на буках, в чистом буковом лесу, однако мы таких гнезд не находили. Размеры гнезд ($n = 9$): $D = 130–200$, $d = 40–70$, $H = 50–100$ и $h = 15–35$ (Костин, 1983). В последние годы высота расположения гнезд над землей увеличилась, в среднем, с 6 (Акимов, 1940) до 10 м. Предположения цитируемого автора о том, что старые гнезда крупнее новых нашими наблюдениями не подтвердились. Понятие “старые” применительно к гнездам грифа вообще относительно, так как строительный материал (сухие ветки и сучья) постоянно меняется. Нижние ветки гнезда гниют и осыпаются, верхняя часть ежегодно достраивается. Под многолетними гнездами иногда накапливаются большие кучи опавшего строительного материала. Размер гнезда, которому не менее пятидесяти лет, визуально не отличается от

Отношение количества гнездящихся птиц к численности популяции
Relation of amount of breeding birds to number of the population

Период	Средняя численность, особи	Гнездились в среднем	
Period	Average numbers, individuals	Bred on average ind.	%
1960–1983	60,0	13,0	21,7
1987–1989	29,3	6,8	23,2
1994–1996	14,5	3,2	22,1
1999–2000	14,0	2,0	14,3
1960–2000	29,5	6,3	20,3

других гнезд. Величина и форма постройки зависит от вершины сосны, на которой оно расположено. Если ветви верхушки дерева горизонтальные, то гнездо плоское и широкое. Размеры такого гнезда: $D = 235$, $d = 93$ и $H = 65$. Если вершинные ветви растут под углом, то постройка сооружается высокая, иногда чуть скошенная, с небольшим диаметром.

Спаривание на гнезде наблюдали 7.03.1930 г. (Акимов, 1940). Мы отмечали спаривание в условиях неволи в г. Алуште 16.02 и 17.03.1989 г., а также 29.03.2000 г. Во время спаривания, которое проходило на земле и длилось 15–20 секунд, самец балансировал крыльями, а самка издавала довольно сильные крики.

В кладке всегда одно яйцо белого цвета, которое откладывается в начале – середине марта, причем в гнездах расположенных в верховьях р. Улузень откладка яиц происходит на 10–15 суток позже, чем в других местах. Вероятно, это связано с более поздним сходом снежного покрова и частыми весенними туманами, попадающими в ущелье с Южного Берега Крыма. Размеры яиц ($n = 10$): $84,0–104,0 \times 64,0–72,0$, средние – $92,8 \times 69,3$ мм; вес почти свежих яиц: 230 и 270 г (Костин, 1983).

Насиживание длится 55 суток (Акимов,

Таблица 1

1940). Цитируемый автор считал, что насиживают оба родителя поочередно, однако мы за 162 часа наблюдений за насиживающими птицами ни разу не видели их смены. В утренние или вечерние часы, один раз в сутки, к насиживающим птицам подлетали их партнеры, садились на гнездо на несколько минут и улетали. Однажды насиживающая птица бросилась к прилетевшей, явно выпрашивая корм, однако кормления или отрыгивания корма на гнездо не было. В другой раз партнер принес в клюве пучок подстилки. Создается впечатление, что насиживает только самка, голодая при этом. Однако это предположение требует дополнительных исследований. Насиживают грифы очень плотно, гнездо покидают только в крайнем случае, например, во время беспокорства. Сидит птица всегда спиной к солнцу. В течение светового дня девять – двенадцать раз разминается и переворачивает яйцо, подкатывая его под себя.

Птенцы появляются в конце апреля – мае (Костин, 1983). В 1989 г. вылупление началось 15.05, в 1990 г. – 4.05. Днем обогревает птенца только самка. По ночам, в течение 30-40 суток, самка – 88,9 %, самец – 11,1 % зафиксированных ночлегов. Смену взрослых птиц на гнезде с сопровождением ритуальными движениями (потрагивание друг друга клювом) мы наблюдали только один раз. Обычно птицы покидали гнездо задолго до прилета партнера. В начале выкармливания самец прилетал на гнездо после отлета самки и находился в гнезде полтора – три часа. Частых смен взрослых особей мы не наблюдали. Если птицу в вечернее время вспугнуть с гнезда, то она может не вернуться в него на ночь. Так, самка не прилетела обогревать птенца двухнедельного возраста. Ночевку взрослых птиц вне гнезда мы отмечали дважды: один раз птица ночевала на вершине сосны у подножия скал в верховьях р. Улузень, второй раз самец ночевал на горизонтальном суку засохшего дерева недалеко от контрольного гнезда на г. Черная. Прилетела птица на ночевку в 19⁰⁰, улетела в 7⁰⁰.

После того, как грифы перестают обогревать птенца, он все время находится в поле зрения родителей. В том случае, когда к гнезду приближаются вороны, одна из взрослых птиц сразу же садится на гнездо и отгоняет их ударами крыльев. По-видимому воронов привлекают остатки мяса, так как попыток напасть на птенца они не делали и вели себя очень осторожно. Подросший птенец прогоняет воронов сам. В случае непогоды (дождя или града) самка прилетает на гнездо и укрывает птенца. Во время сильных ливней крылья, голова и хвост взрослой птицы опущены таким образом, чтобы вода стекала с намоченного оперения. В возрасте полутора месяцев взрослые птицы уже не укрывают птенца даже во время ливня с градом. После вылупления птенца в жаркое время дня взрослая птица сидит на гнезде так, чтобы птенец постоянно находился в ее тени. Повзрослевшая молодая особь во время кормления также старается попасть в тень от взрослой птицы.

В выкармливании птенца принимают участие оба родителя. В первые полтора месяца они кормят его до пяти раз в день, затем количество кормлений снижается до одного, редко двух, и только в один день наблюдений кормления не было совсем. До тех пор, пока самка обогревает птенца, корм приносит преимущественно самец, отрыгивает его на гнездо, а самка кормит птенца небольшими “порциями”. Когда птенец подрастет, птицы носят корм по очереди, примерно в равном количестве. В это время было зарегистрировано 37 кормлений. Из них на самку приходится 58,8 %, на самца – 41,2 %. Кормление происходит, в основном, с 12⁰⁰ до 15⁰⁰ и очень редко вечером, после 17⁰⁰. Взрослые улетали за кормом общей стаей, за исключением птиц, охраняющих птенцов. Мы неоднократно наблюдали также их одновременный прилет перед кормлением. Кормят птенца из клюва в клюв. Изредка, когда птенец не может сразу проглотить большой кусок, родители отрыгивают его на гнездо, а затем, отрывая небольшими частями, скармлива-

ют его птенцу. Ведет себя голодный птенец довольно сдержано. Выпрашивает корм, подойдя к взрослой птице, часто открывая клюв, и издавая писк. Но иногда, испуская хриплый клетот, начинает клевать взрослую птицу за ноги, вероятно довольно сильно, так как последняя отгоняет его клювом. После кормления птенец пытается подлезть под взрослую птицу, вынуждая ее перелетать на соседние ветви.

Как и М.П. Акимов (1940), мы ни разу не видели, чтобы грифы приносили корм в клюве или в лапах. Однако в гнездах мы находили кости животных, которые птицы едва ли могли проглотить. В период выкармливания птенца, родители изредка приносят пучки травы для подстилки. В гнездах мы находили также обломанные стебли с не созревшими семенами асфоделины. Поведение взрослых птиц у гнезда различно. Грифы, которые гнездились недалеко от дороги, увидев человека, сразу слетали с гнезда и долго в него не возвращались. Птицы, которые гнездились в редко посещаемых местах, подпускали человека близко к гнезду. Мы проводили наблюдения у таких гнезд не маскируясь. Когда птенец вырос, эта пара стала более осторожной. При работе исследователя на гнезде взрослые птицы, летая на большой высоте, беспокойства не проявляли, птенца защищать не пытались. В случае гибели одного из родителей, птенца выкармливает оставшаяся птица (Розанов, 1931).

Птенец во время вылупления покрыт однородным желтым пухом. У месячного птенца сквозь густой пух начинают пробиваться пеньки контурных перьев, а маховые достигают 3-4 см (Акимов, 1940). В возрасте 23 суток мы наблюдали первую, неудачную попытку птенца встать на ноги. В это же время он пробует самостоятельно разрывать мясо, а в месячном возрасте начинает махать крыльями. Полуторамесячный птенец свободно становится на ноги. В случае опасности – затаивается. Через два месяца после вылупления птенец уже весь покрыт контурными перьями, большей частью еще в пеньках, между которыми тор-

чит редкий пух (Акимов, 1940). В это время он начинает выходить на край гнезда, самостоятельно разрывает мясо. Один раз птенец, зацепившись за подстилку, упал на самый край гнезда, чуть из него не выпав. Во время дождя молодой гриф затаивается в лотке, а после него машет крыльями и, расправив их, сушит на солнце. При попытке человека забраться на гнездо издает шипение и угрожает клювом, а затем затаивается. Перед вылетом из гнезда птенец часто машет крыльями, подпрыгивая на месте, как бы делая попытки взлететь. Вылет птенцов происходит со второй половины августа до середины сентября (Акимов, 1940). После вылета птенцы остаются в районе гнездования и ночуют в гнезде (Акимов, 1940; Виноградов, 1963). Семьи не распадаются до следующей весны. Мы наблюдали пару грифов на отремонтированном гнезде, с которой находился прошлогодний птенец. Возможно, взрослые птицы прогоняют птенца перед откладкой яйца.

3.3. Питание

Питание черных грифов подробно не исследовано. В литературе, в основном, указывается, что пищей для них является падаль, главным образом, трупы крупных животных (Дементьев, 1951), или приводятся данные о поедании ими останков тех или иных отдельных видов. Между тем, определяющим фактором существования крымской популяции грифа, является именно кормовая база, которая в Крыму большей частью антропогенного происхождения (Аппак, 1992). Даже останки диких животных попадают птицам, преимущественно, в результате человеческой деятельности.

Пищей для грифов могут служить трупы любых, как диких, так и домашних животных, погибших в доступных для этих птиц местах. Однако решающим фактором в существовании популяции являются обильные постоянные источники корма. Так, М.П. Акимов (1940) указывает на питание грифов только павшими овцами, которые выпасались в то время в большом количестве на Никитской и Бабуганской

яйлах. После присоединения этой территории к заповеднику в 1973 г., выпас овец здесь был запрещен, что подорвало кормовую базу грифов. Лишившись привычного, легко доступного, обильного источника пищи, грифы были вынуждены переключиться на другие корма. Ю.В. Костин (1983) указывает на их питание в заповеднике труппами оленей, кабанов, косуль и домашних животных. Однако трупы диких животных не смогли полностью обеспечить грифов питанием. В начале наших исследований в погадках этих птиц ($n = 37$) в гнездовой период они составили всего 27,0 %, из которых 18,9 % занимали трупы зайцев. Учитывая нестабильную численность зайцев, такой высокий процент заячьей шерсти в погадках можно объяснить падением русаков в период исследований. На Кавказе, например, заячья шерсть в погадках была обнаружена только один раз (Виноградов, 1963). Кроме этого, в погадках была шерсть других диких животных – косули, кабана, а также чешуя рыбы (во всех случаях по 2,7 %). Трупы диких животных обычно бывают недоступны грифам. Мы находили их в укромных местах заповедника: под пологом леса, в балках, под обрывами, под корнями упавших деревьев, в руслах рек. Пищей для грифов могут служить только трупы диких животных, погибших на открытых местах. Например, в августе 1989 г. на Бабуганской яйле погибли от удара молнии шесть оленей. Иногда на открытых местах погибают подранки.

Трупы домашних животных составили в питании грифов в начале наших исследований 73,0 %. Основой рациона стали корма, поедаемые на птицефабриках и кроликофермах – 51,4 %. Судя по встречаемости в погадках перьев домашних птиц (29,8 %), падаль на птицефабриках имела в начале наших исследований решающее значение в питании крымской популяции грифов. Шерсть кроликов составила 21,6 %. На кроликоферме совхоза “Дубки” Симферопольского района грифы и белоголовые сипы смешанной стаей в 40 птиц регулярно кормились труппами кроликов с 1984 по 1989 г.

Шерсть домашних овец составила 16,2 %, домашней свиньи и лошади – всего по 2,7 % встреч.

К 1997 г. в питании грифов исчезли трупы кроликов и свиней, по причине закрытия крупных кроликоферм и сокращения свиноводческих хозяйств. Так, в 1995 г. полностью закрылось подобное хозяйство недалеко от с. Верхняя Кутузовка Алуштинского района, где нами регулярно отмечались кормящиеся грифы. В 1,8 раза сократилась встречаемость в погадках куриных перьев. Основное место в питании грифов вновь заняли павшие овцы. Появились трупы новых видов домашних животных, таких как коровы и козы, которых стали значительно больше содержать на приусадебных участках, а также собак, количество которых, в том числе бродячих и полностью одичавших, в последние годы сильно увеличилось. Число видов трупов диких животных за период исследований возросло в 1,8 раза. Однако к 1997 г. из состава погадок полностью исчезла шерсть крупных копытных, что объясняется резким снижением их численности, в том числе и на заповедной территории. Например, численность оленей в Крымском природном заповеднике к 1997 г. сократилась с 1056 до 410 особей, муфлонов – с 283 до 98, учеты кабанов в заповеднике в те годы не проводились, однако встречаемость их также резко снизилась.

В 1997 г. в питании птиц появились трупы несвойственно мелких видов диких животных, что убедительно указывает на недостаточность кормовой базы. Грифы были вынуждены кормиться останками таких животных, как полевки, смертность которых в горной части Крыма в 1997 г. была очень высокой. Отмечена в этом году шерсть зайцев, а также куницы и барсука, которые оказались в погадках, возможно, в результате поедания трупов попавших в петли зверей, что неоднократно отмечается в последнее время. Появление в погадках перьев перелетных птиц связано с их гибелью поздней весной (с морозами и снегопадами) 1997 г.

В 2000 г. состав погадок ($n = 82$) был следующим. Трупы диких животных составили 18,5 %, что на 8,5 % ниже, чем в начале наших исследований. Из них удельное количество трупов зайцев – 12,3 %, барсуков – 2,5 %, лисиц, ежей, а также рыбы – по 1,2 %. Трупы домашних животных в питании грифов составили 81,0 %. Основой кормовой базы вновь стали корма, поедаемые на птицефабриках (трупы кур) – 50,6 %. Шерсть домашних овец составила 21,0 %, домашней кошки – 3,7 %, собаки и козы – по 2,5 %, лошади – 1,2 %.

Во время проведения учетов, выложив для приманки отстрелянного оленя, мы отметили, что в первый день наблюдений грифы свежее мясо есть не стали. Сделав на шкуре несколько разрывов, птицы пытались клевать мясо, затем отходили в сторону и сидели там до вечера. Расклевать оленя они смогли только на следующее утро. Свежие свиные туши птицы съели также на второй день. Поедает стая падаль очень быстро. Так 33 сипа и пять грифов съели труп оленя весом около 101 кг за полтора часа.

3.4. Численность

Ю.В. Костин (1983), судя по скоплениям на падали, оценивал общее число грифов в Крыму в 60 особей. В начале наших исследований наибольшее количество грифов отмечено: в 1987 г. – 28 особей, в 1989 – 29, а в 1990 г. – 31 (в среднем – 29,3). Таким образом, к моменту проведения нами исследований численность популяции сократилась, в среднем, на 51,2 %, по сравнению с 1970-ми гг. (Аппак, 1992). По результатам учетов в 1999-2000 гг., наибольшее скопление грифов составило 14 особей. Следовательно, численность сократилась по отношению к началу наших исследований на 52,5 % и по отношению к данным Ю.В. Костина (1983) – на 76,7 %.

Снижение количества взрослых птиц не могло не оказать воздействия на число гнездящихся пар. Сведений о количестве жилых гнезд на территории всего Крымского природного заповедника в период его орга-

низации и первых лет работы, к сожалению, нет. Описана только небольшая колония на склонах хребта Синабадаг и г. Черная (Акимов, 1940). В 1935-1936 гг. из гнезд этой группы вылетело 9 птенцов (4,5 в год), а за 12 лет наших исследований (1989-2000 гг.) – 21 птенец (1,8 в год). Таким образом, число случаев успешного гнездования снизилось здесь на 80,0 %. В целом на территории всего Крымского природного заповедника в 1960-1970-х гг., по данным Ю.В. Костина (1983), гнездились 5-8 пар (в среднем 6,5) грифов в год. В первые три года наших исследований (1987-1989) гнездились, в среднем, 3,4 пары; следовательно, численность жилых гнезд к тому времени сократилась на 48,2 %. В последние три года исследований (1998-2000) гнездилась всего одна пара. Таким образом, число гнездящихся пар сократилось, по отношению к началу наших исследований, на 70,6 %, а по сравнению с 1960-1970-ми гг. – на 84,6 %. Причем, последнее гнездо сохранилось в самом центре заповедника на г. Черная. Гнезд вне территории Крымского заповедника не найдено.

Факторы, определяющие численность популяции грифов в Крыму, можно условно разделить на тесно связанные между собой климатические, трофические и антропогенные.

Влияние климатических факторов на успешное гнездование грифов ранее изучено не было. Ю.В. Костин (1983) считал, что грифы откладывают яйца без видимой связи с условиями гнездования и общего хода весны. Однако, по нашим данным, в годы с поздними обильными снегопадами грифы вообще не гнездятся. Так, 5.03.1989 г. высота свежеснеженного снега в местах гнездовий была 117 см. В гнезде в верховьях р. Улуузенъ 31.03 еще не растаял утоптаный птицами снег. Пары грифов держались в этом году возле гнезд, ремонтировали их, но так и не загнездились. В 1996 г. снег выпал 26.03 высотой до 30 см и 10.04 – 8 см. В результате ни одна пара грифов не гнездилась. Что касается других небла-

Таблица 2

Причины сокращения численности грифов в Крыму
Causes of number decreasing of black vultures in the Crimea

Год Year	n	Место гибели или отлова Place of death or capture	Причина Cause
1988	1	Крымский заповедник (хребет Конек)	Беспокойство (слеток ударился о дерево)
	1	Крымский заповедник (верховья р. Улузень)	Неизвестна
	1	Неизвестно	Отстрел для изготовления чучела
1990	1	Свалка в г. Алушта	Отстрел
	1	Крымский заповедник (урочище Барлакош)	Неизвестна
	1	В лесу возле с. Красное Симферопольского р-на	Неизвестна
1993	2	Крымский заповедник	Отловлены для содержания в неволе
1995	1	Алуштинское водохранилище	Неизвестна (найдена ослабленная птица без признаков ранения)
1996	1	Неизвестно	Отстрел для изготовления чучела
1996	1	с. Терновка Севастопольского р-на	Отстрел
1998	1	Бахчисарайский р-н	Отловлен плохо летающий слеток
1999	1	Белогорский р-н	Травма (разбита голова)
	1	Бахчисарайский р-н	Попадание в капкан (найде-на погибшая птица с отрубленной капканом ногой)
	1	Старокрымский р-н	Травма крыла
	1	с. Залесье Симферопольского р-на	Ударился о линию электропередачи, повредил глаза
	1	Судакский р-н	Отлов
2000	1	Симферопольский р-н	Отлов
	1	Крымский заповедник	Отловлен плохо летающий слеток

гоприятных климатических факторов (ливень, град), то их отрицательное влияние на успешное размножение грифов возможно во время насиживания яиц и обогревания птенцов в случае беспокойства родителей. Вероятно так же неблагоприятное воздействие на гнездящихся птиц оказывают поздние, холодные весны, особенно на протяжении периода насиживания. Так, например, развитие растительности заповедни-

ка в последние годы задерживается в это время на 30-40 суток.

Решающее влияние на численность грифов оказывает кормовая база. Причиной первого резкого сокращения их численности послужило запрещение выпаса овец на Никитской и Бабуганской яйлах в результате присоединения их к заповеднику в 1973 г. В начале 1990-х гг. кормовая база грифов вновь резко ухудшилась из-за глу-

бокого кризиса в птицеводстве и кролиководстве. Это, по-видимому, послужило причиной второго резкого сокращения численности популяции грифов в Крыму, начиная с 1991 г. И если в конце 1970-х гг., когда птицы были вынуждены искать новые источники корма, они могли некоторое время прокормиться трупами диких животных (Костин, 1983), то в настоящее время это вряд ли возможно, так как численность их значительно сократилась. Таким образом, дальнейшее существование популяции грифов в Крыму зависит от того, смогут ли эти птицы найти стабильный источник корма. Сокращение кормовой базы и численности грифов повышают роль пищевой конкуренции с белоголовыми сипами, которые в отличие от них разыскивают корм коллективно и собираются на падали быстрее. Слетевшись на корм большой стаей, сипы так быстро поедают его, что грифам почти ничего не остается. Так, мы наблюдали, как на труп оленя собрались 33 сипа и всего пять грифов. В следующий раз на падали собрались 17 белоголовых сипов и только семь черных грифов. Других пищевых конкурентов мы не наблюдали. Вороны расклевывать шкуру крупного животного не могут, поэтому поедают только то, что остается после сипов и грифов.

Сокращение кормовой базы вызывает также ряд косвенных причин уменьшения количества грифов. В поисках корма птицы вынуждены совершать миграции далеко за пределы заповедника, что ранее не отмечалось (Акимов, 1940). Это повышает опасность отрицательного антропогенного воздействия: отстрела, отлова, отравления и т. п. За время наших исследований было отмечено 19 случаев гибели и отлова грифов (табл. 2).

Анализ причин снижения численности грифов свидетельствует о том, что 86,7 % известных случаев ($n = 15$) произошли по вине человека. На отлов с целью содержания в неволе или для продажи приходится 40,0 % (из них два случая (13,3 %) отлова плохо летающих слетков), на отстрел – 26,7 %, на травмы по неизвестным причи-

нам – 13,3 %, по причине беспокойства, от удара о линию электропередачи и попадание в капкан – по 6,7 %.

Одна из причин сокращения численности грифов – беспокойство птиц в период гнездования. Во время насиживания яиц и в первое время после вылупления птенцов они слетают с гнезда только в случае беспокойства. Это повышает опасность гибели яйца или птенца от переохлаждения или перегрева на солнце. Нам известен случай, когда потревоженные в начале насиживания грифы бросили гнездо. Особенно опасно беспокойство во время вылета молодых птиц из гнезда. Осенью 1989 г. лесник заповедника, находясь на обходе, вспугнул сидящего на открытом месте слетка грифа. Испуганная птица, не владеющая в достаточной степени полетом, взлетела и ударилась о дерево, в результате чего потеряла способность к полету. Беспокойство, по-видимому, одна из причин того, что грифы гнездятся только на заповедной территории и только на очень крутых склонах, где не ведутся никакие лесохозяйственные работы.

Несмотря на то, что нами не была отмечена гибель грифов от отравления, опасность летального исхода для птиц по этой причине достаточно высока. Так, нам известен случай одновременного отравления четырех белоголовых сипов в пригороде Алушты. Вероятно, количество отравленного корма было невелико, поэтому сипы съели его до прилета грифов.

4. Заключение

1. Количество черных грифов в Крыму катастрофически снизилось. По данным учетов 1999–2000 гг. численность популяции составляет всего 14 особей.

2. Основой кормовой базы грифов в Крыму являются трупы кур, поедаемых на птицефабриках.

3. Главные причины снижения численности – недостаточная кормовая база, отлов, отстрел.

4. Без проведения срочных мер по охране черного грифа, этот вид в Крыму об-

речен. Соответствующие мероприятия должны быть направлены на устранение указанных выше причин снижения численности. В первую очередь – это подкормка и охрана. Положительные результаты в этом плане известны. Так, в результате подкормки, грифы заняли пустовавшие ранее гнезда (Шална, 1983).

5. Считаем, что пока еще возможно спасти от исчезновения одну из самых редких птиц Украины и Крыма – черного грифа. Однако для этого необходима специальная государственная программа, отдельное финансирование, поддержка всех природоохранных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Абуладзе А.В. (1989): Об особенностях учета хищных птиц в горах. - Всесоюзное совещание по проблеме кадастра и учета животного мира (Тезисы докладов). Уфа. 1: 377-378.
- Акимов М.П. (1940): Колония черного грифа (*Aegypius monachus*) в Крымском государственном заповеднике. - Тр. Крымского заповедника. 2: 217-227.
- Аппак Б.А. (1992): Современное состояние популяции черного грифа в Крыму. - Охрана и изучение редких и исчезающих видов животных в заповедниках. М. 77-87.
- Виноградов В.В. (1963): К размножению черного грифа на Боздаге. - Орнитология. М.: МГУ. 6: 222-226.
- Дементьев Г.П. (1951): Отряд хищные птицы. - Птицы Советского Союза. М.: Советская наука. 1: 258-261.
- Костин Ю.В. (1983): Птицы Крыма. М.: Наука. 1-240.
- Мензбир М.А. (1895): Птицы России. М. 2: 1-1120.
- Осмоловская В.И., Формозов А.Н. (1952): Методы учета численности и географического распределения дневных и ночных хищных птиц. - Методы учета численности и географического распределения наземных позвоночных. М. 68-96.
- Розанов М.П. (1931): Гнездование черного грифа в Крыму. - Сб. работ по изучению фауны Крымского заповедника. М. 90-95.
- Сеницкий А. (1898): К вопросу о нахождении черного грифа в Крыму. Севастополь. 1-6.
- Шална А.А. (1983): Зимняя подкормка хищных птиц в Иссък-Кульской котловине. - Охрана хищных птиц (Материалы первого совещания по экологии и охране хищных птиц). М: Наука. 32-35.

Б.А. Аппак,
ул. Красноармейская, 5, кв. 1,
г. Алушта, Республика Крым,
98500, Украина (Ukraine).

Книжкова полиця

Вийшли з друку:

- *Птицы бассейна Северского Донца. Вып. 6-7. Донецк, 2000. 86 с.*
- *Бибби К., Джонс М., Марсден С. Методы полевых экспедиционных исследований. Исследования и учеты птиц. М.: СОПР, 2000. 186 с.*
- *Марголин В.А. Птицы Калужской области. Часть 1: Неворобыные. Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2000. 336 с.*
- *Белый аист в России: дальше на восток. Калуга: Центр "Кадастр", 2000. 222 с.*
- *Дрофиные птицы России и сопредельных стран. Саратов: СГУ, 2000. 152 с.*
- *Проблемы изучения и охраны гусеобразных птиц Восточной Европы и Северной Азии. Тез. докл. I совещ. Рабочей группы по гусям и лебедям Восточной Европы и Северной Азии (Москва, 25-27 января 2001 г.). Москва, 2001. 157 с.*
- *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии. Материалы Международной конференции (XI Орнитологическая конференция). Казань, Матбугат йорты, 2001. 720 с.*
- *Луговой О., Ковальчук А. Раритетна фауна Закарпаття. Хребтні тварини. Ужгород, 1999-2000. 124 с.*
- *Матеріали першої наукової конференції молодих учених м. Львова (Львів, 24 листопада 1998 року). Львів: Ліга-Прес, 2000. 126 с. (Наукові основи збереження біотичної різноманітності. Вип. 1).*
- *Чередарик М.І., Хлус Л.М., Скільський І.В. Рідкісні тварини Буковини та проблеми їх охорони: сторінками Червоної книги України. Чернівці: Золоті литаври, 2001. 176 с.*
- *Андрієнко Т.Л., Онищенко В.А., Клестов М.Л. та ін. Система категорій природно-заповідного фонду України та питання її оптимізації. Київ, 2001. 60 с.*

ГНІЗДУВАННЯ СТЕПОВОГО КАНЮКА В ОЛЕКСАНДРІЙСЬКОМУ РАЙОНІ КІРОВОГРАДСЬКОЇ ОБЛАСТІ

А.О. Шевцов

Breeding of the Long-legged Buzzard in Olexandriya district of Kirovograd region. - Shevtsov A.O. - Berkut. 10 (1). 2001. - The Long-legged Buzzard is a rare species, included in Red Book of Ukraine. 6 nests and 2 territorial pairs were found in the district during 1990-2000. Population density amounts to 1 pair on 120 km². Ravine forests and forest belts are the main breeding habitats. In spring first birds arrive in the second half of March and in the first decade of April. 85,7 % of nests were built in oaks, only one (14,3 %) – in an old pear (n = 7). Full clutches had from 2 to 4 eggs, on average 2,7 (n = 8). Measurements of eggs, mm (n = 11): 57,5-61,7 x 44,4-49,0, on average 59,5 x 46,9. Hatchlings appeared since 1.05 till 19.05. Broods had 1-4 nestlings, on average 2,3 (n = 6). Parents feed them 45-52 days, on average 48,3 days (n = 3). Buzzards raised 1-3 fledged young, on average 1,3 young per successful pair (n = 6). They leave nests since 21.06 till 2.07. Rodents made 77,7 % of nestlings' ration, birds – 22,3 %. *Spalax microphthalmus* was the commonest prey (44,4 %). [Ukrainian].

Key words: Long-legged Buzzard, *Buteo rufinus*, Kirovograd region, ecology, breeding, nest, egg, feeding.

Address: A.O Shevtsov, Heroyiv Stalingradu str. 19/26, 28008 Olexandriya, Kirovograd region, Ukraine.

У Кіровоградській області степовий канюк (*Buteo rufinus*) є рідкісним гніздовим і перелітним видом. Протягом ХХ ст. його гнізда знаходили в Чорному лісі у Знам'янському районі (Воинственский, 1950; Назаренко, 1959), в ур. Редьчине в Олександрівському районі (Стригунов, 1982), в околицях с. Камбурлівка Онуфріївського району і в ур. Матвіїв яр у Новомиргородському районі (Андрієнко та ін., 1999). У гніздовий період дорослих птахів спостерігали у Світловодському і Устинівському районах (Клестов, Пшеничний, 1994; Андрієнко та ін., 1999). До кінця 1980-х рр. степовий канюк на Олександрійщині не відмічався. Причиною цього, очевидно, є мала вивченість регіону.

Матеріали для даного повідомлення зібрані нами під час проведення моніторингових робіт за гніздуванням хижих птахів у 1989-2000 рр. в Олександрійському районі, на площі 950 км², що становить 50 % від всієї його території. Обстежено і закартовано 22 байрачні ліси, загальною площею 2,2 тис. га і 160 км лісосмуг. Пошуки гнізд проводили в осінньо-зимовий період. Кожне гніздо відвідувалося 2-6 разів за сезон розмноження. Проведення фотозйомки, а також наявність оптичних приладів і різних

визначників дозволяли нам безпомилково відрізнити степового канюка від звичайного (*B. buteo*), чисельність якого в районі є найвищою серед усіх хижих птахів. Виявлені також деякі етологічні і екологічні відмінності між ними.

Гнізда вимірювалися лінійкою з точністю до 1 см, яйця – штангенциркулем з точністю до 0,1 мм. Тип форми яєць встановлювали за допомогою відповідної схеми (Зубаровський, 1977). Висота гнізда від землі визначалася з точністю до 10 см. Діаметри гнізда і лотка вимірювалися навхрест у зв'язку з мінливістю їх форми.

Вперше на території Олександрійського району гніздо степового канюка знайдене нами у 1990 р. в околицях с. Косівка у Янівському лісі (місцева назва), що знаходиться у балці Ведмежий яр. Багаторічне гніздо використовувалося птахами кожного сезону, крім 1995 р., коли проведення лісозаготівлі з початку квітня не дозволило їм загніздитися.

У 1994 р. на території району знайдені ще дві гніздові пари. Одна з них зайняла гніздо звичайного канюка у невеличкому байрачному лісі площею 20 га біля Янівського лісу. Друга пара знайдена в околицях с. Запоріжжя в лісовому урочищі Грабова-

те. Незалежно від наших досліджень, у період з 1991 р. по 1994 р. у цьому урочищі встановлено факт гніздування степового канюка комплексною експедицією Міжвідомчої лабораторії наукових основ заповідної справи НАНУ та Мінекобезпеки України (Андрієнко та ін., 1999).

Протягом гніздового періоду у 1998 р. дорослі птахи неодноразово відмічалися нами біля лісового урочища Користівське в околицях с. Комінтерн, але виявити гніздо не вдалося. Можливо, це були птахи, що не брали участі в розмноженні.

У 1999 р. в лісовому урочищі Лозоватська дача, що розташоване на межі з Онуфріївським районом, знайдена четверта гніздова пара.

І нарешті в результаті проведення широкомасштабного обстеження території району у 2000 р. вдалося підтвердити наявність попередніх чотирьох пар, а також знайти два нових гнізда і одну територіальну пару. З них одне гніздо виявлене в лісовому урочищі Перерубано-Довжик біля с. Запоріжжя, інше – у лісосмузі в околицях с. Олександрівки. Територіальна пара, що відмічена за 2 км на південь від с. Дуколівки у лісосмузі, трималася увесь гніздовий період біля пустуючого гнізда, але до розмноження так і не приступила.

Таким чином, за період досліджень виявлено 6 постійних місць гніздування степового канюка на території району і 2 територіальні пари. Щільність гніздування становить 1 пара/120 км² території. Основними гніздовими біотопами є байрачні ліси (5 гнізд і 1 територіальна пара) і лісосмуги (гніздо і територіальна пара). Густота населення у байрачних лісах становить 1 пара/383 га лісу, у лісосмугах – 1 пара/80 км лісосмуги. Відстань між найближчими гніздами у балці Ведмежий яр становила 2,3 км, в околицях с. Запоріжжя – 3 і 4,3 км.

Навесні степові канюки повертаються відразу на свої постійні гніздові ділянки. Залежно від метеорологічних умов, перші птахи з'являються з середини березня до кінця першої декади квітня. Так, 7.04.2000

р. біля с. Олександрівки пара канюків уже трималася на гніздовій ділянці, але ремонтувати гніздо птахи ще не розпочинали.

У першій половині квітня проходять шлюбні ігри. Під час них птахи подовгу ширяють у повітрі на різній висоті, час від часу наближаючись один до одного майже впритул. На відміну від звичайних, степові канюки є досить мовчазними не тільки під час шлюбних ігор, а також і в період насиджування кладок або вигодовування пташенят. Багато разів при обстеженні нами гнізд дорослі птахи мовчки злітали з них і кружляли в повітрі, не подаючи жодного звуку або взагалі не з'являлися в полі зору. А турбування звичайних канюків у гніздовий період супроводжується досить частими їх криками.

Незабаром після прильоту гніздові птахи починають ремонтувати старі гнізда. Побудова нових нами не відмічена.

Як правило, степові канюки використовують одне гніздо багато років підряд. Лише в ур. Грабовате у одній парі було 2 гнізда, які розміщені на відстані 100 м одне від одного. У них птахи гніздилися з року в рік по черзі.

Зайняті гнізда ($n = 7$) знаходилися на дубах – 6 (85,7%), і лише одне гніздо (14,3%) в ур. Перерубано-Довжик на дуже старій дикій груші. Вік більшості дубів ($n = 4$) перевищував 150 років.

Розміщуються гнізда переважно в розвилках основного стовбура дерева ($n = 4$) або на бічних гілках ($n = 3$) на висоті від 5,1 до 12,4 м від землі (в середньому $9,0 \pm 2,3$; $n = 7$).

Досить масивні гнізда птахи будують із гілок дерев (дуб, ясен, липа, різні види кленів) і кущів (бузина), товщиною до 2 см. Часто в матеріалі гнізда зустрічаються сухі товсті стебла різних трав'янистих рослин, соняшника і кукурудзи. Лоток вимощується тоненькими сухими корінцями і стеблами трав'янистих рослин, корою і лубом дерев. У період насиджування кладок на гніздах з'являються гілочки з зеленим листям, в основному дуба, в'яза і клена польо-

вого. У трьох гніздах протягом всього гніздування гілочок із зеленим листям взагалі не було.

Із трав'янистих рослин, які у свіжому вигляді були принесені на гнізда, а потім засохли, по одному разу на різних гніздах відмічені кульбаба лікарська, полин гіркий і ячмінь, а також 2 минулорічні плоди нетреби звичайної.

З предметів антропогенного походження на гніздах виявлені в усіх гніздах шматки поліетилену і по одному випадку на різних гніздах – шматки паперу, гуми, брезенту, болоньової куртки, шерстяної тканини і синтетичного мішка. Інколи можна спостерігати і незвичні речі. Так 1.05.2000 р. на гнізді у Янівському лісі знайдена порожня пачка від цигарок “Прима”, а 4.06. 2000 р. у розміщеному недалеко невеличкому байрачному лісі на гнізді лежали 2 яскраві блискучі обгортки від вафель червоного і блакитного кольору. При попередньому обстеженні гнізд цих предметів не було.

Розміри гнізд, см (n = 7): діаметр гнізда – 38-121 x 75-133 (в середньому 77,7 x 98,2), діаметр лотка – 22-53 x 30-57 (36,0 x 40,1), глибина лотка – 6-12 (9,8), висота гнізда – 27-68 (44,8).

Головною умовою гніздування степових канюків є наявність поблизу гнізд цілих довгих і широких балок. Вони є у кожному місці, де знайдені гнізда і саме над ними найчастіше спостерігаються птахи під час полювання. У байрачних лісах, які як правило мають невеликі розміри, птахи гніздяться на відстані 20-250 м від їх краю (в середньому 121,6 м; n = 6).

У повних кладках (n = 8), які з'являються переважно у першій половині квітня, буває від 2 до 4 яєць, в середньому – 2,7 яйця на кладку. У 3 кладках було по 2 яйця,

Пташенята степового канюка у першому пуховому вбранні. 19.05.2000 р. Ур. Перерубано-Довжик.

Фото автора.

Chicks of the Long-legged Buzzard in the first coat.

у 4 по 3 і в одній 4 яйця. Розміри яєць, мм (n = 11): 57,5-61,7 x 44,4-49,0, в середньому 59,5 x 46,9. Форма яєць в основному овальна (36,3 %) або гостроовальна (36,3 %), інколи короткогостроовальна (18,1 %) або еліптична (9,0 %).

Пташенята вилупляються протягом I-II декад травня. Найбільш рання дата прокльовування пташенят з яєць – 1.05.2000 р. (Янівський ліс), найпізніша – 19.05.1999 р. (ур. Грабовате). У выводках (n = 6) після вилуплення було від 1 до 4 пташенят, в середньому 2,3 (фото). Вигодовуються пташенята на гніздах 45-52 днів, в середньому 48,3 дня (n = 3).

У кінці червня або на початку липня молоді птахи, ще не вмючи добре літати, залишають гнізда, перебираючись на сусідні дерева. Кількість пташенят у выводках перед вильотом – 1-3 (n = 6), в середньому 1,6 на успішну пару. Найбільш рання дата вильоту пташенят з гнізд 21.06.2000 р. (Янівський ліс), найпізніша – 2.07.1999 р. (ур. Грабовате).

До кінця липня выводки зникають із гніздових ділянок, а протягом серпня спостерігається міграція степових канюків у південному напрямі.

Враховуючи малу кількість відомих нам гнізд, характеризуємо лише загальну продуктивність популяції цього виду за 3 сезони: у 1998 р. простежена доля одного гнізда, у 1999 р. – 2 і у 2000 р. – 4.

Всього у 7 гніздах було відкладено 18 яєць, з яких вилупилося 11 (61,1 %), а вилетіло 10 пташенят (55,5 %). Відхід за період інкубації склав 38,9 %, а до моменту вильоту молодих – 44,5 % від кількості знесених яєць.

Причинами відходу яєць є ембріональна смертність: одне яйце було з мертвим, повністю сформованим ембріоном і в одному гнізді відмічене незапліднене яйце-розбобток, яке тепер зберігається в колекції Зоологічного музею НАНУ (м. Київ). У двох гніздах протягом періоду насиджування зникло по одному яйцю.

Загибель пташеняти відмічено лише одного разу: у 2000 р. в ур. Перерубано-Довжик із двох пташенят вижило одне. Причина смерті – канібалізм старшого пташеняти. Менше пташеня загинуло у віці близько 10 днів.

Одного разу загинула повністю кладка з 3 яєць. Гніздо, яке розміщувалося у лісо-смузі біля с. Олександрівки, птахи залишили через постійне турбування людьми, які косили траву на сіно у балці поруч із гніздом. Дорослі птахи трималися на гніздовій ділянці протягом травня і червня, але знову до розмноження не приступали.

Аналіз залишків їжі, які були зібрані на гніздах у різні роки, показав, що в раціоні пташенят переважають гризуни (77,7 %). Птахи зустрічалися значно рідше (22,3 %). З гризунів найчастіше зустрічається сліпак звичайний (*Spalax microphthalmus*), на долю якого припадає 44,4 % від всіх зареєстрованих залишків їжі. Крім нього відмічені ховрах крапчастий (*Citellus suslicus*), полівка звичайна (*Microtus arvalis*) і хатня миша (*Mus musculus*). Із птахів по одному разу на різних гніздах були виявлені пташеня сойки (*Garrulus glandarius*), у якого поча-

ли розкриватися колодки, і доросла сойка (*Pica pica*).

З метою попередження негативного впливу господарської діяльності людини місцям постійного гніздування степового канюка на території Олександрійського району, необхідно надати заповідного статусу. Ми пропонуємо балку Ведмежий яр оголосити ландшафтним заказником, а лісові урочища Грабовате, Лозоватецька дача і Перерубано-Довжик – орнітологічними заказниками. Станом на 1.01.1999 р. частка заповідних територій у загальній площі району становить всього 0,06 %. Організація цих заповідних ділянок дасть змогу зберегти не тільки гніздову популяцію степового канюка, який занесений до Червоної книги України (1994), а й унікальні цілинні степові і природні лісові угруповання рослин на кордоні Степу і Лісостепу.

ЛІТЕРАТУРА

- Андрієнко Т.Л., Терещенко П.С., Клестов М.Л. та ін. (1999): Заповідні куточки Кіровоградської землі. Київ: Арктур-А. 1-240.
- Войнственский М.А. (1950): Нахождение на гнездовье в "Черном лесу", в Кировоградской области, степного сарыча (*Buteo rufinus* Cretschm.) - Тр. Зоол. музею Київ. ун-ту. 2: 162-163.
- Зубаровський В.М. (1977): Фауна України. Т. 5. Птахи. Вип. 2. Хижі птахи. К.: Наук. думка. 1-331.
- Клестов Н.Л., Пшеничний Я.В. (1994): К орнітофауне Светловодского регионального ландшафтного парка. - Мат-ли 1-ї конференції молодих орнітологів України. Чернівці. 64-67.
- Назаренко Л.Ф. (1959): Орнітологическая фауна нижнего Приднестровья и ее хозяйственное значение. - Дисс. ... канд. биол. наук. Одесса. 1-347.
- Стригунов В.И. (1982): Гнездование курганника (*Buteo rufinus* Cretschm.) на Украине. - Вестн. зоол. 4: 71-74.
- Червона книга України. Тваринний світ. К.: Українська енциклопедія, 1994. 1-464.

А.О. Шевцов,
вул. Героїв Сталінграду, 19, кв. 26.
м. Олександрія,
28008, Кіровоградська обл.,
Україна (Ukraine).

ЖУРАВЛИНЫЕ И ПАСТУШКОВЫЕ ПТИЦЫ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.В. Завьялов, В.Г. Табачишин, Г.В. Шляхтин,
Н.Н. Якушев, И.Б. Кочетова

Cranes, rails and crakes of Saratov region. - E.V. Zavyalov, V.G. Tabachishin, G.V. Shlyakhtin, N.N. Yakushev, I.B. Kochetova. *Berkut*. 10 (1). 2001. - On base of the analysis of literature and results of field research total 11 species of cranes, rails and crakes from 2 families (*Gruidae*, *Rallidae*) were registered in Saratov region in 1871-2001. From them 9 species are breeding and 2 – vagrant. Spotted Crake, Coot, Moorhen and Corncrake are the most numerous species. 4 species of these families (Crane, Demoiselle Crane, Baillon's Crake and Wader Rail) is included in the Red Data Book of Saratov region. Purple Gallinule is very rare visitor to Saratov region. Data about distribution and ecology of all 11 species are presented. [Russian].

Key words: Saratov region, *Gruidae*, *Rallidae*, fauna, distribution, ecology, breeding, migration.

Address: E.V. Zavyalov, Saratov university, Astrakhanskaya str. 83, 410026 Saratov, Russia.

На основе анализа литературы и полевых исследований за период с 1871 г. по настоящее время на территории Саратовской области отмечено 11 видов журавлиных и пастушковых птиц, принадлежащих к семействам *Gruidae* и *Rallidae*. Из них 9 гнездящихся и 2 залетных вида. Наиболее распространенными и многочисленными в Саратовской области в целом за период исследований являются погоньш, коростель, лысуха и камышница; единичные встречи зарегистрированы для стерха и султанки. В Красную книгу Саратовской области включены четыре вида – серый журавль, красавка, пастушок и погоньш-крошка.

Стерх (*Grus leucogeranus*). Редкая залетная птица. В фаунистические списки Саратовской области внесен на основе сообщения В.Н. Мосейкина (2000), который, ссылаясь на наблюдения охотников, указывает на встречи одиночных стерхов в весенний период на востоке региона. Так, в 1989 г. одиночный журавль наблюдался в период с 17 по 22.04 на водоемах Дергачевского района в окрестностях пос. Восточный. Еще одна встреча летящего одиночного стерха дагирована 18.04.1998 г. и приурочена к окрестностям пос. Пограничный Новоузенского района. Со ссылкой на наблюдения охотоведа Дергачевского района В. Никитина, В.Н. Мосейкин (2000) приводит сведения о регистрации одиночного

журавля в конце апреля 1996 г. в течение нескольких дней на прудах у границы Дергачевского района Саратовской области и Казахстана.

Серый журавль (*Grus grus*). Редкая гнездящаяся, обычная на пролете птица области. В XIX в. случаи гнездования вида на севере региона вблизи пойменных водоемов носили обычный характер (Осоков и др., 1901). П.С. Козлов (1950) отмечал редкое гнездование данного вида в Вольском районе. Между тем, в этот же период П.Н. Козловский (1949) относил журавля лишь к пролетным птицам из-за отсутствия достоверного подтверждения его размножения. До 1970-х гг. серый журавль sporadично встречался по всей Саратовской области, кроме заиргизских районов Левобережья. Большинство из этих встреч в сроки, соответствующие гнездовому периоду (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Лебедева, 1967а), относится, очевидно, к летующим не гнездящимся особям. Между тем, на основе регулярных встреч пары журавлей (16.06.1961 г. и 3.07.1961 г.) на лиманном участке степи вблизи центральной усадьбы совхоза “Маяк революции” Озинского района Л.А. Лебедева (1967б) высказала предположение о вероятном характере размножения этих птиц в заволжских степях. Показательным является и тот факт, что граница гнездового арена-

ла в тот период проводилась А.М. Судиловской (1951), со ссылкой на наблюдения И.Б. Волчанецкого, на юге по 47°05' с. ш., захватывая Самарские озера, оз. Эльтон и Новоузенские степи.

Позднее размножение серого журавля было подтверждено для пойм рек Хопер и Медведица на территории Балашовского, Романовского и Лысогорского районов. Со ссылкой на наблюдения В.Н. Мосейкина, С.Н. Варшавский с соавторами (1994) приводят данные о встречах молодых, очевидно, нелетных птиц в 1987 г. в пойме р. Хопер в пределах Балашовского района. Многочисленные встречи этих птиц в репродуктивный период на территории других районов Правобережья, по которым протекают реки Медведица и Хопер, позволили А.Л. Подольскому и Е.В. Завьялову предположить возможность размножения этих птиц и на других участках. Наиболее вероятно гнездование серого журавля на территории Аткарского, Петровского, Романовского и Самойловского районов (Красная книга..., 1996).

Для области характерно регулярное пребывание серого журавля в период осенних и весенних миграций к северным гнездовым районам. В это время отмечаются значительные по численности стаи данного вида над всей территорией Саратовской области, в особенности в ее юго-восточных районах.

Весенний пролет в Правобережье и Заповольжье растянут по срокам. В окрестностях областного центра эти птицы летели в 1939 г. 8.04, в 1940 г. – 10.04, в 1941 г. – 14.04 (Козловский, 1949), вблизи г. Вольска в 1953 г. – 13.04 (Козлов, 1953). Наиболее интенсивный пролет журавлей в 1950 г. на территории Валуйской опытно-мелиоративной станции Старополтавского района Волгоградской области приходился на период с 6.04 до 27.05 (Юдин, 1952). По данным наблюдений, проведенных в Аркадакском районе в 1991 г., наиболее интенсивный пролет здесь зарегистрирован с 1 по 7.04. С.Н. Варшавский с соавторами

(1994) в районе пос. Сулак в пойме р. Б. Иргиз зарегистрировали 4, вероятно, мигрирующих журавлей в мае. И.Б. Волчанецкий и Н.П. Яльцев (1934) отмечали миграцию этих птиц на территории Краснокутского района в начале этого месяца. Известны встречи журавлей в аналогичный период 1986 г. в Духовницком районе и т. д. Как показал анализ литературы, сроки миграции этих птиц значительно не изменяются не только по годам, но и в межвековом масштабе. Достаточно указать, например, что и весной 1894 г. появление первых птиц и пик весеннего пролета на сопредельной территории Камышинского района Волгоградской области приходился соответственно на 20 и 26.04 (Воробьев, 1895).

В период весенних и осенних миграций отмечается на открытых увлажненных и сухих участках: заливных лугах, берегах рек, степных лиманах, агроценозах. В период размножения предпочитает топкие болота и заливные пойменные луга. Осенний пролет хорошо выражен и более продолжителен по срокам: первые мигрирующие особи отмечаются на территории области в начале августа, наиболее поздние встречи этих птиц зарегистрированы в первой декаде октября. Между тем, пик осеннего пролета приходится на середину сентября: в окрестностях г. Саратова наибольшей интенсивности миграционный поток достиг в 1940 г. 13.09 (Козловский, 1949).

Места зимовки нижневолжских популяций журавлей, очевидно, приурочены к территории Ирана. На это указывают, например, данные кольцевания этих птиц, проведенного на зимовке в 1976 и 1977 гг. в пределах национального парка Арджан. Несколько прямых и не прямых возвратов известно из сопредельных территорий Оренбургской, Пензенской и Волгоградской областей (Флинт, Панчешникова, 1985).

Красавка (*Anthropoides virgo*). Редкая гнездящаяся птица области. Распространение красавки в Саратовской области до настоящего времени претерпевает изменения. В далеком прошлом эта птица была обыч-

ным представителем степных ценозов всего Саратовского Заволжья, однако, распахивая целинные земли, человек оттеснял обитающих на этих территориях красавок все дальше к югу, в полупустынные районы. Показательным является тот факт, что В.Н. Бостанжогло (1911) проводил северную границу распространения вида в начале XX в. по 49-й параллели, т. е. по территории Волгоградского Заволжья и Уральской области Казахстана (с. Н. Казанка). Определенное время сложившаяся ситуация была относительно стабильной, и эти птицы в пределах области встречались, в основном, на территориях Александрово-Гайского и Новоузенского районов. В первой половине XX в. размножение этих птиц предполагалось лишь для степей Александрово-Гайского района, где эти птицы регистрировались в 1940 г. 25 и 28.04, а в 1941 г. – 26 и 27.06 (Козловский, 1949). В репродуктивный ареал вида вносились все комплексные полупустынные степи, распространенные до широты г. Новоузенска (Козловский, 1957). Л.А. Лебедева (19676) проводила северную границу распространения данного вида южнее г. Новоузенска. Лишь несколько лет спустя к территории размножения журавля был отнесен и Дергачевский район (Девишев и др., 1971).

Однако 30-35 лет назад у красавки появилась и стала более четко прослеживаться тенденция к устройству гнезд в сельскохозяйственных угодьях. Начав гнездиться на посевах, эти птицы стали интенсивно расселяться, появляясь в районах, где их уже не отмечали десятки лет. Уже в конце 1980-х гг. красавки достигли на гнездовании в западном Заволжье широты Марковского района, где 9.07.1988 г. была встречена, вероятно, размножающаяся пара этих птиц у с. Орловское в 12 км севернее районного центра (Варшавский и др., 1994). В начале 1990-х гг. северная граница стабильного гнездового ареала вида в Заволжье проходила от южной части Энгельсского района через Советский, Федоровский, Ершовский, Краснопартизанский и Пугачев-

ский районы до границ с Самарской областью (Шляхтин и др., 1993). Такова в общем виде граница ареала вида в Поволжье и в настоящее время.

В прошлом общая численность гнездящихся в области красавок исчислялась лишь несколькими десятками особей. Например, П.Н. Козловский (1949), со ссылкой на устное сообщение С.Ф. Зайцева, определял количество размножающихся в северо-восточной части Новоузенского района журавлей в июне 1938 г. в 8 особей. Именно с этого периода плотность населения птиц в области начинает постепенно увеличиваться. Так, И.А. Нейфельд и В.Е. Флинт (1982) приводят для территории Прикаспийской низменности, в том числе и южной оконечности Саратовской области, плотность населения вида в 42,0 ос./км². Известно также, что по данным учетов, проведенных сотрудниками Управления охотничьего хозяйства в 1988 г. на территории Саратовской области, было учтено около 100-120 гнезд красавки (Шляхтин и др., 1993; Хрустов и др., 1995). На этом фоне оценка численности гнездящихся журавлей (15-17 пар) в Волгоградском Заволжье, проведенная приблизительно в тот же период (Чернобай, 1992), кажется весьма сомнительной.

Ныне плотность населения журавля в предгнездовой период на территории Саратовского Заволжья изменяется от 0,009 ± 1,20 до 4,7 ± 0,38 ос./км². Наиболее высокие показатели обилия отмечены на полях убранных зерновых культур и припойменных остепненных участках в пределах Чалыклинского ландшафтного района Низкой Сыртовой равнины, где на отдельных пространствах этот показатель составляет более 5,0 ос./км². Несколько ниже плотность населения вида в этот период отмечена для ландшафтов типичной степи в пределах Дергачевского, Ершовского и Краснопартизанского административных районов (в среднем 1,8, 0,7 и 0,6 ос./км² соответственно), минимальные значения обилия характерны для западной части Заволжья, в рай-

онах, примыкающих к р. Волге (в среднем 0,1). Судя по среднеландшафтным показателям, в предгнездовой период плотность населения птиц неуклонно увеличивается с продвижением по территории Саратовского Заволжья с запада на юго-восток от лугово-степных ландшафтов поймы р. Волги до отрогов Общего Сырта и Прикаспийской низменности. Высокая плотность гнездования вида сохраняется и в более южных районах волгоградского Левобережья, где, например, в Приэльтонье на территории площадью около 1079 км² ежегодно размножается 91-116 пар этих птиц (Букреев, Чернобай, 2000).

В весенний период года чаще всего журавли встречаются на полях озимых культур и убранных полях зерновых, в других сельскохозяйственных угодьях встречаемость птиц значительно ниже. Таким образом, наиболее высокие показатели плотности населения рассматриваемого вида характерны для ландшафтов типичной и южной подзона степной зоны на территории Дергачевского, Краснопартизанского, Пугачевского, Озинского и Ершовского административных районов Саратовской области. Общая численность в предгнездовой период только для этой части исследуемой территории, рассчитанная на основе данных маршрутных учетов, составляет примерно 3500 особей.

Прилет и весенний пролет происходит в сжатые сроки, что вероятно связано с малочисленностью мигрантов. При визуальных наблюдениях перемещения птиц в Заволжье регистрируются со второй половины марта по первую половину апреля. Пролет птиц в окрестностях наблюдательных пунктов проходит весной в северо-восточном и восточном направлениях.

Массовый прилет красавки на места гнездования в Саратовской области приходится на первую половину апреля, однако, его сроки и интенсивность сильно варьируют в зависимости от хода весны и погодных условий. После прилета журавли держатся группами, состоящими из 3-12 осо-

бей. После наступления периода откладки яиц отдельные пары начинают чаще задерживаться на избранных ими участках. Во время распределения птиц по гнездовым участкам еще заметны отдельные семьи, состоящие из двух взрослых и одного-двух молодых, которые выделяются несколько меньшими размерами и менее контрастным оперением. Молодые птицы держатся в семье до тех пор, пока родители не начнут проявлять территориальное поведение и не изгонят их со своего участка. После того, как размножающиеся пары окончательно распределятся по своим гнездовым участкам, группы холостующих журавлей держатся в районах гнездования. Они состоят из не размножающих пар, изгнанных прошлогодних птенцов, и, видимо, старых и потерявших партнеров птиц. Брачное поведение (унисональные крики, демонстрации ухаживания, в том числе “танцы”) наблюдаются в течение всего репродуктивного периода, но чаще в предгнездовое время.

Установлено, что в настоящее время основные места обитания журавля-красавки в условиях Саратовского Заволжья приурочены к участкам со всхолмленным или волнистым рельефом водоразделов с разреженной растительностью, представленной полянками, типчаком, разнотравьем. При этом преимущественно использует для гнездования сельскохозяйственные угодья, занятые под посевы зерновых культур и залежи. Наиболее ранние полные кладки красавки обнаружены 22.04.1997 г. (окрестности пос. Восточный Дергачевского района) и 27.04.1999 г. (окрестности пос. Самовольное Озинского района), начало же массовой откладки яиц приходится на первую половину мая. Отмеченные в более позднее время, как правило, во второй половине июня – первой декаде июля кладки относятся к повторным и появляются после гибели первых. Минимальное расстояние между отдельными гнездами может составлять до 100 м, причем иногда индивидуальные участки пар располагаются довольно конгло-

Таблица 1

Морфометрические параметры яиц журавля-красавки в северной части Нижнего Поволжья

Morphometric parameters of eggs of the Demoiselle Crane in northern part of the Lower Volga river valley

Параметр	Parameter	n	M ± m	CV, %	Lim
Длина, мм	Length, mm	24	82,5 ± 0,51	3,7	77,1 – 87,5
Макс. диаметр, мм	Max. diameter, mm	24	53,0 ± 0,22	2,9	50,0 – 55,2
Инд. округлости, %	Index of sphericity, %	24	64,33 ± 0,36	4,6	59,98 – 68,16
Объем, мл	Volume, mm	24	118,6 ± 1,45	2,1	98,3 – 133,3

мератно. Плотность гнездования журавля подвержена значительным колебаниям, что определяет его высокую экологическую пластичность.

Гнездо красавки – неглубокая ямка диаметром 26-38 см (в среднем 32 см). Подстилкой служат попадающие в гнездовую ямку стебли и листья растущих вблизи злаков или же она совсем отсутствует. В завершенной кладке журавля 2, реже 1 яйцо. Крайне редко журавли откладывают 3 яйца. Например, такая кладка зарегистрирована 12.05.1986 г. на полях совхоза им. Чернышевского в Федоровском районе. Повторные кладки после гибели первых встреча-

ются до середины июня. В связи с этим период яйцекладки растянут до 50-70 дней. Проведенные исследования показали, что птицы, размножающиеся на полях, находятся в более выгодных условиях, чем журавли, загнездившиеся на целине. В районах Заволжья весенние полевые работы, как правило, проводятся в сжатые сроки, и к началу мая сев ранних яровых культур заканчивается. Таким образом, журавли, откладывающие яйца в мае, успевают до начала уборочной вывести птенцов. С другой стороны, на целинных угодьях с каждым годом все более возрастает фактор беспокойства, связанный с интенсивным выпа-

Таблица 2

Размеры и вес яиц журавля-красавки из различных частей его ареала

Measurement and weight of eggs of the Demoiselle Crane in different parts of the breeding range

Регион	Длина, мм	Диаметр, мм	Вес, г	Источник
Region	Length, mm	Diameter, mm	Weight, g	Source
Западная Европа, n = 135	83,0 74,0 – 91,0	53,0 48,0 – 57,0	–	Флинт, 1987
West Europe				
Украина, Ukraine n = 157	83,2 75,2 – 90,7	53,3 48,8 – 56,9	126,7 101,0 – 189,5	Андрющенко, 1997 Кістяківський, 1957;
Черкасская обл., Украина, n = 4	77,0 – 79,5	49,0 – 52,5	–	цит. по: Андрющенко, 1997
Cherkasy region, Ukraine				
Бассейн Дона	74 – 94	47 – 59	–	Чернобай, 1983
Don basin				

сом скота. Значительная часть гнезд красавки погибает при организации в некоторых районах лиманного орошения, когда в мае обширные территории заливаются водой. Отмечается гибель гнезд и на полях, на которых сельскохозяйственные работы проводятся и в гнездовой период.

Размеры яиц журавля-красавки саратовской группировки (табл. 1) и популяций из других регионов существенно не отличаются между собой. Однако они у птиц саратовской и лесостепной (Украина) популяций несколько мельче, чем у западноевропейских и южноукраинских птиц (табл. 2).

Яйца насиживают оба партнера. В связи с тем, что самцы больше времени тратят на охрану гнездовой территории, их доля участия в обогреве яиц несколько меньше. Они, как правило, первыми возвращаются к гнезду после удаления источника беспокойства. Однако встречаются пары, в которых самки агрессивны более самцов, а доля участия последних в охране территории соответственно ничтожна (Андрющенко, 1997).

В целом, репродуктивный период красавки на исследуемой территории длится с третьей декады апреля по вторую половину августа. Растянutosть его, по-видимому, связана с наличием повторных кладок.

Во второй половине августа кочующие журавли начинают перемещаться в места формирования предотлетных скоплений. К концу августа, в результате слияния разрозненных группировок, в поймах рек (Б. и М. Узени) образуются скопления журавлей, достигающие 173 особей (1999 г.). В это время птицы держатся близ мелководных водоемов. Дневной и ночной отдых журавли проводят на удаленных от берега мелководьях, кормятся на прилегающих участках целины и на убранных сельскохозяйственных полях. Молодые птицы остаются в местах размножения или в сопредельных районах до сентября. Например, помеченный в Федоровском районе 24.08 молодой журавль был зарегистрирован через 19 дней в 80 км от места мечения 12.09 у с.

Новотулка Питерского района*. В первой половине сентября основная часть журавлей покидает скопления. Однако группы птиц, состоящие из 10-30 особей, в пределах исследуемой территории наблюдаются до начала октября. Так, например, 22 и 25.09.1998 г. в окрестностях населенных пунктов Орошаемый и Верхазовка Дергачевского района отмечены группы, состоящие из 14 и 27 особей соответственно.

Миграции птиц в направлении мест зимовок проходят через Западно-Казахстанскую и Волгоградскую области на юг и юго-запад в сторону Северного Прикаспия и Среднего Подонья. Путь дальнейшего их следования неизвестен; Предположительно он пересекает Запад Малой Азии, северо-запад Аравии; зимуют красавки, по-видимому, в Африке (Meine, Archibald, 1996).

После подъема птенцов на крыло происходит их объединение. В начале они встречаются на гнездовых участках или вблизи мест гнездования, в дальнейшем связь с гнездовыми участками становится менее прочной в результате возрастающей мобильности летных птенцов. Уже в середине августа наблюдается объединение семей и не участвующих в размножении птиц, образуются группы с численностью до нескольких десятков особей (от 14 до 65 особей, в среднем $29,4 \pm 6,76$). Молодые летные птицы длительное время сопровождаются родителями и в конце лета в составе семейных групп покидают территорию области. Холостые особи, не участвующие в размножении, мигрируют в составе больших стай. Осенний отлет не выражен: сроки миграции растянуты и приурочены к августу – сентябрю.

Изучение питания красавки в весенний период на территории Саратовского Заволжья основано на анализе содержимого экс-

* Авторы выражают благодарность сотрудникам научно-информационного центра кольцевания птиц ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва) за предоставленную информацию по Нижне-волжскому региону.

Таблица 3

Состав кормов журавля-красавки в весенний период, в % от общего числа кормовых объектов (сост. по: Капранова и др., 2000)

Food composition of the Demoiselle Crane in spring period in % from total number of food items (compiled according to Kapranova et al., 2000)

Корма	Food	I	II	III	IV	V
Растительные:	Vegetable:	65	70	61	71	58
- зерна пшеницы	wheat grains	10	10	11	32	23
- остатки колосьев	remains of ears	45	55	50	28	35
- стебли растений	stalks of plants	10	5	–	11	–
Животные:	Animal:	35	30	31	29	42
Orthoptera						
- <i>Gryllus campestris</i> L.		5	–	8	5	8
Coleoptera						
- <i>Carabus clathratus</i> L.		–	4	–	2	2
- <i>C. pannonicus</i> L.		–	5	–	–	–
- <i>Zabrus tenebrioides</i> Gz.		16	7	–	18	–
- <i>Copris lunaris</i> L.		4	–	–	–	2
- <i>Anisoplia segetum</i> Hbst.		–	2	11	–	–
- <i>Athous niger</i> L.		–	–	3	–	5
- <i>Agapanthia dahli</i> Richt.		3	–	–	–	3
Diptera						
		2	–	–	–	4
Arachnoidea						
		–	–	2	–	3
Неопределенные остатки	Indetermined remains	5	12	7	4	15

Примечание: I – пос. Фурманово Краснопартизанского района, II – пос. Грачев Куст Перелюбского района, III – пос. Лесной Дергачевского района, IV – пос. Солянка Озинского района, V – пос. Борисоглебовка Федоровского района.

Note: I-V – places of collecting.

крементов птиц, собранных в 1997-2000 гг. в непосредственной близости от их гнезд. В результате было обработано 98 проб, собранных в окрестностях пос. Фурманово Краснопартизанского района (n = 26), пос. Грачев Куст Перелюбского района (14), пос. Лесной Дергачевского района (23), пос. Солянка Озинского района (13) и пос. Борисоглебовка Федоровского района (12) (Капранова и др., 2000).

Лабораторный анализ содержимого проб показал, что в пищевом рационе журавлей в этот период доминирует пища растительного происхождения (семена зерновых культур, остатки прошлогодних коло-

сьев, стебли растений), составляя в разных выборках от 58 (Федоровский) до 71 % (Озинский район) от общего объема пищевых объектов (табл. 3). Животные журавлями добывались реже и в их питании они составили от 29 (Озинский) до 42 % (Федоровский район). Из них в рационе птиц заметно преобладают насекомые из отрядов прямокрылых (*Orthoptera*) и жесткокрылых (*Coleoptera*). Жуки, например, составили в пище журавлей 16, 18, 19, 20 и 25 % в Дергачевском, Перелюбском, Федоровском, Озинском и Краснопартизанском районах соответственно. В пищевом рационе красавок они представлены жуже-

лицами – золотоямчатой (*Carabus clathratus*), венгерской (*C. pannonicus*) и хлебной (*Zabrus tenebrioides*), копром лунным (*Copris lunaris*), кузькой посевным (*Anisoplia segetum*), щелкуном черным (*Athous niger*) и усачом подсолнечниковым (*Agapanthia dahli*). Из прямокрылых в пище птиц отмечен только сверчок полевой (*Gryllus campestris*). Кроме того, в экскрементах журавлей обнаружены остатки пауков (*Arachnoidea*).

Таким образом, трофическая специализация красавки в весенний период на территории Саратовской области заключается в добывании наиболее доступных видов кормов. В данном случае ими являются вегетативные части растений и обильные в этот период виды насекомых.

Пастушок (*Rallus aquaticus*). Редкая гнездящаяся птица области. В конце XIX ст. была наиболее обычна в северных районах Правобережья: известны неоднократные находки пастушка в Петровском (пр. Саткинский) и Хвалынском (пр. Адоевщинский) районах в 1876-1899 гг. (Радищев, 1899). В подтверждение этих данных нужно указать на существование чучела пастушка, добытого в окрестностях г. Хвалынска и хранящегося в местном краеведческом музее (Козловский, 1949). Р.А. Девишев (1975) указывал на летние встречи вида в период с 1962 по 1966 гг. на Хопре, Волге и Б. Иргизе. Ныне в гнездовой период распространение вида спорадичное. Встречается в большинстве районов Правобережья и северной части Левобережья. Обитает по заболоченным поймам рек и берегам стоячих, либо слабопроточных водоемов на территории Саратовского, Балашовского, Энгельского, Воскресенского, Марковского, Балаковского, Пугачевского и других районов (Красная книга..., 1996).

Скрытный образ жизни не позволяет достоверно оценить численность данного вида. Однако, в большинстве выделенных районов пастушок – редкая, малоизученная птица. Максимальная плотность населения пастушка в благоприятных местообитани-

ях составляет 1,8 пары/100 га (Хрустов и др., 1995). Сведения о гнездовании данного вида на территории области отрывочны.

По сведениям, обобщенным А.Л. Подольским (Красная книга..., 1996), первые весенние крики пастушка слышны 16-22.04. Гнезда располагаются на побережье стоячих водоемов различных типов, заросших тростником, рогозами, либо осокой. Гнездовые биотопы – заросли осок, камыша, рогоза, тростника, густые кустарниковые ивняки по старицам в поймах рек Идолга, Терешка, Медведица, Хопер, Б. Иргиз и др. и на зарастающих прудах и озерах, водоемах очистных систем. Полные кладки, состоящие из 6-10 яиц ($n = 6$; $7,8 \pm 0,60$), отмечаются с последних чисел апреля до третьей декады июня. Яйца характеризуются значительной изменчивостью размера и формы:

$$LD_{(24)} 33,8 - 37,2 \times 25,4 - 26,7;$$

$$xLD_{(24)} 36,2 \pm 0,12 \times 26,0 \pm 0,07 \text{ мм};$$

$$M_{(16)} 11,2 - 12,9; xM_{(17)} 12,1 \pm 0,08 \text{ г.}$$

Сроки осеннего отлета неизвестны. На территории области встречается в течение всего сентября.

Погоньш (*Porzana porzana*). Обычный гнездящийся вид. Распространен на севере Нижнего Поволжья достаточно широко. Населяет не только правобережные районы, но также встречается и на семиаридных участках Заволжья. Например, обычен на степных лиманах и лугах по р. Еруслану в Ровенском и Краснокутском районах (Волчанецкий, Яльцев, 1934), на прудах в Духовницком районе (Козловский, 1951). Кроме того, неоднократно отмечался на лугах в пойме р. Б. Иргиз и степных водоемах (Козловский, 1949). Р.А. Девишев (1975) указывал на летние встречи вида в период с 1962 по 1966 гг. на Хопре, Волге, Б. Узене и Б. Иргизе. Л.А. Лебедева (1967а) – на обычный характер встреч вида в 1960-1964 гг. во всей левобережной части поймы р. Волги.

Известны встречи этих птиц даже в пределах г. Саратова, например, в районе “Елшанки” в августе 1929 г. (Барабаш, Козлов-

ский, 1941). В пределах г. Саратова 15.05. 1946 г. добыта пролетная особь, вошедшая в состав научных фондов ЗМ СГУ (позднее утрачена). Не избегает на гнездование высоко урбанизированных территорий и ныне: А.Л. Подольский (1988) относит вид к числу размножающихся птиц областного центра. На редкий характер встреч размножающихся в верхней зоне Волгоградского водохранилища птиц указывает В.В. Пискунов (1994).

Данные по численности погоныша на севере Нижнего Поволжья весьма фрагментарны. Известно, например, что в пределах поймы р. Еруслана в Краснокутском районе в 1991-1993 гг. в гнездовой период плотность населения вида составила в среднем 0,25 ос./га гнездопригодных местообитаний. Сопоставимые результаты были получены на заливных лугах и в рогозовых зарослях в пределах поймы Волгоградского водохранилища в 1994-1996 гг. В.В. Пискуновым (1998), когда обилие вида здесь в гнездовой период было определено исследователем в 0,13 и 0,07 ос./га соответственно.

На места размножения первые птицы прилетают в последней декаде апреля – первых числах мая. Между тем, наиболее раннее появление вида в пределах сопредельного Старополтавского района Волгоградской области, например, было отмечено в 1950 г. 5.04 (Юдин, 1952).

Малый погоныш (*P. parva*). Редкий гнездящийся вид. Впервые в фаунистические списки Саратовской области внесен М.А. Радищевым (1903) на основании встреч в окрестностях (“в 4-х верстах”) г. Петровска на пр. Сагкинском. Р.А. Девишев (1975) приводит данные о встречах погоныша на наиболее крупных реках области – Хопре, Волге, Б. Иргизе и Б. Узене в 1962-1966 гг. в летний период. В качестве гнездящейся птицы территории областного центра приводит погоныша А.Л. Подольский (1988), однако указывает, что численность вида здесь постепенно сокращается. На обычный характер встреч размножающихся

в верхней зоне Волгоградского водохранилища птиц указывает В.В. Пискунов (1994).

Большинство других сообщений о регистрации вида относится к заволжским районам. Например, о размножении погоныша на прудах Духовницкого района в конце первой половины XX ст. сообщал П.Н. Козловский (1951). В пределах некоторых из них (Балаковский, 13 и 14.06.1939 г.) встречи этих птиц в то время были обычны. Л.А. Лебедева (1967б) указывала на распространение вида в 1960-х гг. по всему Саратовскому Левобережью.

Из правобережных районов в этом отношении следует выделить прежде всего Балашовский, где, например, в окрестностях с. Тростянки на большинстве озер площадью менее 0,5 га гнездились по несколько пар (Козловский, 1949). В пойменных рогозовых зарослях в верхней зоне Волгоградского водохранилища в пределах Саратовской области В.В. Пискуновым (1998) в гнездовой период 1994-1996 гг. было учтено 21,5 ос./км².

Первые брачные крики на искусственных водоемах в пределах сопредельного Старополтавского района Волгоградской области, например, были отмечены весной 1950 г. уже 3.05 (Юдин, 1952).

Погоныш-крошка (*P. pusilla*). Редкая гнездящаяся птица. Литературные сведения о пребывании данного вида на территории Саратовской области отрывочны. По сведениям, обобщенным А.Л. Подольским (Красная книга..., 1996), известны единичные встречи погоныша в Саратовском, Энгельском, Ровенском, Марксовском, Татищевском и Балашовском районах. Например, В.В. Пискунов (1996) указывает на встречу вида (2 токующих самцов) 4.05. 1995 г. на очистных прудах в Энгельском районе.

Встречи погоныша-крошки на территории области носят единичный характер. Определение современной численности данного вида и выяснение особенностей его биологии связаны с определенными труд-

ностями, так как гнездовые участки этих птиц, как правило, граничат с индивидуальными участками малого погоныша, от которого в полевых условиях погоныш-крошка трудно отличим. Общая численность данного вида в европейской части России, очевидно, не превышает 500-2000 пар (Birds in Europe..., 1994).

Сведения об особенностях биологии данного вида на территории Саратовской области малочисленны. Известно, что в весенний период первые крики погоныш-крошки можно услышать в третьей декаде апреля. Местообитаниями этих птиц являются стоячие либо слабопроточные водоемы открытых ландшафтов, старицы рек Правобережья, заросли околоводной растительности, произрастающие по берегам проток и плесов верхней зоны Волгоградского водохранилища. Полные кладки, состоящие из 8-10 яиц, регистрируются с начала мая по середину июня. Гнезда располагаются на кочках либо на заламах тростника. Сроки осенних миграций вида не известны.

Коростель (*Crex crex*). Редкий гнездящийся вид. Распространение коростеля на территории Саратовской области характеризуется мозаичностью, плотность населения вида повсеместно крайне низка. Наиболее стабильные гнездовые популяции этих птиц известны для долины верхней зоны Волгоградского водохранилища. В прошлом (Волчанецкий, Яльцев, 1934) был обычен и в заволжских районах: населял, например, окраины степных лиманов и луга вдоль р. Еруслан. Кроме того, относился к числу обычных или даже многочисленных птиц в гнездопригодных местообитаниях поймы р. Б. Иргиз (Козловский, 1949), прудов Духовницкого района (Козловский, 1951), ольшаников Правобережья (Козловский, 1957). Было достоверно подтверждено размножение вида и в окрестностях с. Дурасовки Лысогорского района, где эта птица относилась к редким видам (Девисhev, Катагарова, 1961).

В прошлом считался обычной птицей

разнообразных околоводных станций в пределах всей области, поэтому специальных исследований, направленных на определение численности вида не проводилось. Именно поэтому сведения о плотности населения коростеля в различных частях области носят разрозненный характер. Известно, например, что в июне 1940 г. в пойме р. Б. Иргиз в окрестностях с. Наумовки (Балаковский район) численность вида составляла 1,5 ос./км маршрута; аналогичные показатели были получены в августе 1937 г. в Кошелевском затоне у с. Усовки (Козловский, 1949).

Катастрофическое снижение численности, затронувшее популяции в пределах всего ареала вида в 1970-1980-е гг., привело к сокращению распространения коростеля и в Саратовской области. Вид исчез из многих мест прежнего обитания, особенно наглядно проявились эти процессы в отношении заволжских популяций. В настоящее время приводится в числе редких видов птиц Приерусланской степи (Опарин и др., 2000), известны его встречи в пойме р. Б. Иргиз и др.

Для определения современного состояния наиболее стабильных остаточных популяций этих птиц были проведены специальные исследования, которые выполнялись в рамках общероссийской программы при содействии Союза охраны птиц России. С этой целью в марте-сентябре 1994-1995 гг. в утренние и вечерние часы проведены учеты численности и проанализирована сезонная динамика плотности населения вида в наиболее типичных для обитания коростеля станциях. Использован метод модельных площадок, заложенных на участках заливных лугов на территории Саратовского, Воскресенского, Энгельсского и Марковского районов, прилегающих к р. Волге. Плотность населения коростеля (для самцов и самок вместе) в выделенных местообитаниях составляет для репродуктивного периода 0,3 ос./га; в осеннее время численность вида несколько увеличивается (0,6 ос./га). В пойме верхней зоны Волгоград-

ского водохранилища на территории выше-названных районов площадь лугов выделенного типа, которые используются в качестве сенокосов, составляет 7,24 км². Таким образом, численность птиц, обитающих на изучаемой территории в весенне-летний период составляет около 200 особей. Обилие птиц незначительно варьирует по сезонам и снижается лишь в годы, характеризующиеся более длительным паводком. Сопоставимые результаты были получены на заливных лугах в пределах поймы Волгоградского водохранилища в 1994-1996 гг. В.В. Пискуновым (1998), обилие вида здесь в гнездовой период было определено исследователем в 0,7 ос./га.

Первые птицы на местах гнездования появляются в начале мая, и уже к началу второй декады этого месяца отмечается пик миграции. Так, в окрестностях пос. Камышки Александрово-Гайского района наиболее массовый пролет был зарегистрирован 15.05.1941 г. (Козловский, 1949). Обитание вида связано с пойменными и островными экосистемами, характеризующимися высокими показателями увлажнения. Как правило, птицы поселяются на участках заливных лугов, растительный покров которых образован тростниково-разнотравными и таволго-двуклесточниковыми ассоциациями. Флористический состав разнотравья непостоянен и зависит от уровня участка. В сообществах травянистых растений, доминирующих на местах гнездования коростеля, преобладают осока ранняя, череда трехраздельная, бодяк полевой (Шляхтин и др., 1994), костер береговой, подмаренник болотный, марь многосеменная, горец перечный, вейник сероватый, спаржа лекарственная, зюзник высокий, алтей лекарственный, чина луговая, горошек мышиный, чистец болотный.

Число яиц в кладке изменяется от 6 до 11:

$$LD_{(18)} 33,3 - 37,0 \times 25,0 - 25,8;$$

$$xLD_{(18)} 35,5 \pm 0,16 \times 25,3 \pm 0,04 \text{ мм.}$$

Осенние перемещения коростелей становятся заметными уже в августе, однако

последние птицы покидают территорию области в первой декаде ноября.

Камышница (*Gallinula chloropus*). Обычная гнездящаяся птица области. В прошлом распространение вида было более ограниченным. Первое достоверное гнездование, подтвержденное добычей самки с яйцом в яйцевоме в Петровском районе (пр. Саткинский), датировано маем 1889 г. (Радищев, 1903). Позднее случаи гнездования стали носить обычный характер: размножение камышницы было достоверно подтверждено находкой в сентябре 1928 г. ювенильных птиц даже в пределах областного центра (Барабаш, Козловский, 1941). В пределах г. Саратова гнездится и в настоящее время, на что, в частности, указывает А.Л. Подольский (1988), отмечая сокращение численности камышницы на урбанизированных ландшафтах. Наиболее обычны эти птицы были по берегам малых рек, таких как Хопер, Б. Иргиз и Еруслан (Козловский, 1949). Размножение вида в Юго-западном Заволжье подтверждалось коллекционными сборами Н.П. Яльцева, который добывал этих птиц 24.06.1930 г. на озере у с. Фриденберг и 28.07.1928 г. в затопленном ольховом лесу в окрестностях х. Теркина Зельманского кантона АССР НП.

Численность в наиболее благоприятных местообитаниях относительно высока. Например, в условиях береговой линии верхней зоны Волгоградского водохранилища в пределах Воскресенского района по результатам учетов 1987-1993 гг. плотность населения вида варьировала от 2,5 до 8,2 пары/км береговой линии (Шляхтин и др., 1994). В пойменных ивняках, тростниковых и рогозовых зарослях верхней зоны Волгоградского водохранилища в пределах изучаемого региона В.В. Пискуновым (1998) в гнездовой период 1994-1996 гг. было учтено 53,1, 30,1 и 34,3 ос./км² соответственно.

Прилет на места гнездования относительно поздний: в репродуктивных районах на севере Нижнего Поволжья большинство птиц появляется лишь в середине мая. По-

селяется на стоячих и проточных водоемах различных типов. Гнезда устраивает, как правило, в зарослях рогоза, тростника или в ивняках, частично затопленных водой. Они представляют собой массивную компактную кучу из сухих стеблей и листьев тростника, рогоза: $H - 120-145$, $h - 35-50$, $D - 190-270$, $d - 90-120$ мм. Через одну-две недели после прилета птицы уже приступают к откладке яиц. Кладка состоит из 7-12 ($n = 7$) весом 20,0-24,6 г:

$LD_{(29)}$ 41,2 – 45,6 x 29,9 – 32,5;

$xLD_{(29)}$ 43,7 ± 0,18 x 30,9 ± 0,12 мм.

Репродуктивный период камышницы на исследуемой территории длится со второй половины мая по первую половину августа. Растянutosть его, по-видимому, связана с наличием повторных кладок. Например, летом 1954 г. в окрестностях с. Б. Дмитриевка Лысогорского административного района П.Н. Козловский (1955) спаривание камышниц регистрировал с 12 по 20.06. Между тем, на пр. Девичий у центральной усадьбы заказника “Степной Саратовский” в Федоровском районе вылупление птенцов отмечено уже 18.06.1987 г. Приблизительно в этот же период (19 и 23.06.1962 г.) проводила свои наблюдения и Л.А. Лебедева (1967б), когда автором на р. Алтата было зарегистрировано два гнезда с 4 яйцами и одним пуховичком в каждом.

Скрытность птиц, а также то, что выводки часто распадаются и водятся самцом и самкой отдельно, не позволяют достоверно определить успешность репродукции. Так, в 9 случаях было отмечено от 4 до 7 пуховичков, что в среднем составило 4,2 птенца в выводке.

После поднятия птенцов на крыло осенние перемещения птиц становятся заметными уже в конце августа. Последние встречи небольших групп или одиночных птиц были отмечены 7.09.1998 г. и 12.09. 2000 г. в Ровенском и Новоузенском районах.

Султанка (*Porphyrio porphyrio*). Редкий залетный вид. В фаунистические списки области внесена на основе единственного сообщения В.Н. Мосейкина (2000) о

случае добычи охотником взрослой птицы на волжских островах в Ровенском районе в августе 1998 г. Несмотря на то, что определение видовой принадлежности проводилось автором на основании осмотра крыла добытой особи и исследователь не сомневается в его правильности, мы склонны рассматривать приведенные им материалы как достаточно сомнительные. Проведенные нами поиски данных о более точных обстоятельствах регистрации султанки в последующий после появления сообщения период не дали положительных результатов.

Лысуха (*Fulica atra*). Обычная гнездящаяся перелетная птица. Встречается в области повсеместно, местами являясь многочисленным видом водно-болотных местообитаний. В настоящее время гнездится даже в пределах г. Саратова, на что, в частности, указывает А.Л. Подольский (1988), отмечая сокращение численности лысухи на урбанизированных ландшафтах.

Наибольших показателей плотность населения лысухи достигает в левобережной части. Уже в прошлом Духовницкий, Пугачевский и, особенно, Дергачевский районы выделялись как места максимальной концентрации этих птиц (Козловский, 1949). Большинство встреч вида как в гнездовой, так и в миграционный периоды было приурочено к бассейну рек Б. Иргиз и Хопер (на их долю здесь приходилось 23 и 13 % от общего количества отмеченных водоплавающих), тогда как лысухи совсем не были зарегистрированы, например, в 1962-1966 гг. на р. Терешке (Девышев, 1968).

В отношении верхней зоны Волгоградского водохранилища максимальная численность вида (20-30 пар/км береговой линии) отмечалась в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда здесь сложились условия, близкие к оптимальным. В этот период на вновь образованном водохранилище куртинные заросли рогоза сменялись ленточно-куртинными, а площади, занятые погруженной водной растительностью (роголистник, пронзеннолистный и блестящий рдесты, уруть, элодея), увеличивались. Такая си-

туация сохранялась около 10 лет, после чего начался период постепенного снижения численности вида в долине р. Волги. На сегодняшний день этот процесс несколько стабилизировался на отметках 1-2 пары/км береговой линии, однако резкие колебания уровня воды в водохранилище в гнездовой период приводят зачастую к гибели большого числа кладок (например, в ур. Черные воды в 1999 г. до 83 %). Современная плотность населения лысухи в тростниковых и рогозовых зарослях верхней зоны Волгоградского водохранилища, по данным В.В. Пискунова (1998) составляет в гнездовой период (наблюдения 1994-1996 гг.) 34,0 и 93,9 ос./км² соответственно.

Прилетает на места размножения в первой декаде апреля. Р.А. Девишев (1968) в качестве сроков наиболее активной миграции указывает вторую декаду этого месяца. На гнездовании встречается на всех типах водоемов, имеющих хорошо развитую высшую надводную растительность. Поселяется, как правило, небольшими колониями, расстояние между гнездами в которых может достигать 50-70 м. Одна из таких колоний была, например, выявлена Л.А. Лебедевой (1967б) летом 1962 г. в долине р. Б. Узень в окрестностях с. Крепость Узень Новоузенского района. Известны многочисленные примеры и равномерного распределения размножающихся пар в пределах гнездопригодных местообитаний.

Гнезда лысух имеют относительно стабильные размеры независимо от характера расположения и гнездового материала:

$$\begin{aligned} DH_{(15)} & 30 - 42 \times 9 - 14, \\ xDH_{(15)} & 35,6 \pm 0,56 \times 12,2 \pm 0,24 \text{ мм}, \\ dh_{(15)} & 20 - 25 \times 5 - 8, \\ xdh_{(15)} & 22,1 \pm 0,28 \times 6,8 \pm 0,14 \text{ мм}. \end{aligned}$$

К откладке яиц приступает в середине мая и уже в конце этого месяца – первых числах июня на большей части территории области отмечаются полные кладки, состоящие из 7-14 яиц, в среднем ($n = 17$) 8,1 ± 0,51 яйца. Их размеры:

$$\begin{aligned} LD_{(49)} & 50,8 - 56,0 \times 34,2 - 37,5, \\ xLD_{(49)} & 52,8 \pm 0,15 \times 35,8 \pm 0,09 \text{ мм}; \end{aligned}$$

$$M_{(19)} 34,5 - 39,3, xM_{(19)} 36,9 \pm 0,28 \text{ г.}$$

Например, насиженная кладка из 8 яиц была найдена П.Н. Козловским (1949) в окрестностях центральной усадьбы совхоза “Орошаемый” Дергачевского района 13.06.1938 г., два гнезда с 10 ненасиженными яйцами зарегистрированы Л.А. Лебедевой (1967б) 26.05.1962 г. на озере у с. Крепость Узень Новоузенского района. Именно с этого периода начинают регистрироваться и молодые пуховые птенцы в составе выводков. Известно и более раннее размножение лысухи в Заволжье. Так, на степном пруду площадью около 1,5 га в пределах заказника “Степной Саратовский” 12.05.1986 г. было отмечено 7 гнезд вида с 3, 13, 9, 12, 8, 12 и 10 яйцами. Подъем уровня воды, который отмечался в данном сезоне в конце мая, привел к гибели более 87 % отложенных яиц. Повторный анализ, проведенный на пруду 1.06.1986 г., позволил выявить существование лишь 4 жилых гнезд, два из которых содержали неполные повторные кладки, а в уцелевших яйцах в это время проклевывались птенцы. Большинство встреч лысух с выводками приходится на последнюю декаду июня – начало июля. К этому периоду, например, приурочены наблюдения Л.А. Лебедевой (1967б) за выводками вида на пр. Камышлак Озинского района (9.07.1961 г.) и р. Алтата вблизи земель совхоза “Орошаемый” Дергачевского района (20.06.1962 г.).

Характеристика миграций лысухи на севере Нижнего Поволжья значительно затрудняется вследствие малого количества данных кольцевания, полученных из этого региона. Именно поэтому приводимые далее рассуждения определяют основные миграционные направления лысух, пересекающих Саратовскую область во время пролета или размножающихся здесь, лишь в вероятностном аспекте. Вместе с тем, представленное может, очевидно, генерировать основную направленность дальнейших исследований в отношении перелетов вида, а основные предположения могут использоваться в качестве рабочих гипотез.

Основное положение, высказывавшееся в отношении нижеволжских поселений лысух и ранее (Блум, Лицбарский, 1982), заключается в отнесении их к смешанному типу, когда зимовки птиц приурочены к совершенно различным территориям, включающим Средиземное, Черное и Каспийское моря, а также континентальные водоемы Англии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Германии и других западноевропейских стран. На последний факт в частности указывает встреча, очевидно, гнездящейся в долине р. Волги на долготе $51^{\circ}11'$ особи, окольцованной на зимовке в Западной Европе. На связь мест зимовки части лысух из изучаемого региона с восточным Азербайджаном, Ираном и, вероятно, Израилем косвенно указывают находки в Астраханской области в сентябре – октябре, очевидно, мигрирующих с севера птиц, окольцованных ранее на территории этих стран.

Кроме того, помеченные на Окско-Донской равнине (в том числе и в Саратовской области) лысухи отмечались позднее на зимовке и путях миграции как в долине Днепра и на западном Каспии (прямые возвраты), так и в верховьях Северского Донца и на Волго-Донском канале (непрямые возвраты). Известен и весенний израильский возврат от птицы, помеченной 22.09 в пределах выше упомянутой равнины. Для птиц, родившихся в пределах изучаемого региона, также существуют материалы кольцевания, которые могут быть использованы в данном контексте. Так, известен один прямой и один непрямой возвраты, полученные от молодых лысух, чьим местом выведения является Балашовский район. В первом случае окольцованная 11.08 еще, очевидно, нелетной, птица спустя 39 дней была добыта в Житомирской области Украины в 1017 км от места мечения. В другом, молодая лысуха из этого же репродуктивного района спустя 370 дней после кольцевания зарегистрирована в Днепропетровской области Украины 8.08 уже, очевидно, на пути к месту зимовки. Все это указывает на возможную связь зимовок правобереж-

ных саратовских поселений в большей степени с Западной Европой и Средиземноморьем, в меньшей – с Западным Прикаспием. В этом отношении следует все же упомянуть прямой возврат, полученный от молодой птицы, которая была окольцована 5.08 в месте вылупления и развития в Балашовском районе и добыта спустя 76 дней (20.10) в Махачкалинском районе Дагестана.

Птицы из Заволжья, очевидно, напротив, в качестве миграционных путей используют, главным образом, долину р. Волги и следуют к местам зимовки в Азербайджане и более южных странах вдоль западного побережья Каспийского моря. Вместе с тем, теоретически не исключается возможность зимовки лысух из саратовских заволжских популяций в Западной Европе и на востоке Каспия. Здесь уместно еще раз обратиться к фактическим данным и указать на прямой возврат, полученный 23.08 в Вольском районе от ранее (9.07) окольцованной в Балаковском районе лысухи. Первичное направление миграции лежит в асимуте средиземноморских и черноморских зимовок вида, однако малая удаленность последней регистрации от места кольцевания и приуроченность последнего не к типичным заволжским степным водоемам, а к долине р. Волги делают интерпретацию возврата не однозначной.

Таким образом, следуя терминологии П.Н. Блума и Х. Литцбарского (1982) и предшествующих исследователей, считаем возможным отнести лысух из изучаемого региона к европейской, каспийско-западно-сибирской и азовско-черноморской географическим популяциям. Смешанный характер населения этих птиц на севере Н. Поволжья может поддерживаться, очевидно, и за счет натальной и гнездовой дисперсии лысух, характер и интенсивность которой пока до конца не выяснены.

Анализ сроков осеннего отлета основан на материалах визуальных наблюдений и подтверждается довольно скудными данными кольцевания. Вместе с тем, очевидно,

нам удалось достаточно объективно определить сроки и основные особенности отлета и пролета лысух на севере Нижнего Поволжья. Так, отлет как молодых, так и взрослых птиц с водоемов вылупления и развития или размножения происходит в различных частях области в разные сроки, а его начало определяется, главным образом, степенью антропогенного пресса на гнездовые станции. В местообитаниях, где фактор беспокойства птиц достаточно велик (например, вследствие начала осенней охоты), молодые лысухи могут покидать водоемы сразу же после приобретения способности к полету, т. е. на 70-80-й день после вылупления. С этим же периодом может быть связан и отлет взрослых птиц с территорий с высоким антропогенным фоном. Таким образом, в середине августа до открытия осеннего сезона охоты еще многие молодые лысухи находятся в местах своего рождения. На это, в частности, указывает прямой возврат, полученный 14.08 в Балаковском районе от ранее (24.07) помеченной здесь же птенцом молодой птицы. В естественных станциях начало заметной миграции приходится на последнюю пентаду августа – первые числа сентября, когда довольно резко часть птиц покидает изучаемый регион. Анализ данных кольцевания показывает, что четыре прямых и один непрямой возвраты, полученные от молодых птиц и лысух второго года жизни из Саратовской области в период с 28.08 по 6.09, располагались в азимуте 211-274°, а средняя дистанция для них составила 53 км.

Особых различий в общей картине осенних перемещений (как трофических, так и транзитных) молодых и взрослых птиц выявить не удается. Вместе с тем, постепенное снижение доли взрослых особей в добыче охотников при продвижении от первой декады сентября к октябрю косвенно указывает на несколько более поздний отлет молодых птиц из районов вылупления. В качестве иллюстрации данного мнения можно было бы привести пример, основанный на добыче в Советском районе Белго-

родской области 9.09 лысухи, которая за 395 дней до этого была окольцована в месте рождения в Балашовском районе Саратовского Правобережья в 343 км от района последней регистрации. Однако этот пример может использоваться без определенных оговорок лишь при отсутствии в отношении данной особи натальной дисперсии, что в конкретной ситуации можно лишь предполагать.

Существует указание (Девишев, 1968) на приуроченность интенсивного пролета вида к 30.08. Между тем, нами волнообразность миграции не выявлена, ее пик приходится на последнюю декаду сентября, а постепенное затухание пролета и отлета отмечается в последней декаде октября. Например, именно в период наиболее активной миграции в конце сентября (30.09.1929 г.) был добыт самец лысухи Н.П. Яльцевым на пруду у с. Каны Зельманского кантона АССР НП. Известна и более поздняя дата пребывания вида в области: Л.А. Лебедевой в состав научных фондов ЗМ СГУ была передана научно-коллекционная шкурка лысухи, добытой 16.10.1970 г. на р. М. Иргиз у с. Макарьево Балаковского района. Встречи лысух на севере Нижнего Поволжья в ноябре крайне редки.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрющенко Ю.А. (1997): Положение украинской группировки журавля-красавки в пределах мировой популяции вида. - Беркут. 6 (1-2): 33-46.
- Барабаш И.И., Козловский П.Н. (1941): Материалы по авифауне Нижнего Поволжья. - Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. Тр. фак-та естествозн. Саратов. 7: 162-173.
- Блум П.Н., Лицбарский Х. (1982): Лысуха – *Fulica atra* L. - Миграции птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Хищные – журавлеобразные. М. 209-273.
- Бостанжогло В.Н. (1911): Орнитологическая фауна Арало-Каспийских степей. - Мат-лы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоологии. 11: 1-410.
- Букреев С.А., Чернобай В.Ф. (2000): Значение Прильготня для охраны птиц - Проблемы природопользования и сохранения биоразнообразия в условиях опустынивания: Материалы Межрегион. науч.-практич. конф. Волгоград. 137-141.
- Варшавский С.Н., Тучин А.В., Щепотьев Н.В. (1994): Птицы Саратовской области. - Орнитофауна Са-

- ратовской области (в помощь учителям биологии). Саратов. 14-62.
- Волчанецкий И.Б. (1937): К орнитофауне Волжско-Уральской степи. - Тр. НИ Зоолого-биологического ин-та. Сектор экологии. Харьков. 4: 23-78.
- Волчанецкий И.Б., Яльцев Н.П. (1934): К орнитофауне Приерусланской степи АССРНП. - Уч. зап. Саратов. гос. им. Н.Г. Чернышевского ун-та. Саратов. 11 (1): 63-93.
- Воробьев Н. (1895): Связь метеорологических колебаний с периодическими явлениями в жизни птиц. - Охотничья газета. М. 2: 26-27.
- Девিশев Р.А. (1968): О водоплавающих птицах Саратовской области. - Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование. М. 1: 67-78.
- Девিশев Р.А. (1975): Состав, численность, воспроизводство водоплавающих птиц Саратовской области. - Тр. компл. экспедиции Саратов. ун-та по изуч. Волгогр. и Саратов. вдхр. Саратов. 4: 113-123.
- Девিশев Р.А., Чепрыгина В.С., Свириденко В.Т. (1971): Достопримечательности живой природы. - Природа родного края. Саратов. 232-245.
- Девিশев Р.А., Катагарова С.П. (1961): Повидовое и количественное размещение птиц по биотопам лесополья саратовского Правобережья. - Распрост. ценных и огран. распрот. вредных животных в Саратов. области: Тез. докл. научно-произв. совещ. Саратов. 14-17.
- Капранова Т.А., Андриющенко Ю.А., Завьялов Е.В., Табачинский В.Г. (2000): Питание красавки *Anthropoides virgo* в агроландшафтах саратовского Заволжья в предгнездовой период. - Рус. орн. ж. Экспресс-вып. 107: 20-22.
- Козлов П.С. (1950): Птицы леса. Саратов. 1-119.
- Козлов П.С. (1953): ПERNATые путешественники. Саратов. 1-80.
- Козловский П.Н. (1949): К орнитофауне Саратовской области. - Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. Фак-т естествозн. Саратов. 13: 55-126.
- Козловский П.Н. (1951): К орнитофауне степных прудов Саратовской области. - Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. Фак-т естествозн. Саратов. 16: 83-92.
- Козловский П.Н. (1955): К фауне охотничье-промысловых зверей и птиц Саратовской области. - Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. Фак-т естествозн. Саратов. 19: 174-194.
- Козловский П.Н. (1957): О распределении птиц по местообитаниям в Саратовской области. - Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. Фак-т естествозн. Саратов. 28: 136-156.
- Красная книга Саратовской области: Растения, грибы, лишайники. Животные. (1996): Саратов. 1-264.
- Лебедева Л.А. (1967а): Птицы саратовского Заволжья (эколого-фаунистические особенности орнитофауны). - Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Саратов. 1-19.
- Лебедева Л.А. (1967б): Птицы саратовского Заволжья (эколого-фаунистические особенности орнитофауны). - Дис. ... канд. биол. наук. Саратов. 1-220.
- Мосейкин В.Н. (2000): Новые орнитологические находки в Саратовской области - Рус. орн. ж. Экспресс-вып. 104: 3-7.
- Нейфельдт И.А., Флинт В.Е. (1982): Состояние популяций стерха, серого и черного журавлей и журавля-красавки на местах гнездования в СССР. - XVIII Междунар. орнитол. Конгресс: Тез. докл. М. 93-94.
- Опарин М.Л., Опарина О.С., Кондратьев Г.П. и др. (2000): Динамика природных комплексов подзоны сухих степей Заволжья в XX столетии на примере Приерусланской степи. - Проблемы природопольз. и сохран. биоразнообразия в условиях опустынивания: Мат-лы Межрегион. научно-практич. конференции. Волгоград. 26-30.
- Осоков П.А., Коростелев Н.А., Гаврилов Н.Г., Сырнев И.Н. (1901): Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. - Россия: Полное географ. описание нашего отечества. Настольн. и дорожн. книга для русских людей. СПб. 6: 88-95.
- Пискунов В.В. (1994): Орнитофауна островов верхней и средней зон Волгоградского водохранилища. Саратов. 1-16. Деп. в ВИНТИ 01.12.94. № 2754-В94.
- Пискунов В.В. (1996): Орнитологические находки последних лет. - Фауна Саратов. области: Проблемы сохран. редких и исчез. видов. Саратов. 1 (1): 113-114.
- Пискунов В.В. (1998): Влияние природных и антропогенных факторов на структуру и динамику сообществ птиц в пойменно-островных экосистемах Волгоградского водохранилища. - Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Самара. 1-22.
- Подольский А.Л. (1988): К орнитофауне Саратова. - Вопр. экологии и охраны природы в Нижнем Поволжье. Структура и организация популяций и экосистем. Саратов. 99-105.
- Радищев М.А. (1899): Материалы к познанию орнитофауны Саратовской губернии. Хвалынский уезд. - Тр. Саратов. об-ва естествоисп. и любителей естествозн. 1 (1): 43-79.
- Радищев М.А. (1903): Материалы к познанию орнитофауны Саратовской губернии. - Тр. Саратов. об-ва естествоисп. и любителей естествозн. 4 (1): 20-22.
- Судиловская А.М. (1951): Отряд Журавли. - Птицы Советского Союза. М. 2: 103, 111.
- Флинт В.Е., Панчешникова Е.Е. (1985): Серый журавль - *Grus grus* L. - Миграции птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Журавлеобразные - ржанкообразные. М. 23-24.
- Хрустов А.В., Подольский А.Л., Завьялов Е.В. и др. (1995): Редкие и исчезающие птицы Саратовской области. - Рус. орн. ж. М. 4 (3/4): 125-142.
- Чернобай В.Ф. (1992): Редкие и исчезающие позвоночные животные. - Красная книга: Редкие и охраняемые растения и животные Волгоградской области. Волгоград. 90-106.
- Шляхтин Г.В., Мосейкин В.Н., Хрустов А.В. (1993): Редкие и исчезающие виды птиц и млекопитающих Саратовской области. - Краеведческие чтения: докл. и сообщ. 1-3 чтений. Саратов. 80-84.

- Шляхтин Г.В., Беляченко А.В., Каширская Е.В., Завьялов Е.В. (1994): Генезис и пространственно-временная структура экотонной верхней зоны Волгоградского водохранилища. - Биология, экология, биотехнология и почвоведение. М. 76-91.
- Юдин К.А. (1952): Характеристика фауны птиц района Валуевской опытно-мелиоративной станции (Сталинградская область). - Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 11: 235-264.
- Birds in Europe: their conservation status. (1994): Cambridge, U.K.: BirdLife International. 3: 34-111.

- Meine C.D., Archibald G.W. (1996): The cranes: Status survey and conservation action plan. IUCN, Gland, Switzerland and Cambridge, U.K. 1-294.

*Е.В. Завьялов,
ул. Астраханская, 83, Саратовский ун-т,
каф. морфологии и экологии животных.
410026, г. Саратов,
Россия (Russia).*

Книжковая полка

ЗООЛОГІЧНІ ЖУРНАЛИ В ІНТЕРНЕТІ

Acta Zoologica Cracoviensia
<http://www.isez.pan.krakow.pl/journals/acta.htm>

Acta Zoologica Fennica
<http://sekj.pc.helsinki.fi/>

African Zoology
<http://www.up.ac.za/academic/acadorgs/zssa/journal/journal.html>

Animal Behaviour
<http://www.academicpress.com/anbehav>

Animal Research
<http://www.edpsciences.org/docinfos/INRA-ANIMAL/welcome.html>

Animal Welfare
<http://www.users.dircon.co.uk/~ufaw3/animalwelfare.htm>

Behavioral Ecology
<http://beheco.oupjournals.org/contents-by-date.0.shtml>

Bioacoustics
<http://www.zi.ku.dk/zi/bioacoustics/homepage.html>

Bird Observer
<http://massbird.org/birdobserver/>

Birders Journal
<http://www.birdersjournal.com/>

Birding
<http://208.56.18.90/publications/bdgggen.htm>

BWP Update
<http://www.bwp.oupjournals.org/?m>

Folia Biologica
<http://www.isez.pan.krakow.pl/journals/fofia.htm>

Israel Journal of Zoology
<http://www.laserpages.net/zoology.html>

Italian Journal of Zoology
<http://www.scienzemfn.uniroma1.it/uzi/itjz.htm>

Journal of Morphology
http://www.wiley.com/legacy/products/subject/life/anatomy/anat_jmor.html

Marine Ornithology
<http://www.marineornithology.org/>

Zoo Biology
<http://www.interscience.wiley.com/jpages/0733-3188/>

Zoology
http://www.urbanfischer.de/journals/frame_template.htm?/Journals/zoology/zoology.htm

Zoological Journal of the Linnean Society
<http://www.academicpress.com/zoojls>

Zoological Record
http://www.biosis.org/products_services/zoorecord.html

Zoologischer Anzeiger
http://www.urbanfischer.de/journals/frame_template.htm?/journals/zoolanz/zoolanz.htm

Zoomorphology
<http://link.springer.de/link/service/journals/00435/index.htm>

ДИНАМИКА БИОТОПИЧЕСКОЙ ПРИУРОЧЕННОСТИ И ЧИСЛЕННОСТИ ДРОФЫ В САРАТОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ В ПРЕДМИГРАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В.Г. Табачишин, А.В. Хрустов, Е.В. Завьялов, Ю.А. Андриющенко,
Г.В. Шляхтин, А.Н. Маликов, Т.А. Капранова, О.А. Рубан

Great Bustard in territory to the east of the Volga opposite Saratov: numbers and biotopic trends before migratory displacement. - V.G. Tabachishin, A.V. Khrustov, E.V. Zavyalov, Y.A. Andryushchenko, G.V. Shlyakhtin, Malikov A.N., T.A. Kapranova, O.A. Ruban. - *Berkut*. 10 (1). 2001. - The present estimate of the Great Bustard numbers has its base in the route records, performed in September, 15 – October, 15 1999 over the territory of 45000 km² to the east of the Volga opposite Saratov and makes 2647 birds. As this being so, Great Bustards distribution over the territory is patchy at the time. The species distribution has demonstrated evident dependence on various agrocenoses, where cereal and industrial crops are cultivated. Fragmented distribution of the birds results from a number of both natural and man-induced factors, the governing one of which is food sustainability of the territory. High values of both abundance rate and population density of Great Bustards to the east of the Volga opposite Saratov testify that the studied territory is of vital importance in existence and conservation of the Bustards species. The results obtained in the course of the study should hopefully serve as a reliable basis for further research and monitoring of breeding Great Bustard for the purpose of conservation intervention for this population. [Russian].

Key words: Great Bustard, *Otis tarda*, Saratov region, abundance, ecology, habitat distribution, arable landscape.

Address: V.G. Tabachishin, Severtsov Research Institute for evolution and ecology problems, Saratov branch, RAS, Rabochaya str. 24, 410028 Saratov, Russia; e-mail: hrustovav@forpost.ru.

Введение

Дрофа (*Otis tarda*) – редкий и исчезающий вид, она внесена в Красные книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов, России и Саратовской области (Красная книга..., 1996), а также в аналогичные документы многих стран, на территории которых обитает.

До середины прошлого века дрофа населяла в России территорию в пределах степной зоны от Украины на западе до Забайкалья и Приамурья на востоке. При этом достаточно надежных и конкретных сведений о численности ее в этот период нет. Анализ литературы позволяет говорить лишь о том, что дрофа в те времена была достаточно многочисленным и обычным гнездящимся видом, в том числе и в пределах Саратовской области, где численность ее составляла многие десятки тысяч особей (Левшин, 1813; Богданов, 1871; Мензбир, 1900). В дальнейшем интенсивное освоение степных и лесостепных ландшафтов,

прямое истребление и ряд других факторов в начале XX в. определили существенное сокращение ее численности (Браунер, 1923; Спагенберг, 1951; Кістяківський, 1957; Воинственский, 1960; Кириков, 1966; Степанян, Гладков, 1969; Исаков, Флинт, 1987). Однако в это время, по данным ряда авторов (Propp, 1905; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937), численность дрофы в Саратовской области была еще высокой, и вид считался обычным. В последующее время, вследствие интенсификации сельского хозяйства, связанной с широкомасштабными ирригационными работами в регионе, она снизилась еще больше и в первой половине 1980-х гг. общая численность вида составляла на изучаемой территории около 1187-1510 особей (Исаков, 1974; Исаков, Флинт, 1987). В последствии темпы сокращения численности дроф несколько приостановились (Хрустов, Мосейкин, 1981) и во второй половине 1990-х гг. общее число птиц стабилизировалось на отметке около 3000 ос. (Хрустов, 1989;

Flint et al., 1992; Хрустов и др., 1995).

В настоящее время наиболее крупная и жизнеспособная популяция дрофы в России сохранились в Саратовской области, преимущественно в заволжской ее части (Исаков, Флинт, 1987; Flint et al., 1992; Белик, 1998; Маликов и др., 2000; Хрустов и др., 2000). Если принять во внимание предположение о том, что испанская популяция является изолированной и, по всей видимости, отдельной субпопуляцией, то саратовская гнездовая группировка составляет примерно 40 % восточноевропейской популяции.

Именно поэтому современное изучение биологии дрофы, анализ ее распределения в пределах ареала, анализ динамики численности дают возможность выявить требования вида к среде обитания и факторы, лимитирующие его обилие, что в конечном итоге необходимо для разработки основополагающих принципов стратегии ее сохранения.

Материал и методика

Характеристика населения дрофы на изучаемой территории и анализ его изменений во времени и пространстве основывается на материалах количественных учетов, проведенных с 15.09 по 15.10 1999 г. в преде-

лах левобережной части Саратовской области в рамках государственного кадастра редких и исчезающих видов животных и российско-украинского межрегионального соглашения "По сохранению и восстановлению восточноевропейской популяции дрофы (*Otis tarda*)".

Для расчета современной численности дрофы во всех типах биотопов были заложены постоянные, не строго фиксированные маршруты. Учеты проводились в пределах квадратов 20 x 20 км (108 полных и 25 редуцированных), построенных на основе системы UTM (50 x 50 км), используемой для составления Атласа гнездящихся птиц Европы (Hagemeijer, Blair, 1997), на автомашинах повышенной проходимости (см. рис. 1). Протяженность маршрута не ограничивалась, при этом с использованием оптических приборов регистрировались все птицы, попадающие в полосу. Направление движения автомашины близко к зиг-

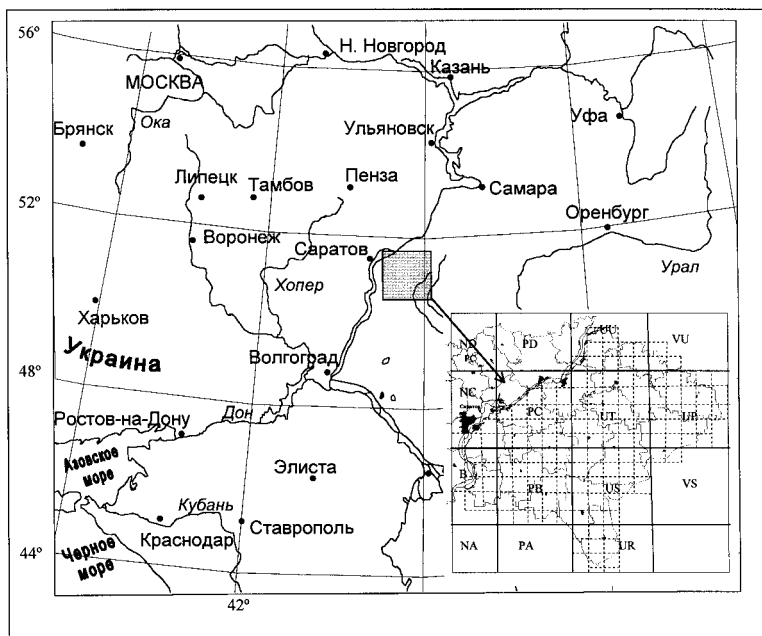

Рис. 1. Схема размещения квадратов 20 x 20 км (система UTM) на территории Саратовского Заволжья.

Fig.1. The ranges to the east of the Volga opposite Saratov mapped with the use of 20 x 20 km grid squares (UTM-based projection).

загообразному; останавливаясь через каждые 2 км или при смене движения, осматривали территорию (продолжительность от 10 до 30 мин.) с использованием оптических приборов. В процессе учета наносили на карту масштаба 1: 100 000 все места обнаружения птиц, особое внимание уделяя особенностям поведения дроф с определением половозрастной структуры отдельных групп учета (пол определялся визуально).

Полевыми исследованиями была охвачена достаточно обширная территория Саратовского Заволжья, в пределах которой в необходимом объеме представлены все основные типы степных местообитаний и полно отражено разнообразие и особенности региональных экологических условий, оказывающих влияние на формирование населения изучаемых птиц. Среди них наиболее значимы размеры полей, степень их раздробленности и контурности, характер и протяженность, наличие естественных или культурных древесно-кустарниковых насаждений, орография рельефа, расположение населенных пунктов и промышленно-сельскохозяйственных сооружений и т.д. Общая площадь обследованных авторами местообитаний составила около 37 000 км².

Кроме того, в работе использованы результаты наблюдений, проведенных в период с 15.09 по 25.09.1999 г. участниками российско-германского проекта "Охрана дрофы в Саратовской области" на участках 10 x 20 км в юго-восточной части Саратовского Заволжья (Краснокутский, Советский, Федоровский, Питерский, Дергачевский и Новоузенский районы) на общей площади 12 000 км². Между тем, не имея сколько-нибудь значимого подтверждения в отношении того, что учеты на этой территории были проведены в полном соответствии с предложенной выше методикой, полученные участниками проекта данные использованы лишь при характеристике пространственного размещения дроф и не учитывались в анализе поло-возрастной структуры популяции и ее динамики. Кроме того, на участках, для которых в ходе

учетных работ по реализации программы российско-германского проекта были получены данные, значительно отличающиеся от средних многолетних значений, авторами были проведены контрольные учеты, а общая площадь обследованной при этом территории составила 4000 км². Таким образом, в работе анализируются особенности размещения популяции дрофы на общей территории в 45000 км², что составляет около 83 % от всей площади Саратовского Заволжья. Статистическая обработка первичных данных производилась по общепринятым методикам и включала расчет средних значений для каждого показателя и их ошибки, выраженной в процентах.

Результаты и обсуждение

В ходе работ установлено, что в предмиграционный период в пределах исследуемой территории распределение птиц носит агрегированный характер и лишь на отдельных участках оно определяется как равномерное. Так, из 133-х квадратов дрофы не были встречены в 44-х (33,1 %); в 49-и встречено от 1 до 25 дроф (36,8 %), а в 40 квадратах (30,1 %) – от 26 и более особей (максимальное количество 210 птиц). Более половины (68,8 %) всех отмеченных дроф сконцентрировано в 22-х квадратах (1822), в каждом из которых зарегистрировано более 50 особей (от 53 до 210, в среднем 83 птицы).

Таким образом, плотность населения дрофы в это время в условиях саратовского Заволжья изменяется от 0,003 до 0,5 ос./км² (рис. 2). Наиболее высокие показатели обилия отмечены на полях озимых культур в Дергачевском, Ершовском, Краснокутском, Питерском и Федоровском районах, где на отдельных участках этот показатель составляет более 3,5 ос./км². Несколько ниже плотность населения вида в этот период в Ровенском, Ивантеевском, а также на границе Советского и Энгельсского районов (в среднем 0,08 ос./км²), минимальные значения характерны для северо-

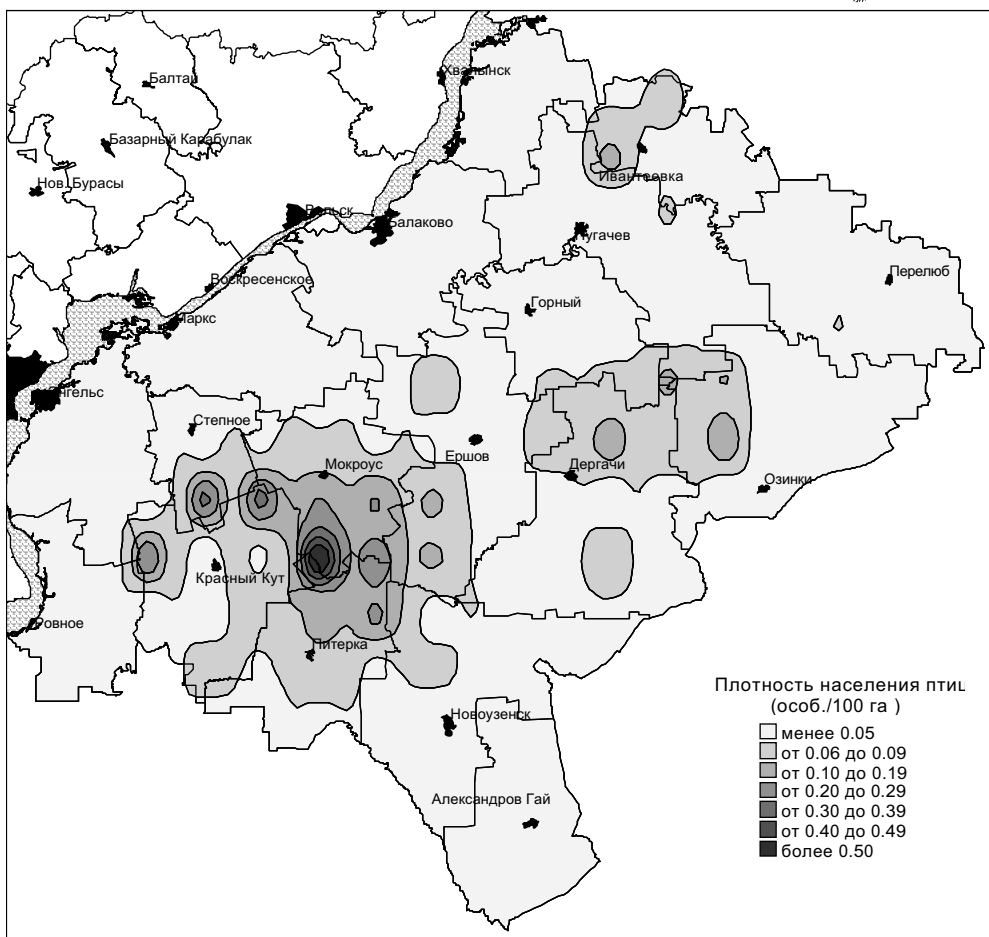

Рис. 2. Плотность населения дрофы в предмиграционный период в Саратовском Заволжье.

Fig. 2. Great Bustards occurrence rate (ind./100 ha) in squares (20 x 20 km) before migratory displacement in the territory to the east of the Volga opposite Saratov.

западной и юго-восточной частей (менее 0,01 ос./км²).

В пределах рассматриваемой территории чаще всего дрофы встречаются на полях озимых и убранных полях зерновых культур, в других сельскохозяйственных угодьях встречаемость птиц значительно ниже (рис. 3).

Основу населения дрофы в этот период составляют самцы, на долю которых приходится от 10,1 % (для целинных и залежных участков) до 90,8 % (для убранных полей зерновых культур); в среднем этот

показатель составляет 41,9 %. Несколько ниже встречаемость самок; в различных биотопах на исследуемой территории их доля в составе популяции дрофы варьирует от 16,7 % (на убранных полях многолетних трав) до 90 % (на полях яровых и озимых культур). Значительно ниже встречаемость молодых особей (<1 года); в различных биотопах исследуемой территории их доля в составе популяции варьирует от 1,8 % (на полях скошенных зерновых культур) до 50,0 % (на целинных и залежных участках), что составило в среднем 0,6 птенца/

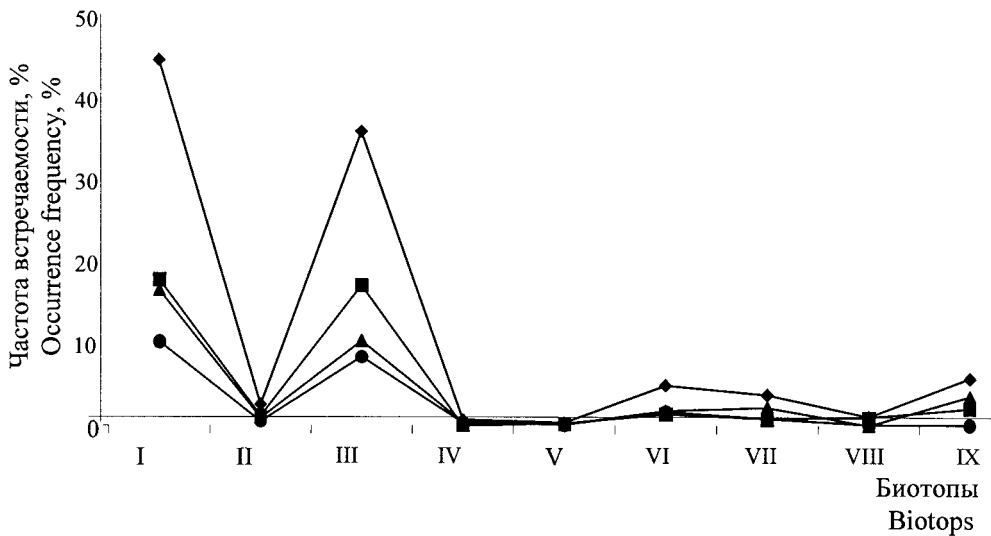

Рис. 3. Частота встречаемости (♦) и половозрастной состав (■, ▲, ● – самцы, самки и молодые соответственно) дрофы в различных местообитаниях в предмиграционный период: I – поля озимых культур; II – залежь; III – поля после уборки зерновых культур; IV – целина; V – поля после уборки многолетних трав; VI – пашня; VII – необработанные поля пшеницы (*Triticum* sp.) и ячменя (*Hordeum* sp.); поля после уборки: VIII – кукурузы (*Zea mays*); IX – проса (*Panicum* sp.).

Fig.3 Occurrence frequency (♦) and sex-and-age pattern (■ – males, ▲ – females, ● – young) of Great Bustards population in various habitats before migratory displacement: I – winter-annual, II – fallow, III – harvested cereal croplands, IV – virgin lands, V – ploughed perennial grasslands, VI – arable lands, VII – wheat (*Triticum* sp.) and barley (*Hordeum* sp.) croplands; harvested croplands: VIII – maize (*Zea mays*), 9 – french wheat (*Panicum* sp.).

самку. В целом численность самцов на исследуемой территории превышает таковую самок: соотношение полов равно 1,0:0,8 (рис. 3).

В этот период характерной чертой этологии вида является стремление объединяться в группы. Половозрастная структура изучаемой популяции в этот период представлена социальными группировками нескольких типов: выделены группировки однополых птиц, главным образом, самцов в возрасте свыше трех лет и неполовозрелых дроф (как самцов, так и самок). В категорию одиночных входят птицы обоих полов. Численность таких агрегаций составляет не более 41 особи, и лишь на отдельных участках наблюдаются группировки, состоящие, по-видимому, из неразмножающихся птиц (как самцов, так и самок) с чис-

ленностью до 87 особей, ведущих кочевой образ жизни (рис. 4).

В соответствии со среднеландшафтными показателями, в послегнездовой период плотность населения птиц неуклонно увеличивается при продвижении по территории Саратовского Заволжья с северо-запада на юг от степных ландшафтов Волго-Иргизского междуречья до южной границы сухой степи, а затем постепенно снижается при приближении к полупустынным ландшафтам. Таким образом, наиболее высокие показатели плотности населения вида в осенний период в Саратовском Заволжье характерны для ландшафтов типичной и южной подзон степной зоны на территории Федоровского, Дергачевского, Ершовского, Краснокутского и Питерского районов Саратовской области.

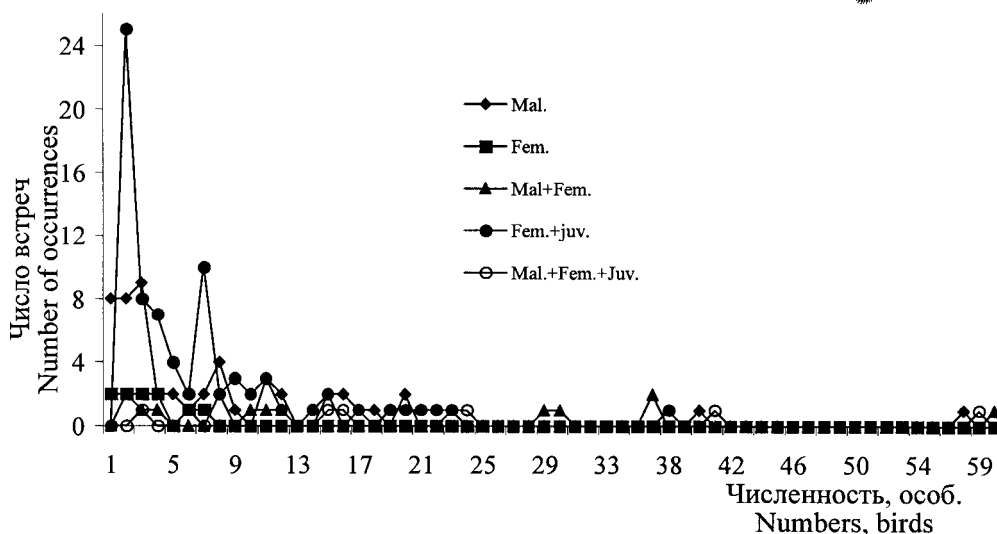

Рис. 4. Частота встречаемости и численность птиц в полово-возрастных фракциях в предмиграционный период в Саратовском Заволжье.

Fig.4. Occurrence frequency and birds numbers in aggregations with different sex-and-age pattern before migratory displacement in the ranges to the east of the Volga opposite Saratov.

Оценка современной общей численности дрофы в пределах исследуемой территории основана только на данных маршрутных учетов, в ходе которых зарегистрировано 2647 дроф. Эти данные, очевидно, не могут использоваться без определенной корректировки для характеристики изучаемой популяции дрофы, так как часть птиц в ходе учетов, очевидно, не была обнаружена. Кроме того, площадь не обследованной территории, расположенной на крайнем юге в пределах Прикаспийской низменности и центральной части междуречья Большого и Малого Иргизов (включая интразональные пойменные ландшафты) и являющейся относительно неблагоприятной в экологическом отношении для гнездования вида, составляет около 9000 км² (Лазарева и др., 1996). В ее пределах, вероятно, обитает еще примерно несколько сотен особей. Таким образом, для всей территории саратовского Заволжья численность популяции дрофы в предмиграционный период может быть определена в 4000 особей. Из выше приведенных данных следу-

ет, что общая численность дрофы в изучаемом регионе значительно ниже значений, указанных для данной территории рядом авторов и полученных, главным образом, путем экстраполяции (Antonchikov, 1996; Антончиков, 1998; Watzke, 1999).

Заключение

Проведенные исследования показали, что распределение дрофы в предмиграционный период на территории Саратовского Заволжья неравномерное; размещение птиц связано с различными типами агроценозов, используемых при возделывании зерновых и технических культур. Конгломерационное распределение птиц определяется комплексом природно-антропогенных факторов, среди которых богатство трофической базы оказывается определяющим.

Относительно высокие значения численности и плотности населения дрофы в Саратовском Заволжье, а также некоторые репродуктивные показатели (большое количество гнезд с тремя яйцами) (Хрустов

и др., 2000) свидетельствуют о том, что изучаемая территория крайне важна для существования и сохранения дрофы как вида. Полученные в ходе исследования результаты должны послужить надежной основой для дальнейших мониторинговых наблюдений за репродуктивной популяцией дрофы в условиях возрастающего антропогенного воздействия (интенсивное сельскохозяйственное производство, активизация промышленного освоения для добычи углеводородного сырья) с целью разработки действенных мероприятий, направленных на охрану вида.

ЛИТЕРАТУРА

- Антончиков А.Н. (1998): Состояние популяции дрофы в европейских странах. Причины, влияющие на ее численность. - Природные и исторические памятники Саратовской области: Мат-лы конференции, февраль 1997. Саратов: СГУ. 40-46.
- Белик В.П. (1998): Почему в России исчезли дрофы? - Природа. 1: 58-62.
- Богданов М.Н. (1871): Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги (био-географические материалы). - Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань. 1: 4-158.
- Браунер А.А. (1923): Сельскохозяйственная зоология. Одесса. 1-435.
- Воинственский М.А. (1960): Птицы степной полосы Европейской части СССР. Киев: АН УССР. 5-68.
- Волчанецкий И.Б. (1937): К орнитофауне Волжско-Уральской степи. - Тр. Научно-исследовательского зоолого-биологического института. Сектор экологии. Харьков. 4: 23-78.
- Волчанецкий И.Б., Яльцев Н.П. (1934): К орнитофауне Приуралской степи АССР НП. - Уч. зап. Саратовского государственного им. Н.Г. Чернышевского университета. Саратов: СГУ. 11 (1): 63-93.
- Исаков Ю.А. (1974): Современное распространение и численность дрофы. Необходимость осуществления проекта "Степь". - Охрана природы и рациональное использование диких животных. Москва. 72: 143-163.
- Исаков Ю.А., Флинт В.Е. (1987): Семейство дрофиные. - Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные. Ленинград: Наука. 465-502.
- Кириков С.В. (1966): Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука. 1-448.
- Кістяківський О.Б. (1957): Фауна України. Птахи. Київ: АН УРСР. 4: 128-133.
- Красная книга Саратовской области. Животные. Саратов, 1996. 167-256.
- Лазарева Л.В., Пичугина Н.В., Пролеткин И.В. (1996): Ландшафты. Ландшафтное районирование Саратовской области. - Эколого-ресурсный атлас Саратовской области. Саратов. 15-16.
- Левшин В. (1813): Книга для охотников до звериной и птичей ловли, также до ружейной стрельбы и содержания певчих птиц. Москва. 3: 162-169.
- Маликов А.Н., Хрустов А.В., Шляхтин Г.В. и др. (2000): Современное состояние и перспективы сохранения Восточно-европейской популяции дрофы (*Otis tarda* L.). - Дрофиные птицы России и сопредельных стран. Саратов: СГУ. 47-57.
- Мензбир М.А. (1900): Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа. Москва. 1: 1-478.
- Спангенберг Е.П. (1951): Отряд дрофы. - Птицы Советского Союза. Москва: Советская Наука. 2: 139-166.
- Степанян Л.С., Гладков Н.А. (1969): Птицы - Редкие и исчезающие виды млекопитающих и птиц в СССР. Москва. 5-18.
- Хрустов А.В. (1989): Дрофа (*Otis tarda* L.) в Саратовской области (численность, биология, охрана). - Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Москва. 1-21.
- Хрустов А.В., Мосейкин В.Н. (1981): Дрофа в Саратовской области. - Охота и охот. хоз-во. 10: 12, 13.
- Хрустов А.В., Подольский А.Л., Завьялов Е.В. и др. (1995): Редкие и исчезающие птицы Саратовской области. - Русский орнитол. журнал. 4 (3/4): 125-142.
- Хрустов А.В., Завьялов Е.В., Табачишин В.Г. и др. (2000): Биотопическая приуроченность и особенности биологии дрофы (*Otis tarda* L.) в северной части Нижнего Поволжья. - Дрофиные птицы России и сопредельных стран. Саратов: СГУ. 80-99.
- Antonchikov A. (1996): Die Grobtrappenpopulation in Saratow – Probleme des Schutzes und der Erfassung der Tiere. - Naturschutz und Landschaftspflege in Brandenburg. 1/2: 21-23.
- Flint V.E., Gabuzov O.S., Khrustov A.V. (1992): Strategy for the conservation of Bustards. - Bustard studies. 5: 2-7.
- Hagemeijer E.J.M., Blair M.J. (Eds.). (1997): The EBCC Atlas of European Breeding Birds. Their Distribution and Abundance. London: T.&A.D. Poyser. 1-903.
- Propp J. (1905): Einiges Über die Trappe im Gouvernement Saratow. - Neue balt. Waidmannsbl. 1 (18): 489-492.
- Watzke H. (1999): Trappenschutz in Saratow. - Naturmagazin. 5+6: 36-37.

В.Г. Табачишин,
Саратовское
отделение ИПЭЭ,
ул. Рабочая, 24,
410028, г. Саратов,
Россия (Russia).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОПУЛЯЦИИ БОЛЬШОГО ФУТЛЯРОНОСА У ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ АРЕАЛА

С.А. Лопарев

Present situation of population of the Snowy Sheathbill near south border of the breeding range. - S.A. Loparev. - Berkut. 10 (1), 2001. - Data were collected during wintering on Ukrainian antarctic station "Vernadsky" (island of Galindez near the northern part of the Antarctic peninsula, 65.15 S, 64.16 W) in season 2000/2001. Biology of the Sheathbill, relations with other species, influence of abiotic factors were studied in environs of the station. Though the Snowy Sheathbill has the large breeding range, it is one of the most unnumerous antarctic birds. Total number does not exceed several thousands individuals. Southern border of the breeding range passes in the surveyed territory. About 100 sheathbills were found here. On Argentine Islands the species is present the whole year round, but in April the appreciable increase of number is observed. Migration passes during April and May. By the end of May is formed wintering group in 14-20 birds. Adult individuals make basis of such groups. Pairs are remained during the whole year. Places of permanent exits of Gentoo Penguins and Adelie Penguins on a coast and ice, sealers are the main wintering habitats. They provide birds with a forage: indigested remains of creel and other *Crustacea*. Sheathbills constantly visit also thrown out food remains on antarctic stations. Foraging behaviour in winter is described. Spring display begins sometimes in July (old pairs), mass display occurs since end of August till end of September. Snowy Sheathbills nest in colonies of Blue-eyed Cormorants, Gentoo Penguins or Bearded Penguins. Colonies of Adelie Penguins are unattractive because of aggressiveness of these birds, especially near nests. Lost belch of cormorants and penguins, mainly from *Crustacea*, is the main food of sheathbills and their chicks during the breeding period. More seldom these birds pick up regurgitated remains of fish. Eggs of penguins, dead chicks and carrion are also present in ration, but they are not an essential part of it. Sometimes sheathbills independently prey on *Crustacea* on a shore. Feeding on carrion in colonies is sharply limited by the presence of skuas. Sheathbills make their nests in niches and caves under big stones. Distance between the nest and feeding plots does not exceed 30-100 m. Nests are made of feathers, panes of skin with feathers, bones, etc. Egg laying begins as a rule in December. Full clutch has 1-3 eggs, as a rule 2 ones. Hatchlings are appeared in first and second ten-days of January. Such late times of breeding are connected with peculiarities of feeding. Penguins feed their chicks, and therefore there are much food. Both parents hatch eggs. First coat of chicks is dark-brown, legs and bill are blue-black. Chicks in the age of 1-2 days weigh 37-44 g. Breeding success makes 1,6 fledgelings per successful pair or 0,8 ones per breeding pair. Moulting of adult birds begins usually in second half of January and ends mainly till middle of April. Differences between sexual and age groups are described. The Southern Black-backed Gull and the South Polar Skua are the main competitors in feeding. Protection of this vulnerable endemic bird species is necessary. [Russian].

Key words: Snowy Sheathbill, *Chionis alba*, Antarctic, ecology, breeding, feeding, behaviour, protection.

Address: S.A. Loparev, Vasilkivska str., 8/203, 03040 Kyiv, Ukraine.

Большой футляронос или белая ржанка (*Chionis alba*, фото 1) является одним из наименее изученных видов птиц Антарктики. Несмотря на относительно хорошую известность морфологических характеристик (Юдин, 1965) и обоснованность места в системе ржанкообразных, его экологические особенности мало исследованы, что заставило при работе с этим видом проводить сравнения с данными почти вековой давности (Kidder, Cones, 1876; Clarke, 1906; Lowe, 1916; Murphy, 1936). Ряд неточностей и спорных моментов из этих работ до сих пор цитируются в популярной литературе. Удивительно, но только в начале XX

в. удалось добиться размножения этого вида в неволе (Lonnberg, 1906), что дало возможность получить некоторую информацию о гнездовании и с тех пор вид в неволе не содержался. Экология, питание и поведение оседлого близкого вида – малого футляроноса (*Ch. minor*) – оказались более изученными, что позволило провести ряд параллелей (Ealey, 1954; Burger, 1980).

Несмотря на значительный по площади ареал, большой футляронос является тем не менее одной из самых немногочисленных антарктических птиц (Попов, 1979; Parmelee, 1992; Soper, 2000). Общая численность его по самым оптимистическим

Фото 1. Взрослый футляронос у гнезда. 23.01.2001 г. Аргентинские о-ва. Здесь и далее фото автора.
Photo 1. An adult sheathbill near the nest.

оценкам, по-видимому, не превышает нескольких тысяч особей (Croxall et al., 1984). Причем в литературе нет единого мнения даже относительно границ ареала, достоверности гнездования и численности на гнездовании в разных участках ареала (Jones, 1963; Попов, 1979; Croxall et al., 1984; Peter et al., 1988; Parmelee, 1992; Soper, 2000). Это, учитывая увеличивающуюся антропогенную нагрузку в ареале, не может не вызвать тревогу за судьбу вида.

Материал и методика

Исследования проводились нами во время зимовки на украинской антарктической станции “Академик Вернадский” в сезон 2000/2001 гг. Станция расположена на о. Галиндез (Аргентинские о-ва, 65.15 S, 64.16 W) возле побережья Земли Грейама (северная часть Антарктического п-ва).

Изучались биология вида, взаимоотношения его с другими видами, влияние абиотических факторов среды. Более детально обследованы архипелаг Аргентинских о-вов и прилегающие территории; о-ва Ялурь, Питерман (фото 2), Барселот, побережья пролива Лемейр. Более фрагментарные наблюдения проведены на прилегающей к

проливу Бисмарк стороне архипелага Анверс в окрестностях английской станции Port Lockroy и на о-ве Хаф Мун из архипелага Южных Шетландских о-вов. Абсолютный учет проводился на участке около 100 км с севера на юг и 10-17 км вдоль побережья. Проведено более 600 часов наблюдений за кормежкой, поведением и гнездованием. Описано 24 гнездовых участка, обследовано 16 гнезд.

В осенне-зимний и ранневесенний периоды футляроносы отлавливались стационарной ловушкой с возможностью выборочного отлова, не беспокоя-

щего остальных птиц. В летний период птицы отлавливались около гнезд и на гнездах. Кольцевались также птенцы ($n = 11$). Подвергнуты прижизненному анализу по стандартной методике и индивидуально метились стандартным кольцом Украинского центра кольцевания и 1-2 цветными узкими кольцами 7-ми цветов 104 птицы. Проанализировано 8 птиц, окольцованных на станции в 1998 г. Более 40 птиц из зимующей группировки отлавливалось неоднократно (3-8 раз) для изучения изменений энерго-ресурсов, линьки и т. д.

Результаты и обсуждение

В районе Берега Грейама проходит южная граница распространения большого футляроноса. На обследованной территории учетами выявлено зимой немногим более 100 особей, летом – 15-17 пар, из которых, вероятно, не все размножаются, и до 30 нетерриториальных птиц. Подобная же плотность указывается и для расположенного севернее о-ва Анверс и всего архипелага Палмер от пролива Бисмарк до о-ва Тринити: зимует до 100 особей, гнездится не более 20 пар и летует 25-35 негнездовых птиц (Parmelee, 1992). Такая же спорадичность гнездования отмечена не только

на полуострове, но и на Шетландских о-вах (Попов, 1979; Croxall et al., 1984; Parmelee, 1992). Обе эти территории составляют до четверти гнездового ареала вида (Soper, 2000), и хотя на субантарктических островах, в частности на Южной Георгии, условия обитания оптимальны и плотность населения, видимо, выше, это заставляет задуматься о необходимости введения для вида охранного статуса.

На Аргентинских о-вах вид присутствует круглогодично, но в апреле наблюдается заметное увеличение численности. Пролет или, точнее, кочевки, проходят в течение апреля – мая. В этот период численность группы связанных в период кормежки со станцией “Академик Вернадский” футляроносов значительно колеблется – от 4-8 до 22-25 особей. Максимальная зарегистрированная стая – 32 птицы.

Многие окольцованные в этот период футляроносы исчезли из района наблюдений или появлялись зимой и весной не более 1-2 раз. К концу мая формируется оседлая зимующая группировка из 14-20 птиц. Она является квазистационарной поскольку многие (до 30 %) птицы, присутствовали на кормежке и отмечались в окрестностях на расстоянии до 1-1,5 км в течение от нескольких дней до месяца, позже исчезали из района на длительный период (1-2,5 мес.), либо не появлялись вообще. Похожая, но меньшая по размерам группа (6-11 птиц) связана в осенне-зимний период с колонией и зимней группировкой на отдыхе пингинов на о-ве Питерман.

Основу таких зимних группировок составляют старые, иногда территориальные птицы, неоднократно зимовавшие в данном районе. Пары старых птиц (пары сохраняются в течение всего года) обычно доминируют на кормежке и в местах отдыха над

Фото 2. Одно из мест гнездования футляроносов – колония пингинов и бакланов на о-ве Питерман (старая аргентинская база). 12.01.2001 г.

Photo 2. A breeding site of sheathbills: a colony of penguins and cormorants on the island Pitermann.

одиночными птицами и молодняком, хотя одновременных действий обоих членов пары вне территории, прилегающей к гнезду, не наблюдалось.

Биотопы, пригодные для осенне-зимнего и ранневесеннего обитания вида – это места постоянных массовых выходов на побережья и льды для отдыха пингинов – ослиных (*Pygoscelis papua*) и Адели (*P. adeliae*). Места таких выходов постоянны и обеспечивают футляроносов кормом – непереваженными остатками криля и других ракообразных в помете. Существенным по значимости биотопом ранее были и сейчас кое-где являются места выброса пищевых отходов на антарктических станциях, несмотря на спорадичность этого источника питания. Постоянно посещают футляроносы залежки ластоногих, в том числе и на льдах вдали от берегов. Пищей в этом случае тоже являются непереваженные ракообразные.

В связи с особенностями питания видов-прокормителей, они имеют разное значение в реализации кормового поведения футляроносов. Так, помёт пингинов Адели, специализированных крилеедов, обследуется и хотя бы частично поедается в 97

Фото 3. Молодой футляронос. 12.08.2000 г. Аргентинские о-ва.

Photo 3. An immature sheathbill.

% случаев, разгребается и поедается 80 % куч помета тюленей-крабоедов. Эти же цифры для тюленей Уэдделла, котиков и ослиных пингвинов составляют соответственно 22-30 % и 65 %. Помет этих видов обследуется только в том случае, если имеет розоватую или красную окраску (к темным пометным пятнам пролетающие футляроносы не спускаются). Обследование такого помета выявляет наличие некоторого процента полупереваренного криля (реже других ракообразных, например, амфипод). Практически никогда не обследуется помет морского леопарда. Не привлекает футляроносов и помет других птиц – доминиканской чайки (*Larus dominicanus*), поморников (*Cathartacta maccormicki*, *C. antarctica*), гигантского буревестника (*Macronectes giganteus*). Таким образом, кормовые угодья футляроносов в осенне-зимний период – это скопления отдыхающих пингви-

нов и тюленей-крабоедов. Такие скопления могут образовываться в разных районах акватории, в том числе и на морской границе плавучих льдов вблизи скоплений криля.

Поиск таких скоплений футляроносы разных групп ведут, используя поисковый полет чаще группами в 2-5 особей, с чем и связаны изменения численности “стационарных” групп. В этих же местах футляроносы эффективно используют остатки добычи морского леопарда и погибших по разным причинам тюленей и пингвинов. В зимний период первыми обычно такую концентрированную “приваду” обнаруживают доминиканские чайки, в летний – также и поморники, а порядок доминирования при поедании падали зимой: гигантский буревестник, доминиканская чайка, футляронос. В летний период часть особей поморников доминирует над взрослыми чайками и наоборот. Годовалый молодой поморников доминирует над молодым чаек. Футляронос, благодаря особенностям своего клюва, более эффективно потребляет мелкие обрывки мяса в труднодоступных частях туши. Общая доля падали в осенне-зимнем питании видимо не более 25 %.

Небольшим, но постоянным кормовым ресурсом являются мелкие литоральные и сублиторальные беспозвоночные (зарегистрированы в питании моллюски, морские ежи, морские звезды, голотурии, черви), преимущественно ракообразные. Места выброса таких ракообразных на берег или снег футляроносы отыскивают быстро и используют практически полностью. Но доля этого ресурса в зимний период не превышает нескольких процентов. В ранневесенний период еще в составе зимовочных групп и стаяк примерно в тех же биотопах на открытом льду футляроносы совместно с доминиканскими чайками чрезвычайно быстро, менее чем за 2 часа, и полно утилизируют последы в родильных скоплениях тюленей Уэдделла и, вероятно, крабоедов. В этих случаях главный потребитель падали, гигантский буревестник, отсутствует, так как не залетает вглубь сплоченных льдов.

Весеннее оживление и токование наблюдаются у старых пар иногда в начале июля, хотя отдельные элементы ухаживания и кормление друг друга бывают в любой период года. В массе футляроносы токуют с конца августа до конца октября. В этот период к токованию приступают полувзрослые особи в возрасте более года. Видимо, большинство образованных полувзрослыми птицами пар к гнездованию не приступает, хотя в отдельных случаях токуют и годовалые птицы (отмечено по наблюдениям за обследованными и индивидуально мечеными особями). В зимне-весенний период футляроносы при нахождении ими удобных мест постоянной кормежки очень быстро набирают энергетические ресурсы в виде жира. При среднем весе тощих (балл жирности – нет) взрослых птиц 600-670 г, полувзрослых и молодых – 480-550 г, за неделю прибавка в весе может достигать 200 г.

Половозрастные отличия выявлены нами и проверены по последующему поведению при токовании, доминированию и территориальным конфликтам. Хорошо отличаются особи в возрасте до года, в первом оперении (до первой полной линьки, начинающейся у негнездящихся птиц в конце декабря). Перо на крыльях (маховые, кроющие и третьестепенные) у таких птиц имеют ясно выраженный серебристо-перламутровый отлив. У многих особей этого возраста маховые заметно “жиже”, т. е. уже и менее плотные, чем у взрослых. Во всех старших возрастах маховые и кроющие значительно плотнее и имеют чисто белый, иногда даже молочно-белый цвет. Кроме этого, крыло сеголеток заметно острее, чем у взрослых птиц. Но, по-видимому, острота крыла уменьшается с возрастом постепенно, т. к. только у старых особей первое и второе (наружные) маховые

могут быть равны по длине, а у полувзрослых крыло по остроте может приближаться по форме к крылу молодых.

Вторым признаком возраста является степень развития мясистых выростов у основания клюва и около глаз и сопряженная с ней площадь опушения уздечки и щеки мелким белым пером. Эти признаки, хотя и информативны, сильно варьируют индивидуально. У большинства сеголеток мясистых выростов (кораллов) нет совсем или они появляются только к концу зимы или весной в виде небольших складок в углах рта и на переносице. Почти все “лицо” у этих птиц в белом пуховидном оперении (фото 3). У старых особей (все половозрелые, в парах, территориальные, доминирующие в группах) кораллы хорошо выражены вплоть до мощных наростов над ноздрями, между ртом и ухом и вокруг глаз. Иногда оперения на “лице” нет совсем, чаще оно остается в виде небольшого островка под глазом значительно менее диаметра глаза.

У полувзрослых птиц оперение крыла никогда не бывает “серебристым”, кораллы выражены средне и сохраняется пуховое оперение между углом рта и глазом (фото 4). Самцы несколько опережают самок по степени развития кораллов, хотя старые

Фото 4. Полувзрослая негнездовая пара. Зима 2000 г. Станция “Академик Вернадский”.

Photo 4. A semi-adult non-breeding pair.

Фото 5. Футляронос поедает отложенное вне гнезда яйцо ослиного пингвина. 20.11.2000 г. О. Питерман.
Photo 2. A sheathbill eats an egg of the Gentoo Penguin laid out of the nest.

самки значительно превосходят в этом отношении половозрелых самцов.

Пол можно определить по расстоянию между концами лонных костей прощупыванием. У взрослых самцов расстояние обычно около 1-1,3 см, реже до 1,5 см. У старых самок, особенно к весне, расстояние увеличивается до 3-3,5 см, но даже зимой никогда не бывает меньше 2-2,2 см. Половозрелые показывают почти те же характеристики. У молодых особей достаточно часто расстояние составляет 1,4-1,7 см и только в дальнейшем при наблюдении индивидуально меченных птиц по поведению и дополнительным признакам (вес, размер) можно определить пол.

Размеры клюва в исследуемой популяции по нашим наблюдениям, достоверным признаком пола и возраста быть не могут, т. к. есть перекрытие между половозрелыми и взрослыми самцами и самками. На наш взгляд, это связано с суровыми условиями лета и одновременностью кладок. Птенцам из поздних кладок сложнее обеспечить себя кормом осенью. Видимо, птицы из поздних кладок длительное время недобирают весовых характеристик и линейных размеров.

Окраска ног у футляроносов Земли Грейама сильно варьирует от розовато-серых светлых до темно-серо-стальных, почти черных. Цвет ног не является характерным для какой-либо половозрастной группы и не меняется при изменении физиологического состояния.

Весовые характеристики зимующих птиц варьируют от 470 до 980 г (по 482 измерениям 98 птиц). Средний вес взрослых самцов – 870, самок – 790, половозрелых самцов и самок –

760-700, молодых 700 и 610 г соответственно. На весовые характеристики сильно влияет степень упитанности птицы.

К середине октября завершается период весенних перераспределений, и зимовочные группы распадаются. К концу октября большинство пар занимают гнездовые территории. Они могут быть изолированными, далеко отстоящими от гнездовых других пар. В других случаях футляроносы могут образовывать нечто вроде рыхлых колоний от 2-3 до 8 пар на площади иногда менее гектара. Обязательным качеством гнездового биотопа, как и всей пригодной для гнездования части ареала, является наличие колоний голубоглазых бакланов (*Phalacrocorax atriceps*), ослиного и антарктического (*Pygoscelis antarctica*) пингвинов (фото 2). Колонии пингвинов Адели непривлекательны для футляроносов в период гнездования, хотя в остальное время они связаны с этим видом. Причиной этого является высокая агрессивность пингвинов Адели, особенно рядом с гнездами.

Основным кормом для футляроносов в период гнездования, которым они выкармливают и птенцов, является утерьянная пингвинами и бакланами при кормежке их

птенцов отрыжка преимущественно из крыля или других ракообразных. Реже футляроносы собирают отрыгнутые остатки рыбы возле гнезд бакланов. Яйца пингвинов, погибшие птенцы и другая падаля хотя и присутствуют в кормовых рационах, не являясь их существенной частью. За весь гнездовой период у разных пар в колониях ослиного и антарктического пингвинов количество добытых яиц колебалось от 2 (пролив Лемейр и о. Питерман) до 20-30 (о. Хаф-Мун). В наблюдавшихся нами случаях расклеиваются яйца, отложенные самками пингвинов вне гнезд (фото 5) или украденные, а затем утерянные поморниками. Иногда в гнездовой период футляроносы добывают ракообразных на выбросах моря или на литорали в отлив.

Питание падалью на колониях резко ограничено наличием в окрестностях поморников. Этот вид, появляясь в ноябре, буквально терроризирует футляроносов и в некоторых случаях добывает их для питания (отмечено не менее 3 случаев). При наличии поморников возможности сбора корма футляроносами ограничены узкой, 0,5-1 м, зоной, прилегающей непосредственно к гнездам пингвинов. В этой зоне появление поморников вызывает резкую агрессию большинства насиживающих птиц и в первую очередь не участвующих в насиживании птиц-сторожей. Футляроносы не вызывают такой агрессивной реакции, что позволяет им кормиться в непосредственной близости и между гнездами. Такая ситуация характерна для колоний ослиных и антарктических пингвинов. В колониях пингвинов Адели футляроносы лишены “жизненного пространства”, так как Адели агрессивны к любым посетителям колоний и не могут быть защитой от поморников.

птенцов отрыжка преимущественно из крыля или других ракообразных. Реже футляроносы собирают отрыгнутые остатки рыбы возле гнезд бакланов. Яйца пингвинов, погибшие птенцы и другая падаля хотя и присутствуют в кормовых рационах, не являясь их существенной частью. За весь гнездовой период у разных пар в колониях ослиного и антарктического пингвинов количество добытых яиц колебалось от 2 (пролив Лемейр и о. Питерман) до 20-30 (о. Хаф-Мун). В наблюдавшихся нами случаях расклеиваются яйца, отложенные самками пингвинов вне гнезд (фото 5) или украденные, а затем утерянные поморниками. Иногда в гнездовой период футляроносы добывают ракообразных на выбросах моря или на литорали в отлив.

Фото 6. Автор возле типичного гнезда футляроноса под камнем. 22.01.2001 г. Пролив Лемейр.

Фото Н. Сторинца.

Photo 6. The author near a typical nest of the Snowy Shearwater under a stone.

Указанные закономерности наиболее четко выявляются в местах высокой концентрации гнездящихся поморников и в районах скопления неполовозрелых (клубы). В этих условиях гнездящиеся футляроносы иногда в течение всего периода гнездования собирают корм на площади не более 500-700 м², хотя обычно площадь сбора корма – около гектара. Оптимальные условия гнездования футляроносы находят в районах, где по тем или иным причинам поморники немногочисленны (крутосклонный горный ландшафт, большая площадь ледников). Такие участки в нашем районе – пролив Лемейр и окрестности ст. Port Lockroy. В этих условиях даже около небольших, 700-1000 пар, колоний пингвинов могут гнездиться несколько пар футляроносов и кроме того, проводить летний сезон до десятка негнездовых и неполовозрелых птиц.

Для гнезда футляроносы выбирают ниши и пещеры под крупными камнями глыбовых осыпей (фото 6, 7). Расстояние между гнездом и кормовыми участками не более 30-100 м. Расстояния между гнездами могут быть 2-10 м, а в исключительных случаях и менее, хотя чаще гнезда распо-

Фото 7. Футляронос у гнезда под железной арматурой. 23.01.2001 г. Станция Port Lockroy.
Photo 7. A sheathbill near a nest under iron armature.

лагаются в 50-170 м друг от друга. Расстояние между гнездами, а также площадь и форма охраняемых гнездовых территорий сильно зависят от расположения гнездопригодных ниш, присад и удобных подходов к ним.

Гнездо представляет собой рыхлое сооружение из любого подручного материала, который можно переносить в клюве. Оно используется обычно много лет, и основание его скреплено прошлогодним пометом птенцов. Часто взрослые пары имеют не одно, а 2, реже 3-4 гнезда в непосредственной близости одно от другого. Одно из них в текущем году достраивается и служит для размножения, в соседнем ночует или отдыхает другой член пары.

Внешний диаметр гнезд ($n = 16$) – от 26 до 50 см, чаще 27-35, диаметр лотка ($n = 8$) – 8-13 см. Лоток неглубокий, нечетко очерченный, глубиной не более 2-3 см. Высота гнезд: свежих ($n = 3$) – 4-7 см, старых – до 20 см.

Гнезда состоят из рулевых перьев пингвинов, до 200 в одном гнезде, изредка используются перья других птиц (доминиканской чайки, поморника, баклана), обычно не более нескольких в гнезде. Встречаются кусочки кожи с перьями пингвинов, кости пингвинов (бедро, голень, коракоид), реже

других птиц (лапа чайки, часть клюва поморника), часто раковины моллюсков, очень редко (2 случая) кустистые лишайники, немногочисленные кусочки мха, редко камешки, обрывки водорослей (только на колониях бакланов, видимо из их гнезд). В некоторых гнездах кусочки скорлупы яиц пингвинов (видимо, принесенные птенцам в прошлые годы). В гнездах в пределах станций, рабочих или заброшенных, почти всегда обрывки проволоки, стружки, щепки, иногда гвозди. Гнезда,

расположенные на склонах и над щелями, всегда сухие и аккуратные. Гнезда, расположенные в местах, где может накапливаться вода, часто сильно загрязнены, хотя яйца и птенцы, даже в таких условиях, всегда чистые.

Доминантные, обычно более старые пары, гнездятся в более удобных и защищенных местах. По-видимому, формирование “рыхлых” колоний идет путем присоединения новых молодых пар к резидентам в условиях оптимальной обеспеченности пищей и защищенности от хищничества поморников. В таких случаях занимают и субоптимальные гнездовые ниши. Такие колонии могут существовать как минимум десятилетиями. Группировки на о. Хаф-Мун и Port Lockroy, обследованные нами, указаны Пармелом с начала 1980-х гг. (Parmelee, 1992).

В колониях в период насиживания и выкармливания птенцов не отмечено существенных стычек за территорию. Более детально о внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях, поведении и демонстрациях будет идти речь в отдельной работе. При беспокойстве около одного из гнезд в окриковании потенциальной опасности могут принять участие и соседние пары и, реже, не территориальные птицы. Взаимодействие рядом с гнездом резидентной пары и

остальных птиц в этих условиях идет через демонстрацию (синхронную или попеременную) горизонтальной позы (Jones, 1963; Burger, 1980; Shaw, 1986). В этих случаях, и во многих случаях зимних взаимодействий в стабильных зимовочных группах, как между птицами одного пола, так и разнополами, она несет не угрожающую, а скорее умиротворяющую функцию, сильно ритуализирована и подобна “церемонии поклонов” (Murphi, 1936; Jones, 1963; Burger, 1980; Parmelee, 1992). В случае реальных агрессивных взаимодействий чаще используется вертикальная поза. Изредка эта поза используется при агрессии, направленной на другие виды. В случае невозможности реализовать агрессию (на человека, на поморника) используется долбление клювом, потирание клюва о субстрат или отбрасывание в сторону мелких предметов. Все эти демонстрации в гнездящихся группах проявляются достаточно редко, чаще при тревоге. В спокойных условиях в таких колониях территория сбора корма не делится между парами и они, как и не территориальные птицы, могут собирать корм в любом месте колонии пингвинов, хотя у каждой особи имеются предпочитаемые маршруты.

При кольцевании, обмерах и взвешивании птенцов родители часто проявляют агрессию к человеку. Они могут садиться на голову, бить клювом в голову и по рукам, хватать и тащить за рукав, но специальной демонстрации “отвода от гнезда” мы не отмечали, хотя птицы бегали то в полуметре – метре, то отдаляясь на 20-30 м. Кроме агрессивных (обычно более старые птицы) и беспокойных есть пары более осторожные, не приближающиеся к человеку ближе 3-5 метров (4 из 15 пар).

Начало откладки яиц разными парами – с начала до середины декабря, но в отдельных гнездах 25.01 еще средне насиженные яйца. Размеры яиц ($n = 4$ из 3 кладок, 1, 1 и 2 яйца), мм: 49 x 41; 48 x 35; 54 x 37, 51 x 38. Яйца со светлым желтовато-белым, белым или очень слабо голубоватым основ-

Фото 8. 6-7-дневный птенец футляроноса. 18.01.2001 г. О-в. Питерман.

Photo 8. A chick in the age of 6-7 days..

ным фоном и многочисленными неправильными глубокими фиолетово-серыми и поверхностными бурыми и черными пятнышками и мазками.

Вылупление птенцов происходит в первой и второй декадах января. Столь поздние сроки гнездования, на наш взгляд, связаны с интенсификацией в этот период кормления птенцов у пингвинов и, как следствие, обилием корма. Насиживают оба родителя, свободный партнер иногда кормит насиживающего при смене. Кормление иногда бывает в постоянных парах и во внегнездовой период. Насиживание с первого яйца, но хотя птенцы в кладках вылупляются не одновременно, разница скрадывается очень медленным развитием в первую декаду жизни. Вес одно-двухдневного птенца 37-44 г.

Первый пуховой наряд ($n = 4$) темно-бурый, почти черный, с небольшой примесью золотистых кончиков пуха; ноги и клюв сине-черные (фото 8), глаза в первые сутки-двое – открываются не полностью, как бы полужакрыты, особенно если птенца вынимают на яркий свет. По мере роста пух густеет и светлеет, десяти-пятнадцатидневные птены пестровато-бурого цвета из сочетаний пепельного, рыжеватого-бурого, тем-

но-бурого и черного пуха. Кожа постепенно сереет. Почти до недельного возраста по гнезду птенцы передвигаются, опираясь на цевку. До месячного возраста птенцов один из родителей постоянно находится в гнезде или около него на наблюдательном пункте. Птенцы до вылета сидят в гнездовой нише, при опасности забиваясь в ее глубину, а навстречу родителям с кормом выбегая на 1-1,5 м. При гнездовании в вертикальных расщелинах скал птенцы покидают гнездо, по-видимому, уже летными. Первый гнездовой наряд из белых перьев долгое время сохраняет на кончиках птенцовый пух.

Из известных гнезд два были с тремя яйцами, 4 – с одним, большинство имели по 2. В нескольких случаях пары насиживали и охраняли пустые в течение всего сезона гнезда. Пуховых птенцов в гнездах обычно 1-2, в одном случае 3, птенцов в растущем пере (трехнедельных) – 1-2. Рассчитанная успешность размножения – 1,8 яйца на успешно размножающуюся пару, или 1,4 на территориальную пару. Соответственно 1,6 пухового птенца на успешную и 1,0 на гнездовую пару. Слетков в пере (в гнезде) – 1,6 на успешную пару, или 0,8 – на территориальную гнездовую пару. С учетом значительного количества негнездящихся птиц, ежегодный прирост – менее 25 %. Эта цифра достаточно хорошо согласуется с процентом молодняка при осенне-зимних отловах. Среди отловленных на подкормке птиц молодняк этого года составляет около 45 %, хотя в группе постоянно присутствующих птиц (квазистационарная зимующая группировка) их не более 25-30 %. Это связано с большей подвижностью сеголеток, посещающих многие удаленные друг от друга пригодные для кормежки участки. Кроме того, часть взрослых особей зимует на гнездовых участках или в непосредственной близости от них.

Линька взрослых птиц начинается, когда птенцам исполнится около трех недель, с середины – конца января, и заканчивается в основном к середине апреля. У неко-

торых особей, видимо запоздавших с гнездованием, линька сильно тормозится и затягивается до конца июня (одно перо из трех-четырёх внешних маховых растёт более двух недель). Молодняк прошлого года и негнездящиеся полувзрослые линяют наиболее интенсивно с конца декабря до начала марта.

В Субантарктике (о. Хаф-Мун) и по литературным сведениям (Юдин, 1965; Попов, 1979; Parmelee, 1992) значительное количество времени птицы посвящают кормежке на литорали. На о. Питерман в проливе Лемейр и на Аргентинских о-вах в летне-осенний период на литорали кормятся в основном негнездовые птицы. Возможно, часть этой популяции в марте улетает на зимовки в Южную Америку (28.03.2000 г. футляронос был отмечен в проливе Дрейка в 450 км от Антарктического п-ва).

С конца марта по мере замерзания моря идет перегруппировка птиц и переход на зимний тип питания. В этот же период формируются зимовочные группы. На подкормке птицы охотно потребляют рыбу и в особенности отходы кальмаров. Мясо поедается менее охотно. В случае отсутствия другого корма футляроносы поедают вареные остатки растительного происхождения (каши, хлеб). Потребления растительных кормов (водоросли и др.) нами не отмечено, хотя А.М. Пекло в 1998 г. наблюдал спорадическую кормежку обрастаниями с камней (зеленые водоросли?).

Существенными конкурентами в питании являются доминиканские чайки в течение всего года и поморники – в летний период. Хотя основной корм их различен, на падали конкурентные отношения выявляются очень остро. Врагами можно считать поморников (не менее 15 попыток охоты и 3 случая нахождения останков футляроноса около гнезд) и, возможно, доминиканских чаек (неоднократные погони с целью отнять корм в полете и не менее 3 попыток схватить саму птицу). Зарегистрировано 2 случая гибели от истощения и переохлаждения (август-сентябрь) молодых особей.

Несмотря на низкие темпы размножения и общую невысокую численность, популяция фуляроноса района берега Грейама, по-видимому, является стабильной. Постоянство ее распределения и перемещений, а также единство подтверждается повторными находками на станции птиц, окольцованных в 1998 г. и сообщения о наблюдениях индивидуально меченых зимой цветными кольцами на станции “Палмер” (1 особь, держалась весь сентябрь) и Port Lockroy (3 особи, в январе) и в проливе Лемейр (1 особь, в январе). Тем не менее, ухудшение кормовой базы по сравнению с 1950-1970-ми гг., закрытие в последние десятилетия свалок на большинстве антарктических станций, усиление фактора беспокойства (рекреация) и адаптация к деятельности человека одного из существенных конкурентов – доминиканской чайки, а также нарастающее влияние человека на ключевой ресурс экосистемы (криль) требует дальнейшего внимания к этому легко уязвимому эндемичному виду.

Благодарности

Данная работа осуществлена благодаря финансовой и материальной поддержке Украинского антарктического центра. Приношу искренние благодарности зимовщикам V Украинской Антарктической экспедиции, поскольку без их самоотверженного труда и бескорыстной помощи столь полное обследование островов и побережья было бы невозможным, также, как и проведение многих наблюдений и экспериментов. Кроме того, благодарю экспедиционный состав 2000/2001 гг. станции Port Lockroy (Великобритания) за любезное разрешение посетить станцию, помощь в работе и предоставленную информацию. Выражаю благодарность зимовщикам 2000/2001 гг. станции Палмер (США) за информацию о наблюдениях фуляроносов; капитану и команде судна “Тригорий Ми-

хеев” за возможность работать на островах Хаф-Мун, Десепшен и Кинг-Джордж.

ЛИТЕРАТУРА

- Попов Л.А. (1979): Год в Антарктике. Москва: Наука. 1–88.
- Юдин К.А. (1965): Фауна СССР. Птицы. Т. 2, выпуск 1, часть 1. Филогения и классификация ржанкообразных. Москва – Ленинград: Наука. 1-261.
- Burger A.E. (1980): Behavioural ecology of Lesser Shear-bills *Chionis minor* at Marion Island. - Ph.D. thesis. Univ. of Cape Town, South Africa.
- Clarke W.E. (1906): Ornithological results of the Scottish National Antarctic Expedition on the birds of the South Orkney islands. - Ibis. 145–186.
- Croxall J.R., Prince, P.A., Hunter I., McInnes S.J., Copestake P.G. (1984): The seabirds of the Antarctic Peninsula, Islands of the Scotia Sea and Antarctic continent between 80°W and 20°W: their status and conservation. - ISBP Technical Publication. 2: 637-647.
- Ealey E.Y. M. (1954): Analysis of stomach contents of some Heard islands birds. - Emu. 54 (3): 204–210.
- Jones N.V. (1963): The Shearbill *Chionis alba* (Gmelin), at Signy Island, South Orkney Islands. - Brit. Antarc. Surv. Bull. 2: 53-71.
- Kidder J.-H., Cones E (1876): A study of *Chionis minor* with reference to its structure and sistematic position. - Bull. US Nat. Mus. 3: 35–116.
- Lowe P.R. (1916): Studies on the *Charadriiformes*, III. Notes in relation to the systematic position of the Sheath-bills (*Chionididae*). - Ibis. 122-155.
- Lonnberg E. (1906): Contribution to the fauna of South Georgia. - Kungl. sv. vet. Akad. Handling. 40(5): 1-104.
- Murphy R.C. (1936): Oceanic birds of South America. New York. 1: 1-640; 2: 641-1245.
- Parnelee D.F. (1992): Exploration of Palmer Archipelago. Antarctic birds. Ecological and Behavioral Approaches. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press. 1-203.
- Peter H.-U., Kaiser M., Gebauer A., Zippel D. (1988): Zur Dynamik des Winterbestandes des Weißgesicht-Scheidenschnabels (*Chionis alba*) auf King George Island (South Shetland Islands). - Beitr. Vogelk. 34: 205-220.
- Shaw P. (1986): Relationship between dominance behaviour, bill size and age group in Greater Shear-bills *Chionis alba*. - Ibis. 128 (1): 48-56.
- Soper T. (2000): Antarctica: a guide to the wildlife. 3rd ed. The Globe Pequot Press. 1-144.

С.А. Лопарев,
ул. Васильковская,
8, кв. 203,
03040, г. Киев,
Украина (Ukraine).

ОСОБЕННОСТИ РАЗМНОЖЕНИЯ БОЛОТНОЙ КАМЫШЕВКИ НА СУМЩИНЕ В 1999 г.

Н.П. Кныш

Peculiarities of breeding of the Marsh Warbler in Sumy region in 1999. - N.P. Knysh. - Berkut. 10 (1). 2001.

- Breeding season in 1999 had some weather peculiarities: long colds in May, dry hot weather later, heavy hail on 12.06. A great extent they have affected breeding success of the species. Results of breeding were catastrophic for the local population. From 126 eggs (33 clutches) only 38 (30,2 %) chicks were hatched, 30 (23,8 %) young were fledged. It makes $1,15 \pm 0,30$ hatchlings and $0,91 \pm 0,27$ fledged young per breeding pair. Low parameters of breeding success are explained by considerable mortality of eggs and nestlings from the hail and the Cuckoo (Table). The hail has destroyed 66,7 % nests of the Marsh Warbler known at that day and many clutches and nestlings of other birds. [Russian].

Key words: Marsh Warbler, *Acrocephalus palustris*, Sumy region, breeding, breeding success, mortality.

Address: N.P. Knysh, Sumy Pedagogical University, Dep. of Zoology, Romenska str. 87, 40002 Sumy, Ukraine.

Изучение экологии размножения болотной камышевки (*Acrocephalus palustris*) в 1999 г., как и в предшествующие годы, проводилось на полевом зоостационаре в с. Вакаловщина (примерно в 15 км по прямой к северо-востоку от г. Сумы). В долине ручья на участке около 14 га, занятом осушенным тростниковым болотом, ивняками, лугом, куртинами крапивы и другого высокотравья, было прослежено 47 случаев гнездования, проведены другие наблюдения. Полученные данные являются дополнением к ранее обобщенным сведениям по экологии болотной камышевки (Кныш, 1999).

Гнездовой сезон 1999 г. характеризовался рядом контрастных особенностей погоды. Это, во-первых, значительное похолодание, длившееся с первых до 20-х чисел мая, а затем сменившееся сухой жаркой погодой. Во-вторых, сильный продолжительный град (диаметр градин до 20 мм), выпавший широкой полосой 12.06. Град выбил травянистую растительность, погубил значительное количество гнезд открытогнездящихся птиц, нанес другой ущерб.

Майские холода задержали прилет болотных камышевок (первые поющие самцы были замечены лишь 19.05), однако заметно не повлияли на сроки гнездования. Наиболее ранняя начатая кладка датируется 23.05, наиболее поздняя – 30.06. Цент-

ральная дата начала откладки яиц по наблюдениям за 33 гнездами – $9,06 \pm 1,8$ дня, что близко к данным за прошлые годы. Пик яйцекладки приходится на последнюю пятидневку мая, а во 2-й половине сезона после опустошительного града наблюдалась крутая волна повторных кладок (рис.).

В связи с поздним и замедленным развитием высокотравья гнезда камышевок ($n = 45$) располагались заметно ниже, чем в прошлые годы – в среднем на высоте $22,8 \pm 1,9$ см от земли (пределы 7-59 см), при этом их большинство (66,0 % – в диапазоне высоты 11-30 см*). Преобладающее количество гнезд было построено на крапиве двудомной ($n = 24$) и сухом прошлогоднем тростнике (16), кроме того, 3 гнезда располагались на дербеннике иволистном, по одному – на вербейнике обыкновенном, лабазнике обнаженном, пустырнике и сухом бодяке обыкновенном.

В полных кладках камышевок ($n = 21$) содержалось от 3 ($n = 4$) до 4 (10) и 5 (7) яиц, среднее $4,14 \pm 0,16$. Размеры 50 яиц из 23 кладок в среднем составили $18,59 \pm 0,13 \times 13,59 \pm 0,07$ мм. Индивидуальные размеры яиц с минимальными и максималь-

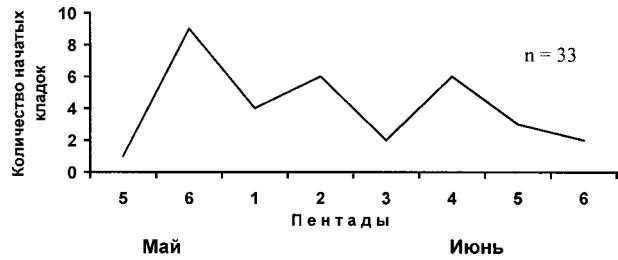
* Следует отметить, что в исследованиях автора высота расположения гнезд всегда измерялась от земли до основания гнезда, а не до его верхнего края.

ными значениями длины и диаметра: 16,6 x 12,4 мм, 20,8 x 14,2 и 19,1 x 14,5 мм. В выводках было по 1 (n = 1) – 2 (3) – 3 (2) – 4 (5) – 5 (1) новорожденных птенцов, в среднем $3,17 \pm 0,34$ птенца на успешное гнездо (n = 12). В выводках накануне вылета (n = 10): по 1 (n = 1) – 2 (3) – 3 (2) – 4 (3) – 5 (1) птенцов, в среднем $3,0 \pm 0,39$.

Общая успешность и продуктивность размножения определены по 33 кладкам (активные гнезда). Под контролем находилось 126 яиц, из них вылупилось 38 (30,2 %) и поднялось на крыло 30 (23,8 %) птенцов. Это составляет $1,15 \pm 0,30$ вылупившихся и $0,91 \pm 0,27$ благополучно вылетевших птенцов в среднем на 1 размножавшуюся пару.

Рассматриваемые показатели размножения болотной камышевки оказались наполовину меньше, нежели в предыдущие

Сроки откладки яиц болотными камышевками на Сумщине в 1999 г.

Times of egg laying by Marsh Warblers in Sumy region in 1999 (numbers of begun clutches by pentades of May and June).

годы (Кныш, 1999), что объясняется значительной гибелью потомства от града, а также от паразитизма обыкновенной кукушки (*Cuculus canorus*) (таб.). Болотная камышевка является одним из основных ее видов-воспитателей в регионе (Кныш, 2000). Часты и случаи исчезновения из кладок 1-2, а то и большего числа яиц. Большинство этих потерь можно отнести на счет

Гибель потомства у болотной камышевки в 1999 г. (исходное число яиц 126)

Death of offspring in the Marsh Warbler in 1999 (starting number of eggs is 126)

Причина гибели яиц и птенцов Death cause of eggs and nestlings	Фазы гнездования Phases of breeding			Всего погибло Total died	
	яйцекладка egg laying	насиживание hatching	выкармливание feeding	n	% яиц % eggs
Эмбриональная смертность Embryonic mortality	–	2	–	2	1,6
Повреждены самкой Damaged by female	–	2	–	2	1,6
Выброшены из гнезда Thrown out from a nest	–	2	–	2	1,6
Брошены, причина неизвестна Left, reason is unknown	2	3	–	5	4,0
Исчезли, причина неизвестна disappeared, reason is unknown	3	14	3	20	15,9
Хищники Raptors	–	–	4	4	3,2
Кукушка Cuckoo	12	8	1	21	16,7
Град Hail	11	29	–	40	31,7
Всего: Total:	28	60	8	96	76,2

хищничества кукушки, что подтверждается наблюдениями. Так, в некоторых гнездах после исчезновения яйца хозяйки через день-два появлялось яйцо гнездового паразита. Случаи исчезновения части птенцов выводка редки: в двух гнездах исчезли 1 и 2 птенца, а оставшиеся успешно вылетели.

Кстати сказать, на участке наблюдений в 1999 г. на болотных камышевках паразитировали 2 самки кукушки, четко различающиеся окраской яиц. Лишь однажды было обнаружено яйцо третьей самки, похожее по окраске на яйцо серой славки (*Sylvia communis*). Всего же в 14 гнездах болотной камышевки было найдено 15 яиц и 2 птенца кукушки (в одном из гнезд разные самки последовательно отложили 2, в другом – 3 яйца, изымая при этом яйца предшественниц). Из них 3 яйца были выброшены из гнезд хозяевами, 1 – исчезло (тоже, вероятно, выброшено или расклевано), 1 – брошено (оно было одно в гнезде), 3 яйца похищены самими кукушками, а 4 – погибли от града. Из вылупившихся 5 (29,4 %) кукушат только 2 (11,8 %) дожили до вылета, а 3 птенца погибли (2 от хищников, 1 убит градом).

Наряду с этим, проанализирована выживаемость 46 гнезд, судьба которых известна (в том числе погибшие на фазе строительства и те, в которых не было известно точное количество яиц или птенцов, но общие результаты гнездования известны). Всего выжило 10 (21,7 %) гнезд, остальные погибли. В их числе: 5 (10,9 %) строящихся, 29 (63,0 %) – с неполными и полными кладками, 1 (2,2 %) – с птенцами и 1 гнездо (2,2 %) погибло на неизвестной стадии. При этом 4 (8,7 %) гнезда были брошены (2 строящихся и 2 гнезда с незаконченными кладками), 5 (10,9 %) гнезд разорили хищники (4 гнезда с кладками и 1 – с птенцами), 6 (13,0 %) гнезд с кладками погибли от паразитизма кукушки, а 21 (45,7 %) гнездо уничтожено градом (3 строящихся, 17 – с кладками и 1 гнездо – на неизвестной стадии). Следует учесть, что здесь приведены суммарные данные за весь сезон, а

не на момент выпадения града, когда из 30 известных нам гнезд погибло 20 (66,7 %). В 8 из 10 уцелевших гнезд были сильно насиженные кладки, в 2 – маленькие птенцы, при этом 8 гнезд находились под защитой сухого тростника. Кроме этого была зафиксирована гибель от града 2 кладок садовой славки (*Sylvia borin*), 2 гнезд с птенцами серой славки и 1 кладки сорокопута-жулана (*Lanius collurio*). Все они находились в куртинах крапивы.

Стихийное бедствие не обошло стороной и птиц других биотопов. На поле и в яблоневом саду нами обнаружено по одной уничтоженной градом кладке полевого жаворонка (*Alauda arvensis*), дубоноса (*Coccothraustes coccothraustes*) и черного дрозда (*Turdus merula*), в селе наблюдалась молодая белая трясогузка (*Motacilla alba*) с перебитым крылом.

Таким образом, исследованную локальную группировку болотных камышевок в 1999 г., можно сказать, постигла демографическая катастрофа – по результатам размножения (общая успешность – 23,8 %, продуктивность – $0,91 \pm 0,27$ птенцов на пару) не был достигнут уровень даже простого воспроизводства. Среди вызвавших ее неблагоприятных абиотических и биотических факторов среды первейшее значение имеет опустошительный град, а также хищничество и паразитизм обыкновенной кукушки.

ЛИТЕРАТУРА

- Кныш Н.П. (1999): Материалы по экологии гнездования болотной камышевки в лесостепной части Сумской области. - Беркут. 8 (1): 57-70.
 Кныш Н.П. (2000): Обыкновенная кукушка и ее воспитатели в лесостепе Сумщины. - Беркут. 9 (1-2): 51-73.

Н.П. Кныш,
 Сумской педуниверситет,
 кафедра зоологии,
 ул. Роменская, 87,
 40002, г. Сумы,
 Украина (Ukraine).

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ И ОХОТНИЧЬЕМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕГЛОКА И ЧЕРНОГО КОРШУНА НА ЮЖНОМ АЛТАЕ

Н.Н. Березовиков

About territorial and hunting behaviour of the Hobby and the Black Kite in the Southern Altai. - N.N. Berezovikov. - Berkut. 10 (1). 2001. - Data were collected in East Kazakhstan in 1978-1986. Features of behaviour and patterns of hunting of these two species are described. Hobby preys on insects and birds as a rule in air, but it can catch chicks of waterfowl from water. Patterns of hunting on swallows are described. Hobbies can follow cars, hunters or other raptors and prey flushed small birds. Late evening hunts were observed. These falcons sometimes attack birds up to the Wood Pigeon or female of the Black Grouse. Black Kite is a typical polyphag, patterns of search and prey of food are very various. In study area these birds nest and hunt mostly near villages. They regularly visit dumps. On the lake of Markakol kites eat mainly fish. Usually they catch fishes on wave crests during roughness. [Russian].

Key words: *Falco subbuteo*, *Milvus migrans*, Altai, behaviour, feeding, hunting, prey.

Address: N.N. Berezovikov, Lab. of ornithology, Inst. of zoology, Akademgorodok, 480060 Almaty, Kazakhstan.

В основу данной статьи положены многолетние наблюдения (1978-1986 гг.) за поведением чеглока (*Falco subbuteo*) и черного коршуна (*Milvus migrans*) на Южном Алтае, а также в других районах Восточно-Казахстанской области.

Чеглок

Считается, что чеглок – узкоспециализированный хищник, использующий в охоте не более двух приемов – так называемые “ставки” и вспугивание птиц с земли или воды, с последующей их ловлей во время взлета (Данилов, 1976). В действительности способы охоты чеглоков разнообразны и заслуживают более подробного рассмотрения. Наиболее типичный и распространенный способ – охота за стрекозами, майскими жуками, крупными бабочками и жуками-дровосеками. При этом соколки охотятся на бредущем полете как над лесными распадками, так и вдоль побережий озер, мелководными заливами со сплавиными, над руслами ручьев и речек. Заметив насекомое, сокол настигает его, выставив вперед лапы и схватывает добычу одной из них. Насекомых съедают в полете, подтягивая лапу с ним к клюву.

Разнообразны охоты чеглока и за птицами. Обычно он ловит их попутно при по-

исковых полетах за насекомыми. Часто, особенно в весеннее время, охотится за ними специально, стремительно проносясь вдоль береговой линии озера и прибрежных зарослей, схватывая кормящихся трясогузок и куличков. Нападает также на совершающих токовой полет черноголовых чеканов (*Saxicola torquata*), серых славок (*Sylvia communis*), лесных (*Anthus trivialis*) и горных (*A. spinoletta*) коньков. Однажды (22.08.1980 г.) чеглок, заметив в заливе крупного пухового утенка серой утки (*Anas strepera*), трижды зависал над ним, пытаясь безуспешно схватить за голову, но тот каждый раз спасался, ныряя в воду. Н.А. Зарудный (1888) наблюдал случай, когда чеглок, преследующий береговую ласточку (*Riparia riparia*), спикировал и схватил с воды птенца красношейной поганки (*Podiceps auritus*). Способен он нападать и на более крупных птиц размером до вяхири (*Columba palumbus*), чирка и даже тетерки (*Lyrurus tetrix*) (Корелов, 1962). Нами лишь однажды наблюдались безуспешные попытки преследования и нападений этого сокола на чибиса (*Vanellus vanellus*). Подобные же факты описаны в литературе (Зарудный, 1888; Галушин, 1980).

Нередко чеглоки охотятся в населенных пунктах за деревенскими ласточками (*Hirundo rustica*), причем в 1979 и 1980 гг. на

озере Маркаколь одна контрольная пара специализировалась на добыче этих птиц. Чаще всего появившегося в деревне чеглока ласточки встречают тревожным щебетом и преследуют его стайей по 5-15 особей. При этом сокол иногда замедляет полет, пропуская вперед преследующую его стаю, и стремительным броском настигает одну из птиц. В других случаях, когда стая ласточек настигает его, чеглок делает стремительный разворот и хватает одну из налетевших на него птиц. Реже охотится в классическом стиле – с вершины горы, высматривая добычу с одной из лиственниц. Выждав момент, чеглок пикирует в поселок на скопление ласточек с молодым с расстояния 500-1000 м и атакует одну из намеченных птиц. Если “ставка” была неудачной, то сокол непродолжительное время (5-10 сек.) по инерции преследует ласточку, возвращается на излюбленный наблюдательный пункт и через 5-10 мин. повторяет нападение.

Нередко наблюдались чеглоки, следующие за машинами на протяжении 1-5 км, предпринимая попытки схватить взлетающих с дороги или обочин садовых овсянок (*Emberiza hortulana*), черноголовых чеканов, лесных коньков и других птиц. Причем некоторые соколки, сопроводив таким образом одну машину, начинают следовать за другой. С этой же целью они охотятся около работающих на сенокосных лугах тракторов, сенокосилок и конных граблей. Часто охотятся за вспугнутыми птицами вблизи стад овец, коров или лошадей, особенно во время перегона их по луговым участкам или горным склонам. Имеются наблюдения, что чеглок также ловит мелких птичек, выпугиваемых идущим поездом (Мантейфель, 1980).

Несколько раз отмечались факты использования этим соколом во время ловли птиц охотника, идущего с ружьем. Так, 31.07.1979 г. на оз. Маркаколь следовавший за нами чеглок буквально в двух метрах схватил взлетевшего молодого перевозчика (*Actitis hypoleucos*), которого мы пытались добыть для коллекции. В другом случае (22.08.1979 г.) на ручье нами был вспуг-

нут бекас-отшельник (*Gallinago solitaria*), и когда он перелетал через поляну, в его сторону спикировал чеглок, но кулик уже успел сесть в тальники. Чеглок уселся на вершину соседней березы и стал наблюдать за моим продвижением. Стоило повторно вспугнуть бекаса, как сокол за секунду до выстрела в лет, успел схватить его и унести. В третьем случае (30.05.1983 г.) после безрезультатного выстрела по варакушке (*Luscinia svecica*) чеглок, охотившийся поблизости с нами на отмелях озера, начал преследовать улетающую птичку и безрезультатно пытался ее поймать. О.Н. Данилов (1976) также сообщает, что сокол поймал выпугнутых из травы за идущим человеком белошапочную овсянку (*Emberiza leucocephala*) и коростеля (*Crex crex*).

Охотятся также чеглоки, следуя на некотором расстоянии за лунами, вспугивающих из травы мелких воробьиных птиц (Корелов, 1962; Данилов, 1976; Костин, 1988). Нами подобные факты не отмечались, но имеются наблюдения, когда в ерниковой тундре на водоразделе хребта полевой луны (*Circus cyaneus*) пытался ловить белых куропаток (*Lagopus lagopus*), выпугиваемых человеком, идущим по кустарниковым зарослям.

Остановимся еще на нескольких интересных моментах охотничьего поведения чеглока. Один из них касается необычного приема поимки птицы. Так, в одном случае вспугнув с дороги малого жаворонка (*Callandrella cinerea*), преследующий его сокол совершил две виртуозных “мертвых петли”, при этом птица была схвачена в момент, когда сокол находился в положении “спиной вниз”.

Во время вечерних отловов паутиными сетями маскированных трясогузок (*Motacilla personata*) в местах их групповых ночевок в густых ивняках на заболоченном берегу озера Маркаколь чеглоки, неожиданно появляясь, пытались ловить вспугнутых птиц и дважды выхватывали бьющихся в сетях трясогузок.

Многokrатно нами наблюдались случаи вечерней и ночной охоты чеглоков над за-

ливами озера и на остепненных склонах гор, освещенных ярким лунным светом (до 21 – 22³⁰). В последнем случае чеглок плавно, подобно луням, парит на высоте 10-15 м, временами пикирует и проносится 20-30 м над поверхностью земли, делает разворот и летит также прямолинейно, неожиданно затормаживает полет, вытянув лапу, схватывая взлетевшую кобылку, взмывает вверх и медленно планируя, нагнув вниз голову, в несколько приемов съедает добычу, так что при лунном свете иногда хорошо заметны падающие надкрылья насекомого. Охотятся молчком в одиночку или парой по 10-30 мин, совершая круги в радиусе 50-100 м. За время охоты несколько раз отдыхают на столбах или камнях по 2-4 мин. Доля успешных бросков составила 86 %.

Вечерняя и ночная охота чеглока – уникальное явление в жизни этого сокола. Скорее всего, это не что иное, как удовлетворение собственных потребностей в пище на ночь, вероятно вследствие высокой интенсивности кормления птенцов перед закатом. В.М. Галушин (1980) сообщает об охоте чеглоков за летучими мышами почти до самой темноты, а М.Н. Корелов (личн. сообщ.) наблюдал случаи удачной охоты этих соколов за летучими мышами в глубоких сумерках.

Охотятся за прямокрылыми они и днем. При этом птицы летают на бреющем полете над самой землей, выпугивая крупных кобылок и ловят их в полете. Особенно часто это наблюдается в тех местах, где в массе появляются саранчевые. В одном случае (29.08.1979 г.) мы проследили, как чеглок, сидя на земле, заметив взлетевшую с характерным треском крупную кобылку, срывается и моментально ловит ее в полете. Опустившись на землю и съев добычу, он вновь выжидает следующего взлета кобылок.

Интересны взаимоотношения чеглоков с другими птицами, особенно хищными. Обычно они защищают свою гнездовую территорию в радиусе 500-1000 м от гнезда. Особенно активно изгоняют с нее яст-

ребов-перепелятников (*Accipiter nisus*). Так, 1.08.1979 г. чеглок, заметивший перепелятника, поймавшего в селе деревенскую ласточку, гнался за ним около 700 м, пикируя и нанося ему удары в спину. В другой раз (2.08.1978 г.) ястреб, схвативший пролетавшего вдоль озерного берега молодого удода (*Upupa epops*), был тотчас сбит чеглоком и упал в воду. Когда он взлетел, то после следующего удара в спину упал с добычей в прибрежные заросли тальников, куда тотчас залетел и нападавший чеглок. К сожалению, обе птицы были испугнуты при нашем приближении и конец столкновения проследить не удалось. По нашему мнению, в данном случае, кроме явного изгнания перепелятника со своей территории (поблизости у чеглока находилось гнездо), имело место и явление паразитизма, что известно на примере чеглока и речной крачки (*Sterna hirundo*) в Кулунде (Данилов, 1976). Еще в одном случае, 12.07.1980 г. самец чеглока в 200-300 м от своего гнезда стремительно, с пронзительными криками, гнался за перепелятником, несущим в лапах мелкую птицу. Когда сокол настиг ястреба, тот, увернувшись от удара, сел в густую крону лиственницы. Чеглок продолжительное время следил за ним с вершины соседнего дерева и когда перепелятник, испугавшись нашего появления взлетел, то тотчас же подвергся стремительной атаке сокола и еще долго преследовался им.

Самку самец обычно кормит на гнезде или около него (Березовиков, Зинченко, 1988). Однако наблюдались случаи, когда голодная самка следовала за охотящимся самцом, отбирая у него добытый корм. Однажды (25.05.1983 г.) после продолжительного похолодания со снегопадами, чеглоки охотились парой над побережьем оз. Маркаколь. Самец атаковал и сбил парившего над озером черного стрижа (*Apus apus*), подхватил его в падении, но не смог сразу справиться с сильно бьющейся птицей. В это время подлетевшая снизу самка с криком пыталась вырвать из лап самца добычу, при этом не уступая друг другу они падали вниз около 5 м и уже над самой водой

самка спланировала в сторону, а самец еще около 1 мин. боролся со стрижем, который в конце концов вырвался у него из лап и упал на берег, где и был подобран нами.

Черный коршун

Являясь типичным полифагом, коршун использует множество способов отыскивания и добычи корма: охоту с воздуха медленным гребным (машущим) полетом в сочетании с планированием (скольжением без взмахов крыльями) и парящим полетом, скрадывание добычи поисковым полетом, выпугивание ее быстрым полетом низко над землей, высматривание жертвы балансирующим полетом (планирование против ветра, почти не двигаясь и не трепеща крыльями), выискивание с одного места (с возвышений), подкарауливание у нор и охота “пешком” на земле (Варшавский, 1963). Обычно перечисленные способы комбинируются, но в зависимости от местных условий и кормовых объектов развитие получают один или два из них, остальные же остаются дополнительными и применяются при возможности.

Наблюдения в казахстанской части Алтая показывают, что коршуны в данной местности проявляют выраженные черты антропофильности и тяготеют при гнездовании к окрестностям сел. Особенно хорошо это заметно в горно-лесной части, где большинство встреченных пар держится вблизи деревень (Березовиков, 1989). Так, в котловине оз. Маркаколь в радиусе 1 км от населенных пунктов ежегодно гнездится по 1-2 пары коршунов, а в целом 70-80 % пар тяготеет к поселкам. Ежедневно в весенне-летнее время здесь можно видеть 1-4 коршунов, охотящихся над прибрежными деревьями и отдыхающих на их окраинах на телеграфных столбах или сухих вершинах деревьев.

Другая черта коршуна в казахстанской части Алтая – его регулярное присутствие на крупных свалках, особенно вблизи городов, больших поселков и птицеферм, где постоянно можно видеть до 10 и даже до

20-25 птиц. Многолетнее изучение озерной популяции коршунов на Маркаколе показывает, что здесь это преимущественно рыбоядная птица, специализирующаяся главным образом на поедании снулой рыбы: пескаррей (*Gobio gobio*), ленков-ускучей (*Brachybystax lenok*), хариусов (*Thymallus arcticus*). Чаще всего коршуны охотятся вдоль береговой полосы, облетая акваторию и схватывая с водной поверхности мертвую рыбу, либо обнаруживая ее в полосе прибоя, выброшенной на берег. Наряду с черной вороной (*Corvus corone*), черноголовым хохотуном (*Larus ichthyaetus*) и озерной чайкой (*L. ridibundus*) он является здесь основным потребителем мертвой рыбы и его по праву можно считать полезной птицей и санитаром водоема.

Охотничьи приемы при добыче рыбы заключаются в схватывании ее с воды. При этом чаще всего подбирает ее во время волнобоя на озере, подхватывая с гребня волны. Пескаррей, как правило, поедают в полете, держа рыбу в одной лапе и отщипывая ее частями. Крупную рыбу, массой свыше 100 г, чаще всего мертвых ленков-ускучей, волоком дотаскивают до берега и поедают ее на земле. За живой рыбой обычно охотится на мелководье, при этом в основном ловит малоподвижных пескаррей, исключительно сильно зараженных лигулами.

В местах рыбного промысла нередко наблюдается концентрация коршунов в тех местах, где рыбу вытаскивают на берег неводами, после чего там остается множество рыбной мелочи, в особенности пескаррей, которых из-за сильной зараженности плероцеркоидами лигул местные жители не используют для пищи и обычно выбрасывают. В мае-июне, во время нереста на оз. Маркаколь ленка и хариуса, когда рыба в массе движется вверх по рекам и ручьям, коршуны охотятся вдоль речных русел, подбирая мертвую или ослабленную рыбу. В местах, где браконьерами производится перегораживание речных русел и рыба гибнет в большом количестве, коршуны держатся регулярно, при этом отмечаются скопления до 5-10 особей. В одном случае

15.06 1982 г. на р. Глуховой наблюдалось скопление из 62 коршунов, представленное в основном неполовозрелыми особями.

В апреле-мае прилетевшие коршуны охотятся на оз. Маркаколь чаще всего у польней на мелководьях за пескарями, а также облетают многочисленные рыбацкие лунки в местах подледного лова, где подбирают брошенных рыбаками пескарей.

Регулярно коршуны в поисках корма залетают в населенные пункты. Нам известно 8 случаев похищения ими цыплят и несколько неудачных попыток их похищения. В этой связи у местных жителей издавна существует отрицательное отношение к коршуну и наблюдаются попытки при любой возможности его отстрела. В одном случае, в августе 1980 г., в желудке молодого коршуна, добытого из докармливаемого выводка, обнаружены остатки котенка. Охоту за утятами домашних уток удалось наблюдать лишь один раз (26.07.1980 г.). При этом коршун первоначально напал на уток на озерном мелководье, поросшем мелким ивнячком, выгнал их на открытое водное пространство и после того, как они сбились в плотную стаю, стал нападать на отставшего утенка. Делая частые развороты, он пикировал над водой, пытаясь схватить его лапами за голову, но птенец каждый раз спасался нырянием. Нападения продолжались около 10 мин., до тех пор, пока хищник не был отпугнут от уток местным жителем. И еще в одном случае (29.07.1983 г.) видели на озере, как коршун безрезультатно пытался схватить с крутой волны пухового птенца свиязи (*Anas penelope*).

Коршуны нередко, особенно весной, посещают сельские свалки, где поедают выброшенные после разделки внутренности рыбы, а также кормятся на падали. Однажды (9.07.1981 г.) наблюдали коршуна, подобрывшего в ограде одного из домов куриное крыло, использовавшееся для подметания полов и пытавшегося выклевать сохранившиеся мышцы, при этом оно было отобрано у него двумя черными воронами.

Коршунам свойственно также явление нахлебничества – отбирания корма у дру-

гих птиц. Отмечались неоднократные попытки нападения на скоп (*Pandion haliaetus*), несущих рыбу (Березовиков, 1984). Нападают они и на черных ворон. Так, 26.05.1981 г. коршун атаковал ворону, несшую в клюве корм. Она после недолгого преследования бросила пищу, ее сразу же подобрал коршун. Затем он сам подвергся нападению двух ворон, от которых улетал, пассивно увертываясь. Впрочем, коршуны иногда и сами становятся жертвами нахлебничества. Например, 17.05.1982 г. мы видели, как на коршуна, поймавшего рыбу, напала черная ворона, которая подобрала оброненную им добычу. Хищника же, пытавшегося отбить утерянную рыбу, тотчас прогнала появившаяся вторая ворона. При отбирании корма коршуны иногда используют тактику резкого вспугивания птиц. Например, в с. Урунхайка кружащийся коршун, заметив ворон, кормящихся на проезжей части дороги, стремительно спикировал, облетел вокруг домов и неожиданно появившись из-за угла, напугал ворон и завладел оставшимся кормом.

Иногда они довольствуются остатками трапезы других хищников. Нам доводилось наблюдать коршунов, подолгу выжидающих окончания кормежки орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*). Охотно они выискивают корм, летая по дорогам, где подбирают погибших под колесами машин мелких животных (ящериц, змей, лягушек, сусликов, хорьков и др.). Подбираются ими и другие предметы, зачастую мало удовлетворяющие птицу в пищевом отношении. Так, обследуя 9.06.1983 г. на оз. Маркаколь в заболоченном березняке кормовой столик коршуна, устроенный на поваленной березе в 10 м от гнезда, мы обнаружили на нем среди остатков добычи сильно засохшую рыбу (ленок), зловонные клочки бараньей шкуры (вероятно, принесенные со скотомогильника), засохшую до состояния мумии тушку клушицы (*Pyrhacorax pyrrhacorax*) и промасленную брезентовую рукавицу!

При всей кажущейся на первый взгляд медлительности и неважных летных качествах коршун, в действительности, облада-

ет исключительной виртуозностью и маневренностью полета. Нам приходилось наблюдать (13.06.1981 г.), как при ожесточенных нападениях вороны на коршуна, залетевшего на ее гнездовой участок, он дважды подряд перевернулся через голову, а затем несколько раз классически демонстрировал “мельницу”, переворачиваясь с крыла на крыло. Иногда между коршунами происходят конфликты, переходящие в схватки. Так, 15.05.1981 г. видели, как два коршуна, сцепившись лапами, долго падали вниз и разлетелись уже над самой водой. Впрочем, в другой подобной стычке одна из птиц упала в воду и выбиралась на берег вплавь. В другом случае (18.04.1982 г.) коршуна, залетевшего на гнездовой участок другой пары, самец-хозяин агрессивно изгонял на протяжении 400 м, при этом хищники дважды схватывались лапами и падая, дважды вместе легко переворачивались через крыло (“мельница”). В другой раз, в подобной же ситуации, преследуя чужака, самец настиг его и схватил лапами за правое крыло, в результате чего он, потеряв инерцию полета, перевернулся через голову, вывернувшись из когтей преследователя. Несколько раз эта преследуемая птица опрокидывалась на спину и сцепившись с преследователем когтями и держа крылья распростертыми, пролетала в подобном положении по прямой 5-10 м, а в дальнейшем опять опрокидываясь на спину, отбивала лапами ожесточенные атаки нападавшего. При столкновениях слышались пронзительные крики типа “стрии”. Самка, находившаяся в это время поблизости, участия в конфликте не принимала, но постоянно издавала звонкие призывные крики “кий-кикики”. Характерный же территориальный крик коршуна звучит как звонкая “разбойничья” трель “фиирльрль”. Охотящиеся самцы чаще всего издают крик “фюююрль”. Самка, находящаяся на гнездовой участке и требующая у самца корм, способна издавать крик в среднем через каждые 30 сек, а в одном случае за 15 мин. она издала 64 просящих крика.

ЛИТЕРАТУРА

- Березовиков Н.Н. (1984): Скопа. Алма-Ата: Кайнар. 1-79.
- Березовиков Н.Н., Зинченко Е.С. (1988): К биологии чеглока (*Falco subbuteo*) в горно-лесной части Южного Алтая. - Экол. и поведение птиц. М. 70-74.
- Варшавский С.Н. (1963): Особенности питания черного коршуна в Актобинских степях. - Орнитология. М.: МГУ. 6: 210-215.
- Галушин В.М. (1980): Хищные птицы леса. М. 1-158.
- Данилов О.Н. (1976): Хищные птицы и совы Барабы и Северной Кулунды. Новосибирск. 1-158 с.
- Зарудный Н.А. (1888): Орнитологическая фауна Оренбургского края. - Зап. Имп. Академии Наук. 57 (1): 1-338.
- Корелов М.Н. (1962): Отряд Хищные птицы – *Falconiformes*. - Птицы Казахстана. Алма-Ата. 2: 509-514.
- Костин А.Б. (1988): Численность и территориальный консерватизм хищных птиц Центрально-Черноземного заповедника. - Сезонные перемещения и структуры популяций наземных позвоночных животных. М. 90-101.
- Мантейфель Б.П. (1980): Экология поведения животных. М. 1-220 с.

Н.Н. Березовиков,
Институт зоологии, лаб. орнитологии,
Академгородок,
480060, г. Алматы,
Казахстан (Kazakhstan).

Киевский эколого-культурный центр и Центр охраны дикой природы проводят в середине мая 2002 г. в Киеве международную школу-семинар “**Заповедные территории в общественном сознании: этические и культурные аспекты**” (“Трибуна-8”). Тематика семинара:

- этические проблемы ОПТ;
- традиционно культовые природные территории как духовное наследие;
- состояние и перспективы сохранения традиционно культовых природных территорий и объектов;
- мотивы участия населения в защите охраняемых природных территорий.

Материалы семинара будут изданы в виде сборника статей (до 10 стр., язык – русский).

Статьи и заявки на участие в семинаре необходимо направить в оргкомитет до 1.02.2002 г. Адрес оргкомитета:

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, КЭКЦ. E-mail: kekz@carrier.kiev.ua.

PHENOLOGY OF AUTUMN MIGRATION OF THE ROLLER IN UKRAINE

V.N. Grishchenko

Фенология осенней миграции сизоворонки в Украине. - В.Н. Грищенко. - Беркут. 10 (1). 2001. - Данные собраны при помощи фенологической анкеты, использованы также литературные сведения и собственные наблюдения. Всего за период 1961-2000 гг. получено 238 фенодат из всех областей Украины и АР Крым. Последних сизоворонок наблюдают в разных местах с середины августа до второй половины сентября и первой декады октября, редко птицы задерживаются дольше. Для большинства областей средняя многолетняя дата последнего наблюдения приходится на первую половину сентября. Стандартное отклонение в среднем составляет $12,3 \pm 0,5$ дней ($n = 25$). Построена фенологическая карта окончания осенней миграции. Отлет идет неравномерно. Дольше всего сизоворонки задерживаются в северо-западных, центральных и юго-восточных областях Украины.

Abstract. Phenological data were collected for the period since 1961 till 2000. Total 238 dates of last observation for all 25 regions of Ukraine were analysed. Last rollers are observed in various places from middle of August up to the second half of September and the first ten-day of October. Average long-term dates of the last observation in separate regions fluctuate from 30.08 till 4.10 (Table). Variation (standard deviation) of times of departure fluctuates from 7,8 to 16,4 days in different regions, on average it makes $12,3 \pm 0,5$ days ($n = 25$). Phenological map of departure was prepared. For a longest time rollers stay in north-west, central and south-east parts of Ukraine (Fig.).

Key words: Roller, *Coracias garrulus*, Ukraine, migration, phenology, autumn, phenological map.

Address: V.N. Grishchenko, Kaniv Nature Reserve, 19000 Kaniv, Ukraine. e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua.

The Roller (*Coracias garrulus*) was a common and widespread bird species in Ukraine. In last decades its number has considerably decreased. In many regions this bird became a rare species or has stopped breeding (Knysh, Matviyenko, 1995; Grishchenko, 1998; Skilsky, 1998, etc.). Number decreasing and range contraction have been occurring practically in whole Europe since the 1950s, since the 1970s the decline has accelerated (Tucker, Heath, 1994; Bauer, Berthold, 1997; Samwald, Štumberger, 1997).

Breeding range of the Roller covers the whole territory of Ukraine. It breeds also in countries to the north: Baltic states, Belarus, Russia. Main wintering grounds are situated in Africa to the south of the Sahara (Glutz von Blotzheim, Bauer, 1994; Samwald, Štumberger, 1997; Fry, 2001).

Rollers migrate in the daytime (Stresemann, 1944; Fry, 2001).

Material and methods

Phenology of bird migrations was studied in Kyiv university with the help of special phe-

nological questionnaire. The department of zoology have been sending it on the whole territory of Ukraine since 1975. This work was directed by Dr. V.V. Serebryakov. Questionnaires were received by teachers, schoolchildren, scientists, amateur-ornithologists, etc. We have processed data about autumn migration of 30 bird species, including the Roller (Grishchenko, 1994a). They have made a basis of this work. Later the additional information was obtained from birdwatchers. The literature data (Kostin, 1983; Gorban, Khimin, 1991; Klestov, Osipova, 1992; Marisova et al., 1992; Volove ochko..., 1993; Potapov, 1995; Kuzmenko, 1996; Afanasyev, 1998; Polyushkevich, 1998; Skilsky, 1998; Tarina, Kostin, 1999; Grishchenko, Gavrilyuk, 2000) and own observations were used too. The time interval was extended.

Last observation of the Roller was registered. Obtained data cover the period in 40 years (1961-2000). Total we have 235 records from all 25 regions of Ukraine. They were grouped by regions. For them average dates of departure were calculated (Table). In the Table main statistic information is presented:

mean value, standard error, standard deviation, extreme dates. Phenological map of migration were built on the ground of these data (Fig.). We have used the territorial method of phenological mapping: the average date is attributed to the geographic centre of a territory, in this case it is an administrative region (Grishchenko, 1994b).

Results and discussion

Last rollers are observed in various places from middle of August up to the second half of September and the first ten-day of October, there are only several records in later

times. Average long-term dates of the last observation in separate regions fluctuate from 30.08 till 4.10, the majority of them accounts for the first half of September (Table). Variation (standard deviation) of times of departure fluctuates from 7,8 to 16,4 days in different regions, on average it makes $12,3 \pm 0,5$ days ($n = 25$).

The departure goes uneven. There are areas with earlier and later times of the last observation. For a longest time rollers stay in north-west, central and south-east parts of Ukraine. Stripes of the early departure pass in the south-west direction over the Carpathians, to the south over Zhitomir region, Vin-

Times of last observation of the Roller in Ukraine in 1961-2000

Сроки последнего наблюдения сизоворонки в Украине в 1961-2000 гг.

Region	n	M	SE	SD	Lim
Vinnitsa	10	7.09	4,4	13,8	13.08 – 20.09
Volynia	12	21.09	4,0	13,8	3.09 – 12.10
Dnipropetrovsk	17	10.09	2,7	11,1	26.08 – 2.10
Donetsk	6	16.09	5,8	14,2	28.08 – 5.10
Zhitomir	9	31.08	3,6	10,8	15.08 – 14.09
Transcarpathians	4	30.08	7,1	14,3	14.08 – 12.09
Zaporizhzhya	5	4.10	6,1	13,7	18.09 – 25.10
Ivano-Frankivsk	3	6.09	4,8	8,3	30.08 – 15.09
Kyiv	8	11.09	3,7	10,6	30.08 – 3.10
Kirovograd	3	11.09	7,8	13,5	29.08 – 25.09
Crimea	15	12.09	2,6	10,1	28.08 – 28.09
Lugansk	17	9.09	3,1	12,8	13.08 – 5.10
Lviv	11	15.09	4,1	13,4	20.08 – 30.09
Mykolayiv	13	13.09	3,1	11,2	17.08 – 28.09
Odesa	9	12.09	4,7	14,2	20.08 – 2.10
Poltava	10	4.09	4,3	13,7	15.08 – 27.09
Rivne	12	8.09	2,7	9,5	20.08 – 20.09
Sumy	11	8.09	2,5	8,3	25.08 – 20.09
Ternopil	7	7.09	4,8	12,6	26.08 – 28.09
Kharkiv	7	17.09	3,0	7,8	6.09 – 30.09
Kherson	7	18.09	5,2	13,7	27.08 – 4.10
Khmelnitskiy	5	16.09	7,3	16,4	20.08 – 3.10
Cherkasy	10	8.09	3,6	11,2	24.08 – 25.09
Chernigiv	23	7.09	2,8	13,5	14.08 – 3.10
Chernivtsi	4	17.09	7,6	15,1	29.08 – 5.10
Total:	238			$12,3 \pm 0,5$	13.08 – 25.10

- Ukraine]. - Problemy vyvchennya ta okhorony ptakhiv. Lviv-Chernivtsi. 72-73. (Ukr.).
- Kuzmenko Yu. V. (1995): [Materials on rare and included in Red Book bird species of the north of the Dnieper lowland]. - Materialy konferentsii 7-9 kvitnya 1995 r., m. Nizhyn. Kyiv. 72-74. (Ukr.).
- Marisova I.V., Samofalov M.F., Babko V.M. (1992): [History of study and phenology of bird migrations in Chernigiv region]. - Sezoniye migratsii ptits na territorii Ukrainy. Kyiv. 221-240. (Rus.).
- Polyushkevich I.M. (1998): [Materials on the phenology of bird migrations in Korostyshiv district of Zhitomir region]. - Avifauna of Ukraine. 1: 62-74. (Ukr.).
- Potapov O.V. (1995): [Birds of the lake Kugurluy and adjacent territories]. - Ecosistemy dikoy prirody. Odesa. 2: 13-30. (Rus.).
- Samwald, Štumberger, (1997): Roller. - Hagemeyer E.J.M., Blair M.J.(Eds.). The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their Distribution and Abundance. London: T.&A.D. Poyser. 436-437.
- Skilsky I.V. (1998): [The Roller (*Coracias garrulus*, *Coraciiformes*) in region of the Ukrainian Carpathians: peculiarities of biology, present situation of population and conservation]. - Voprosy biotsenologii. Saratov: Saratov Univ. 120-132. (Rus.).
- Stresemann E. (1944): Die Wanderungen der Blauracke (*Coracias garrulus*). - Orn. Monatsber. 52 (5-6): 132-146.
- Tucker G.M., Heath M.F. (1994): Birds in Europe: Their conservation status. Birdlife Conservation Series. Cambridge. 3: 1-600.
- Tarina N.A., Kostin S.Yu. (1999): [Ornithological observations on Lebyazhyi islands in 1996]. - Fauna, ekologiya i okhrana ptits Azovo-Chernomorskogo regiona. Simferopol. 38-42. (Rus.).
- Volove ochko. Troglodytes (1993): [Catalogue of the ornithofauna of western regions of Ukraine. Ornithological observations in 1991-1992]. Lutsk. 3: 1-69.

Замітки	Беркут	10	Вип. 1	2001	114
---------	--------	----	--------	------	-----

ЦІКАВІ ВИПАДКИ ГНІЗДУВАННЯ КОНОПЛЯНКИ І ЧОРНОЇ ГОРИХВІСТКИ

Interesting cases of nesting of the Linnet and the Black Redstart. - K.O. Redinov. - Berkut. 10 (1). 2001. - Linnets nested in vine near entrance in the house and under roof of a shed. Redstarts have occupied a nest of the Swallow. Mycolayiv region. [Ukrainian].

В с. Широколанівка Веселинівського р-ну Миколаївської обл. у 1994-1997 рр. зареєстровано кілька незвичайних випадків гніздування коноплянки (*Acanthis cannabina*).

У 1994 р. в обійсті автора птахи збудували гніздо на винограді на висоті 2,3 м на віддалі 1 м від входу в будинок. Незважаючи на постійну присутність людей, вони успішно вивели 6 пташенят. У 1996 р. коноплянки знову збудували гніздо на тому ж місці, але його розорив кіт. У 1997 р. над виноградом біля входу в будинок був установлений жерстяний навіс від дощу. Коноплянки загніздилися під навісом. Виводок був знову знищений котом. У 1994 р. знайдене гніздо коноплянки під дахом дерев'я-

ного сараю, вкритого рубероїдом. Птахи збудували гніздо на передній стінці, у лівому верхньому кутку, у щілині між дошками і рубероїдом.

У 1998 р. в с. Покровка Веселинівського р-ну відмічений випадок заселення чорною горихвісткою (*Phoenicurus ochruros*) гнізда сільської ластівки (*Hirundo rustica*). Воно знаходилося в коридорі шкільної майстерні на висоті 3,6 м. 29.05 в ньому було 5 дорослих пташенят. Незважаючи на присутність людей, горихвістки годували їх, залітаючи в отвір у дерев'яній стінці і пролітаючи через весь коридор довжиною 30 м. Подібний випадок спостерігався також у Чернівецькій області (Глібка, 1992).

ЛІТЕРАТУРА

Глібка І.В. (1992): Заселення чорною горихвісткою гнізда сільської ластівки. - Беркут. 1: 118.

К.О. Редінов

Заповідник "Єланецький степ",
с. Калинівка, Єланецький р-н,
55553, Миколаївська обл.,
Україна (Ukraine).

НОВІ ЗНАХІДКИ “ЧЕРВОНОКНИЖНИХ” ВИДІВ ПТАХІВ У МЕЖАХ БУКОВИНСЬКИХ КАРПАТ

І.В. Скільський

New records of bird species included in the Red Book of Ukraine in the Bukovinian Carpathians. - I.V. Skilsky. - Berkut. 10 (1). 2001. - Data were collected in Chernivtsi region in 1999-2001. Information about 7 rare species is presented. [Ukrainian].

Key words: the Carpathians, fauna, rare species, distribution, breeding.

Address: I.V. Skilsky, P.O. Box 532, 58001 Chernivtsi, Ukraine.

Матеріали зібрані протягом 1999–2001 рр. на території Вижицького (сmt Берегомет, села Багна і Майдан), Глибоцького (села Біла Криниця, Кам’янка, Станівці і Стерче), Путильського (села Плоска, Селятин, Усть-Путила, Шпетки, лісоділянка Перкалаб) та Сторожинецького (сmt Красноільськ, села Банилів-Підгірний, Буденець, Великий Кучурів, Давидівка, Кам’яна, Комарівці, Ропча і Стара Жадова) районів Чернівецької області. Автор висловлює щирю подяку П.І. Гаврилашук, Л.В. Сторожук, І.Б. Термені, а також А. Finne й іншим дослідникам за надання неопублікованих відомостей.

Лелека чорний (*Ciconia nigra*). Восени 1999 р. 14 особин виявлено на полі поблизу с. Великий Кучурів (І.Б. Термена, особ. повід.). У 2000 р. ми спостерігали птахів 27.06 – 1 ad. і 1 imm. літали над луками в долині р. Славець (тут є придатні для гніздування місця) неподалік від с. Майдан, 21.07 – 3 ad. прямували на північний схід, певний час кружляючи над лісом в околицях сmt Красноільськ, і 26.07 – 1 ad. пролетів над р. Черемош біля с. Шпетки. Окрім того, 11.08 поблизу с. Ропча обстежене гніздо чорного лелеки, відоме тут з 1995 р. (Скільський, Федорча, 1995). Зверху на будівлі лежала товста суха гілка, яка раніше відломилася трохи вище від стовбура дерева; пара цього року пташенят не виводила, а от у 1999 р., за даними місцевого жителя, гніздо було заселене. Також, протягом репродуктивного періоду 2000 р. постійно спостерігали територіальну пару в

урочищі “Кошуя” (ялицево-буковий ліс і прилеглі ділянки) біля с. Банилів-Підгірний (Л.В. Сторожук, особ. повід.). 12.04 і 10.05. 2001 р. ми бачили по 1 особині в околицях с. Давидівка та с. Стара Жадова відповідно; птахи шукали поживу на заболочених луках. Навесні 2001 р. чорного лелеку виявили місцеві жителі на мілководді ставка в межах Лаурського лісництва поблизу сmt Красноільськ. 18.08.2001 р. 1 ad. спостерігали на луках неподалік від сmt Берегомет (А. Finne, особ. повід.).

Орел-карлик (*Hieraetus pennatus*). Протягом 2000 р. виявляли двічі. 13.04 птах літав над ялицево-буковим лісом, пізніше, очевидно цього ж орла-карлика ми бачили на деревах скраю поля, с. Буденець. 27.06 виявлена територіальна пара в долині р. Славець поблизу с. Майдан. Обидва птахи активно полювали на луках, а з упійманою здобиччю літали в напрямку до листяного лісу (характерний біотоп); імовірно, що носили корм до гнізда з пташенятами. У 2001 р. по 1 особині спостерігали 10.05 біля с. Стара Жадова, 28.06 північніше с. Багна та поблизу с. Комарівці. В усіх випадках птахи кружляли над полями та луками, вистежуючи здобич.

Підорлик малий (*Aquila pomarina*). 16.06.1999 р. 3 особини літали високо в небі над лісом і скелями в долині потоку Прелучний (ліва притока р. Перкалаб), лісод. Перкалаб на межі Чернівецької та Івано-Франківської областей. Протягом 2000 р. кружляючих над лісовими масивами птахів (по 1 особині) ми спостерігали 13.04 (с. Буде-

нець), 8.06 (с. Пlosка) і 5.07 (с. Банилів-Підгірний), а у 2001 р. – 17.05 (с. Буденець), 13.06 (лісод. Перкалаб) і 29.06 (с. Стерче).

Беркут (*A. chrysaetos*). 13.06.2001 р. доросла особина літала над ялиновим лісом південніше с. Селятин.

Глухар (*Tetrao urogallus*). Наприкінці 1990-х рр. птахів зустрічали у хвойних лісах поблизу с. Усть-Путила (П.І. Гаврилащук, особ. повід.). Протягом весняно-літнього періоду 2001 р. місцеві жителі виявляли глухарів у районі г. Великий Камінь, лісод. Перкалаб.

Сова довгохвоста (*Strix uralensis*). 20.07.2000 р. в ялицево-буковому лісі біля смт Красноільськ чули голос територіальної пари (птахи перегукувалися між собою).

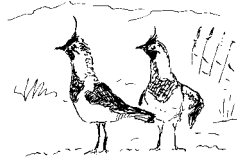
Сорокопуд сірий (*Lanius excubitor*). 22.06.1999 р. птах літав між деревами білої тополі уздовж дороги часто сідаючи на дроти ЛЕП, с. Станівці. У 2000 р. на окраїні с. Біла Криниця серед однорядних пришляхових насаджень білої акації виявлене заселене гніздо (Чорней та ін., 2001). Наведемо більш конкретні відомості. Гніздо знаходилося в розгалуженні стовбура акації на висоті 5 м від землі. На момент проведення обстежень воно було збудоване десь на 50 %. У стінки була вплетена значна кількість шматків поліетилену. 1 ад. тривалий час сидів біля гнізда, підпустивши спостережника на дуже близьку віддачу. 8.05 самка продовжувала насиджувати кладку (очевидно останні дні перед вилупленням пташенят), не звертаючи майже ніякої уваги на дослідників, які підійшли впритул до дерева. Окрім того, у 2001 р. по 1 птаху виявлено 26.04 біля с. Кам'янка (імовірно, що спостерігали самця, а самка десь сиділа на гнізді; поодинокі дерева на луках) та 9.05 поблизу с. Кам'яна (дроти ЛЕП серед поля).

ЛІТЕРАТУРА

- Скільський І.В., Федорча Д.С. (1995): Нове місце гніздування чорного лелеки у Північній Буковині. - Беркут. 4 (1-2): 87.
 Чорней І.І., Буджак В.В., Скільський І.В. (2001): Урочище "Варниця" (Чернівецька область) – перспектив-

на територія для створення заповідного об'єкта. - Міжнар. наук. конф. "Фальцфейнівські читання" (25-27 квітня 2001 р.). Херсон: Terra. 206-207.

І.В. Скільський,
 а/с 532, м. Чернівці, 58001,
 Україна (Ukraine).

Уважаемые коллеги!

Мензбировское орнитологическое общество начинает функционировать. Общество видит своими основными задачами поддержку орнитологических проектов, а также – оперативную рассылку информации. Уже более 2 месяцев работает сайт в Интернете, адрес – menzibir.narod.ru (Автор – Андрей Лисовский).

В настоящее время до решения юридических вопросов с регистрацией общества и уплатой членских взносов членами общества считаются все зарегистрированные на настоящий момент члены Мензбировского орнитологического общества. Для обновления базы данных просим подтвердить свое членство всех, кто продолжает считать себя членами общества, пришло на почтовый адрес МОО

**103009 г. Москва, ул. Б. Никитская, 6,
 Зоологический музей МГУ,
 Отдел орнитологии, Мензбировское
 орнитологическое общество**
 или по электронной почте на адрес
vitkont@darwin.museum.ru

(В.В. Конторчикову) заявление следующего содержания:

Я, (Ф.И.О.), подтверждаю свое членство в Мензбировском орнитологическом обществе.

Мой почтовый адрес для контактов _____
 телефон _____
 e-mail _____
 (подпись).

СПАСТИ ПТИЦ МОЖЕТ И ВЕРА, И ЛЮБОВЬ, И БЛАГОГОВЕНИЕ

В.Е. Борейко

Belief, love and reverence can save the birds. - V.E. Boreyko. - Berkut. 10 (1). 2001. - Religious motivation of bird conservation is discussed. Eco-ethic principles of main east religions can be used for creation of new effective ecological ethics and ideology of protection of the birds. Ways of such using are considered. [Russian].

Key words: bird conservation, motivation, religion, ecological ethics.

Address: V.E. Boreyko, Kulibin str. 5/221, 03062 Kyiv, Ukraine. E-mail: kekz@carrier.kiev.ua.

*Нет ничего сильнее идеи, которая
вовремя появилась.*

В. Хьюго.

В отклике на мою статью “Охрана птиц с позиций восточных религий” (Борейко, 1999) Е.А. Лебедь (2000) поднял важный вопрос о механизме распространения среди широких слоев населения этических принципов, могущих “работать” на идею охраны птиц. Вопрос этот очень важный, новый, практически не обсуждался среди отечественных орнитологов, философов, теологов, деятелей природоохраны, и поэтому я попробую изложить самые предварительные предложения. Я полагаю, что эколого-этические принципы, содержащиеся в восточных религиях, в целях охраны птиц можно распространять среди населения при помощи: а) восточных религий; б) экологической этики; в) религии природоохраны. Рассмотрим это подробнее.

Распространение и “озеленение” восточных религий

В последнее время на Западе получили широкое распространение различные восточные религии и прежде всего буддизм (Gottlich, 1996). Международная сеть буддизма, основанная в 1989 г. лауреатом Нобелевской премии Суяком Сивараксой, с особым вниманием относится к экологичес-

ким проблемам. Буддистский тибетский центр Сэмье-Лунг из Шотландии купил морской остров, чтобы устроить там религиозный заповедник для птиц. Американские буддисты борются против ядерных свалок. Ряд западных буддистов традиционные четыре обета буддиста дополнили пятым, экологическим – “Чувствующих существ множество; я буду делать все возможное для их спасения”. В последнее время в традиционном буддизме все активнее ощущается экологическое крыло, особенно значимое в США. Возможно, в недалеком будущем можно будет заявить о рождении нового направления буддизма – экобуддизма или “зеленого” буддизма, связывающего воедино взгляды “глубинной” экологии и дзен-буддизма.

Можно ожидать, что при дальнейшем углублении кризиса ортодоксального христианства (православия), сопровождающегося дележкой храмов, освящением атомных станций и т. п., в Украине, России и других странах СНГ будут активнее распространяться восточные религии, прежде всего буддизм, несущие в себе многие эколого-этические принципы. Другой процесс, параллельный первому – “озеленение” восточных религий, более активно и оперативно, в отличие от православия или ислама, откликающихся на природоохранные проблемы.

* Точка зору автора може не співпадати з позицією редакції.

Все это в той или иной степени, можно предположить, будет содействовать птицеохранной деятельности.

Этика дикой природы

Американский экофилософ Линда Грэбер предложила новое радикальное направление в экологической этике, назвав его этикой дикой природы (Грэбер, 1999). В отличие от классической этики земли Олдо Леопольда, эта этика направлена не на “мудрое использование земли”, а скорее, на ее неиспользование. Мной были разработаны основные принципы этики дикой природы (в работе, кстати, я много взял от философии восточных религий):

1) почитать дикую природу как святое пространство;

2) почитать любую жизнь как священную;

3) уважать свободу, автономию, независимость, моральные права дикой природы и ее видов;

4) заповедать как можно больше участков дикой природы;

5) не причинять вреда дикой природе, ибо это грех;

6) любить и ценить живые существа и участки дикой природы ради них самих;

7) существование дикой природы и ее видов хорошо само по себе;

8) неиспользование дикой природы – благо;

9) дикая природа осуществляет свое эволюционное предназначение (Борейко, 2001).

Этика дикой природы обязывает отказаться от навязывания своей воли дикой природе, учит благоговеть перед ней, требует уважения автономии дикой природы и способности диких видов самим определять ход их собственных жизней. Согласно этой этике, все, что делается для защиты дикой природы и видов флоры и фауны – благо. Убить птицу из-за любой мотивации – научной или спортивной – является по своей сути неправильным. В поле зрения

этики дикой природы находятся не только экосистемы и виды, но и отдельные существа. Ее цель – максимальное неиспользование дикой природы, а также заповедание как можно большей площади дикой природы.

Хочется надеяться, что этика дикой природы будет способствовать формированию особой, радикальной части нашего природоохранного сообщества.

Религия природоохраны

Ряд известных зарубежных и отечественных природоохранников – Джон Мюир, Дэвид Броуэр, Линда Грэбер, Феликс Штильмарк полагают, что деятелями охраны природы движет особая религия, что-то наподобие язычества или пантеизма. Я ее назвал религией природоохраны (Борейко, 2000). Она основана на вере в святость любой жизни и на вере в священность любого участка дикой природы. Признание священности этих двух вещей помогает избавиться от идеологии господства над природой. Признание священности дикой природы и жизни любого создания увеличивает их общую ценностную оценку за счет такой почитаемой среди различных народов ценности, как религиозная. Религия природоохраны, в отличие от многих других религий, основана не на спасении человека, а на спасении природы и проповедует чистый, не запятанный какими-либо меркантильными надеждами альтруизм.

Охрана птиц, защита природы в целом для таких религиозных экологов является Божьим делом.

Вместе с тем, очень опасно допускать, чтобы священность дикой природы становилась инструментальной ценностью. Ибо в нашей современной коммерческой культуре священное запросто может получить рыночную основу, что будет грозить дикой природе и ее видам уничтожением.

Как справедливо полагает американский экофилософ Линда Грэбер, удивительная схожесть убеждений среди истинных сторонников дикой природы, их членство

в организациях, их задача – сохранение дикой природы, их чувство тождественности, и их степень эмоциональной приверженности говорит о возникновении чего-то вроде святой общности (Грэбер, 1999). Хочется надеяться, что в будущем различные птицеохранные организации, типа Союза охраны птиц России, Украинского общества охраны птиц, Союза молодых орнитологов Украины и т. д., будут держаться не только на желаниии их членов изучать орнитофауну, но и на чувстве благоговения или религиозного почитания таких чудесных и необыкновенных существ как птицы.

Ментальные основы для распространения экологической этики среди народов Украины

В той или иной степени многие современные направления экологической этики (этика земли О. Леопольда, универсальная этика А. Швейцера, этика дикой природы Л. Грэбер, “глубинная” экология А. Нейса, экофеминизм, освобождение животных, движение за права животных и т. п.) многое взяли в свой арсенал от различных восточных религий, а также язычества. Эта вера в святость любой жизни, почитания дикой природы как священного пространства, принцип ахимсы, принцип терпимости ко всем живым существам, принцип метты-доброты и любви ко всем существам, а также принцип сострадания ко всем живым существам. Эколого-этические принципы, присущие той или иной религии, часто имеют сложные теологические и философско-исторические толкования. Наверяд ли их нужно знать простым людям. Как говорится – понятый Бог не является Богом. Многие ли христиане могут толково объяснить возникновение поста или рассказать, что такое Бог-сын и Бог-дух? С точки зре-

Ответы опрошенных на вопрос о том, для чего на Земле существуют птицы
Answers of respondents to the question, for what the birds exist on the Earth

Вариант ответа	Занятое место	Суммарный балл
Для равновесия в природе	1	450
Созданы природой независимо от пользы для человека	2	386
Для борьбы с вредителями сельского хозяйства	3	122
Услаждать человека своей красотой и пением	4	75
Не знаю	5	66
Как охотничья добыча	6	44
Для научных исследований	7	41
Славить Бога	8	34

ния любой религии – главное, что люди в нее верят и придерживаются ее этических принципов. Что же касается нас, природоохранников, то наша задача, как я уже писал в “Беркуте”, более прагматична – выделить из различных религий экологически значимые этические принципы и использовать их для создания “новой, мощной и действенной экологической этики и идеологии охраны птиц.” (Борейко, 1999)

Серьезной проблемой является вопрос – а насколько альтруистичные идеи экологической этики могут быть поняты и подхвачены в нашем прагматическом обществе? Летом 2000 г. группой специалистов Днепропетровского университета (под руководством к. г. н. К.Н. Горба) по заданию и при поддержке Киевского эколого-культурного центра проводились первые в Украине широкомасштабные социологические исследования с целью изучения отношения населения Украины к дикой природе и видам дикой природы (Горб, Сесин, 2001). Был опрошен 1221 человек в различных регионах Украины. И надо сказать – первые результаты обнадеживают, распространение идей экологической этики имеет у нас будущее.

Один из вопросов касался ценностного отношения к птицам. Опрошенным предлагалось из 8 вариантов выбрать ответ на вопрос: “Для чего в первую очередь на Земле существуют дикие птицы?” (табл.). Как видим, экологическая и внутренняя (этическая) ценности лидируют с огромным отрывом. А научная ценность, так любимая профессиональными орнитологами, не пользуется широкой поддержкой у населения.

Думается, эти важные выводы могут явиться серьезным подспорьем в разработке как новой идеологии охраны птиц, так и в экологическом образовании и воспитании населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Борейко В.Е. (1999): Охрана птиц с позиций восточных религий. - Беркут. 8 (2): 217-219
 Борейко В.Е. (2000): Постигание экологической теологии. Киев: Киевский эколого-культ. центр. 1-88.

- Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. Киев: Киевский эколого-культ. центр. 1-124.
 Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 2-е изд. 2: 1-172.
 Горб К.Н., Сесин В.А. (2001): Дикая природа в оценках населения Украины: общая концепция и первые результаты перцепционно-географического исследования. - Гуман. экол. ж. 3 (Спецвыпуск): 45-60.
 Грэбер Л. (1999): Дикая природа как священное пространство. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-56.
 Лебедь Е.А. (2000): Выбор веры и охрана природы. - Беркут. 9 (1-2): 129-132.
 Gottlich (ed.). (1996): This sacred earth: religion, nature, environmental. London and New York: Routledge. 1-550.

В.Е. Борейко,
 ул. Кулибина, 5, кв. 221,
 03062, г. Киев,
 Украина (Ukraine).

Замітки	Беркут	10	Вип. 1	2001	120
---------	--------	----	--------	------	-----

О ДОБЫВАНИИ РЫБЫ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЛАСТОЧКОЙ

About prey of fishes by the Swallow. - I.R. Merzlikin. - *Berkut*. 10 (1). 2001. - Two cases of hunting on little fishes in Sumy region and in the Crimea are described. [Russian].

Отмечены 2 случая добывания деревенскими ласточками (*Hirundo rustica*) рыбы.

18.06.1984 г. в 12²⁰ во время экскурсии осматривали в бинокль один из крупных прудов, расположенных в окрестностях с. Севериновка Сумского р-на Сумской обл. Стояла жаркая солнечная погода, дул легкий ветер. Над прудом на высоте около метра кормились 5 деревенских ласточек. Периодически птицы на лету окунались в воду. Одна из них схватила с поверхности рыбку, по всей видимости обыкновенную овсянку (*Leucaspius delineatus*) и проглотила ее.

Второе наблюдение было сделано в 14³⁰ 18.08.2000 г. в окрестностях с. Береговое Симферопольского р-на (Крым). Жарким солнечным безветренным днем три деревенских ласточки кормились над морем в 5-15 м от берега. Птицы ловили летающих насекомых в 1-3 м от поверхности. Вдруг одна из ласточек спикировала к воде, выхватила мелкую рыбешку и тут же проглотила ее.

В течении дальнейших наблюдений в первом (30 минут) и втором (20 минут) случаях ласточки не повторяли попыток поймать рыбу.

И.Р. Мерзликин

пр-т Лушты 20/1, кв. 45,
 40034, г. Сумы,
 Украина (Ukraine).

Cieślak M., Dul B.
Atlas piór rzadkich ptaków
chronionych. Warszawa, 1999.
171 s.

Институт охраны окружающей среды в Варшаве издал цветной атлас перьев редких охраняемых птиц. Книга предназначена для определения видов по перьям.

Атлас включает 8 основных разделов – введение, основная информация о перьях, рекомендации по использованию атласа, повидовые очерки и др. Виды сгруппированы по нескольким категориям: хищники без соколов, соколы и подобные к ним, аисты и подобные к ним, крупные и средние совы, крупные куриные, авдотка и подобные птицы, ракшеобразные. Эти группы, в свою очередь, разбиты на несколько подгрупп.

В видовом очерке приводится детальное описание маховых и рулевых перьев птицы – промеры, соотношение длины, окраска, форма, половозрастные различия и т. д. Для каждого вида есть фотографии перьев с масштабной линейкой. Указаны также виды, с которыми можно спутать перья данной птицы.

Хотя информация подана довольно сжато, и пользование атласом требует некоторых усилий и навыков, он несомненно будет полезен и для орнитологов, и для природоохранников.

В.Н. Грищенко

Mebis T., Scherzinger W.
Die Eulen Europas.
Biologie, Kennzeichen, Bestände.
Stuttgart: Kosmos, 2000. 396 S.

Среди вышедших в последнее время книг о совах эта – несомненно одна из лучших. Сводка посвящена распространению,

биологии, поведению, динамике численности, определению сов Европы.

В первых разделах книги дается детальное общее описание морфологии и биологии сов – разнообразие форм и видов, образ жизни, поведение, жизненные стратегии, биотопы, охрана. Далее следуют очерки по всем 13 видам сов Европы. В заключение приводится довольно интересная и полезная таблица определения видов, где для каждого из них указаны размеры, облик, особенности оперения, цвет радужины глаза, особенности лицевого диска, клюва, когтей, пальцев.

Довольно обширный очерк для каждого вида включает следующие главы: общие сведения, внешние признаки, подвиды, распространение, биотоп, плотность населения и область кочевков, численность, поведение и голос, питание, размножение, дисперсия, факторы угрозы и мероприятия по охране, открытые вопросы, список литературы. Распространение вида в Европе проиллюстрировано картосхемой. Приводится фотография основных перьев. Каждый очерк включает также несколько таблиц – численность и плотность населения в различных регионах Европы, издаваемые звуки.

Особо хочу остановиться на двух моментах. Во-первых, книга посвящена не только изучению, но и защите сов. Для каждого вида детально описаны охранные мероприятия, причем не общими фразами, как это нередко бывает. Приводятся конкретные рекомендации для практической деятельности – способы защиты гнезд, устройство искусственных гнездовий и т. п. Во-вторых, авторы особо выделяют неизученные вопросы, что очень полезно для молодых (да и не только) исследователей – сразу видно, на что стоит обратить особое внимание. Ведь любая сводка отражает не только совокупность накопленных знаний, но и пробелы в них, но мало кто берется это анализировать.

Карты распространения видов неплохо отражают ситуацию в Западной и Цент-

ральной Европе, но гораздо хуже в Восточной. Пробелов в этой сводке меньше, чем во многих других изданиях, но все же их немало. Например, показаны очаги гнездования бородатой неясыти (*Strix nebulosa*) в Белоруссии и Украинском Полесье, но границы ареалов мохноногого сыча (*Aegolius funereus*), воробьиного сычика (*Glaucidium passerinum*), длиннохвостой неясыти (*Strix uralensis*), сплюшки (*Otus scops*) указаны неточно.

Книга богато иллюстрирована великолепными цветными фотографиями, схемами и черно-белыми рисунками. Они значительно оживляют ее. Благодаря иллюстрациям и прекрасной полиграфии книгу просто приятно держать в руках. Важна она, кстати, не только для орнитологов и любителей птиц, но и для самих сов. Думаю, что благодаря ей появится несколько больше друзей этих птиц, полюбить которых многим мешают старые дурацкие предрассудки. Глядя на умильную мордашку слетка воробьиного сычика, женственную элегантность сипухи (*Tyto alba*), забавную возню с дождевым червем домового сыча (*Athene noctua*) или философское выражение “лица” бородатой неясыти, невозможно поверить, что они и их сородичи – пособники нечистой силы, вестники несчастья и т. д., и т. п.

В.Н. Грищенко

**Engler H. Die Teichralle.
Hohenwarsleben: Westarp-
Wissenschaften, 2000. 359 S.**

Издававшаяся в ГДР серия монографий “Neue Brehm-Bücherei” (“Новая Бремевская книжная серия”) хорошо известна нашим читателям. Вышли сотни добротных книг, хотя и не столь шикарных, как это делают сейчас во многих странах, но весьма информативных. После объединения Германии издание прекратилось, но несколько лет

назад серия стала выходить снова в издательстве Westarp-Wissenschaften. Уже появились новые издания многих известных монографий. В 2000 г. вышло 3-е издание книги Гельмута Энглера о камышнице (*Galinula chloropus*), первое издание которой увидело свет еще в 1980 г., а второе – в 1983 г. (NBB № 536).

Структура книги типична для подобных монографий. Основные разделы: систематическое положение, распространение вида, подвиды и их распространение, названия (научные и национальные), полевые признаки, описание номинативной формы (окраска, возрастные наряды, отклонения в окраске, размеры, вес), издаваемые звуки, гнездовое распространение, местообитания, биология размножения (гнездовой участок, образование пар и поведение в парах), биология гнездования (гнездо и поведение у гнезда, яйцо и кладка, гнездовой период), насиживание и развитие птенцов (вылупление, обогрев, кормление и т. д.), активность, способы передвижения, биология питания (состав пищи, кормежка), комфортное поведение, линька, паразиты, возраст, миграции, факторы угрозы и предложения по охране и др.

Монография существенно дополнена новыми сведениями и расширена. По сравнению с первым изданием объем ее увеличился на 131 страницу. Список литературы занимает 33 страницы.

В этой фундаментальной сводке детально рассматриваются различные аспекты биологии камышницы, распространение, поведение и т. д. Текст подробно структурирован на разделы и подразделы (подзаголовки до четвертого уровня), так что если читателя интересуют только отдельные вопросы, их легко найти.

В работе много черно-белых фотографий и рисунков, а также несколько цветных вкладок, хорошо иллюстрирующих рассматриваемые аспекты биологии и дополняющих текст.

В.Н. Грищенко

**del Hojo J., Elliott A., Sargatal J.
(Eds.). Handbook of the Birds of
the World. Barcelona: Lynx
Editions, 2001. Vol. 6.
Mousebirds to Hornbills. 589 p.**

По мере выхода новых томов серии “Handbook of the Birds of the World” (сокращенно – HBW) у рецензентов появляется все больше сложностей: употребляемые сравнительные и превосходные степени эпитетов к этому времени уже заметно обтрепались, а без них обойтись сложно – комплименты напрашиваются сами собой. Без всякого преувеличения это – лучшая из справочных серий, издаваемых в последние десятилетия. Она достойна занять видное место в любой орнитологической библиотеке.

Отдельных комплиментов заслуживают иллюстрации. На цветных таблицах приводятся изображения каждого вида, для некоторых из них даны также рисунки подвидов, форм, отражен половой диморфизм. Что важно, внизу каждой таблицы указан масштаб в дюймах и сантиметрах, благодаря чему по рисункам можно оценить сравнительные размеры птиц. Очень много великолепных цветных фотографий. Они интересны по сюжету, совершенны технически, часто еще и прекрасны художественно. К тому же, подписи к ним обширны и информативны.

Книгу можно просто листать, не вникая в текст (что, вполне вероятно, и делают многие любители птиц), и наслаждаться ею, смакуя каждую страницу как глоток дорогого вина, окунаясь с головой в фантастический мир птиц. Думаю, что для пробуждения интереса к птицам, воспитания любви к ним и к дикой природе в целом подобные издания имеют огромное значение. Невозможно оставаться полностью равнодушным, созерцая такую красоту и совершенство. В худшем случае читатель хотя бы поймет, что без птиц человечество все-таки что-то потеряет.

Следует отметить и основательную проработку литературы, в том числе не англоязычной, что способствует полноте и достоверности информации. В 6 томе, например, использовано около 6000 литературных источников. В современном мире в огромном потоке информации выловить нужные сведения, разумеется, непросто, и нередко издатели идут по пути наименьшего сопротивления. Слабое использование не англоязычной литературы, к примеру, отличает в худшую сторону такую известную серию, как “Birds of the Western Palearctic”.

В рецензии на первых три тома HBW я уже писал о структуре томов и повидовых очерков (см. “Беркут” 5/2, 1996, с. 233), поэтому не буду повторяться. В 6 том вошли три отряда: *Coliiformes*, *Trogoniformes* (по 1 семейству) и *Coraciiformes* (10 семейств, включая *Upupidae*). Всего в книге рассматривается 258 видов птиц. Первоначально планировалось довести 6 том до Дятлообразных, однако в ходе работы материал “вышел из под контроля”, и объем так разросся, что было решено издавать отдельный том по *Piciformes*, куда войдут семейства от якамар до дятлов.

Открывает 6 том в качестве предисловия большая обзорная статья по биоакустике птиц. Она была подготовлена известным американским орнитологом, специалистом в этой области Луисом Баптистой (L. Baptista), к сожалению, внезапно умершем в июне 2000 г., и доработана D. Krood-sma.

Все вышедшие тома HBW еще можно приобрести в издательстве. Для тех, кто в состоянии это сделать, сообщая адрес:

**Lynx Editions
Passeig de Gràcia, 12
08007 Barcelona
Spain**

Информацию о вышедших книгах, возможности их приобретения, ценах и т. п. можно узнать на сайте:

<http://www.hbw.com>

В.Н. Грищенко

Fauna and communities

Knysh N.P. Notes about rare and insufficiently known birds of the forest-steppe part of Sumy region	1
Grishchenko V.N., Yablonovska-Grishchenko E.D., Nehoda V.V., Prudenko O.D. To ornithofauna of Ukrainian part of the Seym river valley	20
Lugovoy A.E., Potish L.A., Kuzma V.Yu., Herevich A.V. Changes in bird fauna of the Uzh river valley (Transcarpathians) in the second half of XXth century	26
Domashevsky S.V. Materials on ornithofauna of the peninsula of Purikarineem (Estonia)	31
Nankinov D.N. Birds observed during the trip through West Germany, Belgium and England (June 16th – 26th, 1987)	43

Ecology

Appak B.A. Black Vulture in the Crimea	52
Shevtsov A.O. Breeding of the Long-legged Buzzard in Olexandriya district of Kirovograd region	63
Zavyalov E.V., Tabachishin V.G., Shlyakhtin G.V., Yakushev N.N., Kochetova I.B. Cranes, rails and crakes of Saratov region.....	67
Tabachishin V.G., Khrustov A.V., Zavyalov E.V., Andryushchenko Y.A., Shlyakhtin G.V., Malikov A.N., Kapranova T.A., Ruban O.A. Great Bustard in territory to the east of the Volga opposite Saratov: numbers and biotopic trends before migratory displacement	84
Loparev S.A. Present situation of population of the Snowy Sheathbill near south border of the breeding range	91
Knysh N.P. Peculiarities of breeding of the Marsh Warbler in Sumy region in 1999	102

Ethology

Berezovikov N.N. About territorial and hunting behaviour of the Hobby and the Black Kite in the Southern Altai	105
--	-----

Migrations

Grishchenko V.N. Phenology of autumn migration of the Roller in Ukraine	111
---	-----

Short communications

Skilsky I.V. New records of bird species included in the Red Book of Ukraine in the Bukovinian Carpathians	115
--	-----

Discussions

Boreyko V.E. Belief, love and reverence can save the birds	117
--	-----

Notes

Shevtsov A.O. Breeding of the Citrine Wagtail in Kirovograd region	19
Gleba V.M. Unusual nesting of the Swallow	30
Knysh N.P. A case of occupation of an old nest by the Penduline Tit	51
Redinov K.O. Interesting cases of nesting of the Linnet and the Black Redstart	114
Merzlikin I.R. About prey of fishes by the Swallow	120

Critique and bibliography	121
--	-----

Ornithological observations	25
--	----

Book shelf	62, 83
-------------------------	--------

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРІВ

1. “Беркут” публікує матеріали з усіх проблем орнітології. Приймаються статті обсягом до 1 друкованого аркуша (24 стор. машинопису або близько 40 тис. знаків комп'ютерного тексту), короткі повідомлення, замітки, окремі спостереження.
2. Текст, надрукований через 2 інтервали, надсилається у двох примірниках. При комп'ютерному наборі оптимальний варіант — ASCII-формат (просимо уникати переносів, форматування тексту і використання ліній у таблицях) або одна з версій MS Word for Windows. До файла повинна додаватись контрольна роздруковка статті. В кінці тексту подається адреса першого автора для листування (службова чи домашня — за власним вибором). При наявності бажано вказувати і адресу електронної пошти.
3. Матеріали друкуються українською, російською, англійською або німецькою мовами. До українських та російських робіт додається резюме англійською мовою обсягом до 2 сторінок. Воно повинно відтворювати головні результати досліджень і цифровий матеріал, допускаються посилання на таблиці та ілюстрації в тексті. Автори можуть надсилати резюме англійською мовою, або оплатити його переклад. До статей англійською чи німецькою мовами додається українське або російське резюме.
4. Ілюстрації повинні бути готові до безпосереднього відтворення, зроблені на білому папері чорною тушшю або роздруковані на лазерному принтері. Всі підписи до рисунків друкуються на окремому аркуші. Максимальний розмір ілюстрацій — формат А4.
5. При першій згадці виду в тексті наводиться його латинська назва. Автор вказується лише в роботах, присвячених систематиці. Назви птахів у таблицях подаються тільки латинською мовою.
6. Цифрові матеріали повинні супроводжуватись необхідною статистичною інформацією: число особин або вимірювань, похибка середньої, достовірність різниці і т. п.
7. До списку літератури мають входити лише цитовані джерела, розташовані в алфавітному порядку. Роботи одного автора подаються в хронологічній послідовності. У бібліографії іноземних робіт повинно зберігатися оригінальне написання, прийняте в даній мові. Недостоячі букви чи їх елементи можуть бути дорисовані ручкою (наприклад, німецькі ä, ö, ù, ð і т. п.).
8. Редакція залишає за собою право скорочувати і правити надіслані матеріали та відхиляти ті, що не відповідають даним вимогам.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. “Беркут” публикует материалы по всем проблемам орнитологии. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста), краткие сообщения, заметки, отдельные наблюдения.
2. Текст, напечатанный через 2 интервала, высылается в двух экземплярах. При компьютерном наборе оптимальный вариант — ASCII-формат (просим избегать переносов, форматирования текста и использования линий в таблицах) или одна из версий MS Word for Windows. К файлу должна прилагаться контрольная распечатка статьи. В конце текста указывается адрес первого автора для переписки (служебный или домашний — по собственному выбору). При наличии желательно указывать и адрес электронной почты.
3. Материалы печатаются на украинском, русском, английском или немецком языках. К статьям на украинском или русском языке прилагается резюме на английском языке объемом до 2 страниц. Оно должно отражать основные результаты исследований и цифровой материал, допускаются ссылки на таблицы и иллюстрации в тексте. Авторы могут присылать резюме на английском языке или оплатить его перевод. К статьям на английском и немецком языках прилагается резюме на украинском или русском.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, сделаны на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельном листе. Максимальный размер иллюстрации — формат А4.
5. При первом упоминании вида в тексте приводится его латинское название. Автор указывается лишь в работах, посвященных систематике. Названия птиц в таблицах даются только по латыни.
6. Цифровой материал должен сопровождаться необходимой статистической информацией: количество особей или измерений, ошибка средней, достоверность различий и т. п.
7. В список литературы должны входить только цитированные источники, расположенные в алфавитном порядке. Работы одного автора даются в хронологической последовательности. В библиографии иностранных работ должно сохраняться оригинальное написание, принятое в данном языке. Недостоящие буквы или их элементы могут быть дорисованы ручкой (например, немецкие ä, ö, ù, ð и т. п.).
8. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы и отклонять не отвечающие данным требованиям.

ЗМІСТ

Фауна і населення

Кныш Н.П. Заметки о редких и малоизученных птицах лесостепной части Сумской области	1
Грищенко В.М., Яблонівська-Грищенко Є.Д., Негода В.В., Пруденко О.Д. До орнітофауни Українського Посейм'я	20
Луговой А.Е., Потіш Л.А., Кузьма В.Ю., Геревич А.В. Изменения в фауне птиц р. Уж (Закарпатье) во второй половине XX столетия	26
Домашевский С.В. Материалы по орнітофауне полуострова Пурикаринеэм (Эстония)	31
Nankinov D.N. Birds observed during the trip through West Germany, Belgium and England (June 16th – 26th, 1987)	43

Екологія

Аппак Б.А. Черный гриф в Крыму	52
Шевцов А.О. Гніздування степового канюка в Олександрійському районі Кіровоградської області	63
Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Шляхтин Г.В., Якушев Н.Н., Кочетова И.Б. Журавлиные и пастушковые птицы Саратовской области	67
Табачишин В.Г., Хрустов А.В., Завьялов Е.В., Андрющенко Ю.А., Шляхтин Г.В., Маликов А.Н., Капанова Т.А., Рубан О.А. Динамика биотопической приуроченности и численности дрофы в Саратовском Заволжье в предмиграционный период	84
Лопарев С.А. Современное состояние популяции большого фуляроноса у южной границы ареала	91
Кныш Н.П. Особенности размножения болотной камышевки на Сумщине в 1999 г.	102

Етологія

Березовиков Н.Н. О территориальном и охотничьем поведении чеглока и черного коршуна на Южном Алтае	105
--	-----

Міграції

Grishchenko V.N. Phenology of autumn migration of the Roller in Ukraine	111
---	-----

Короткі повідомлення

Скільський І.В. Нові знахідки “червонокнижних” видів птахів у межах Буковинських Карпат	115
---	-----

Дискусії

Борейко В.Е. Спасти птиц может и вера, и любовь, и благоговение	117
---	-----

Замітки

Шевцов А.О. Гніздування жовтоголової плиски на Кіровоградщині	19
Глеба В.М. Незвичайне гніздування сільської ластівки	30
Кныш Н.П. Случай заселения ремезом прошлогоднего гнезда	51
Редінов К.О. Цікаві випадки гніздування коноплянки і чорної горихвістки	114
Мерзликин И.Р. О добывании рыбы деревенской ласточкой	120
Критика і бібліографія	121
Орнітологічні спостереження	25
Книжкова полиця	62, 83